ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРАВА

М. М. МИХАЙЛОВА.

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ОБЩІЙ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ КУРСЪ, СТЕНОГРАФИРОВАННЫЙ.

ЛЕКЦІИ XIX—XXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ
(Литейный просп., № 39).

1871

XIX ЛЕКЦІЯ.

Разборъ содержанія Двинской граматы замѣчателенъ вообще потому, что она служитъ дальнѣйшимъ развитіемъ постановленій Русской Правды. Мы видимъ въ ней постановленія, касающіяся судопроизводства, опредѣленіе различныхъ наказаній и преступленій. Въ отношеніи порядка разбора спорныхъ дѣлъ Двинская грамата упоминаетъ объ особомъ случаѣ разбирательства спорныхъ дѣлъ: объ оскорбленіяхъ, случаяхъ во время ссоры на пиру, при чемъ опредѣляетъ, что разбирательство дѣлъ подобнаго рода предоставляется судьямъ только въ такомъ случаѣ, если ссорящіеся на пиру сами не помирятся; если же они помирились и выйдутъ изъ пира въ дружбѣ, а не въ ссорѣ, то ни княжескій намѣстникъ, ни другія судьи не должны вмѣшиваться въ подобныя дѣла. Если же выйдутъ въ ссорѣ, то въ такомъ случаѣ дѣло касается суда намѣстника, который, кромѣ разбирательства дѣла и опредѣленія праваго и виновнаго, взыскиваетъ еще за судъ особую пошлину кунами. Это постановленіе имѣетъ нѣкоторое отличіе отъ постановленія, заключающагося въ Русской Правдѣ, гдѣ разбирательство въ подобныхъ случаяхъ не принадлежало вообще княжескимъ судьямъ. Затѣмъ Двинская грамата опредѣляетъ значеніе преступленія, нарушающаго границы поземельной собственности. Въ этомъ отношеніи грамата представляетъ болѣе подробныя правила, нежели Русская Правда. Такъ, она различаетъ не только порчу межей вообще, но различаетъ разные случаи этого рода преступленій, именно различаетъ порчу межей поля, принадлежащихъ одному селенію, за что виновный подвергается денежному взысканію. Замѣчательно при этомъ, что пеня опредѣляется не только деньгами, но и естественными произведеніями: опредѣляется количествомъ хлѣба и даже штукою скота. Затѣмъ различаетъ порчу межей, отдѣляющихъ поля двухъ смежныхъ селеній, за что и пеня взыскивается болѣе значительная—30 бѣлокъ. Наконецъ, различается порча ме-

жей въ княжескихъ земляхъ, за что полагается возвышенная денежная пеня, именно: три сорока бѣлокъ. Эти пени показываютъ намъ, что на ряду съ монетною системою продолжала дѣйствіе и другая система древняго времени. Затѣмъ, Двинская грамата опредѣляетъ различные случаи покражи: съ особенною строгостью она относится къ преступленію этого рода и болѣе подробно опредѣляетъ его, нежели Русская Правда, хотя удерживаетъ порядокъ изслѣдованій суда о покражи совершенно схожій съ Русской Правдой. Такъ, по общему правилу, схожему съ Русской Правдой, на основаніи Двинской граматы, хозяинъ, узнавъ свою вещь, долженъ посредствомъ свода отъискать, такъ что онъ долженъ идти до того, который не могъ указать отъ кого онъ получилъ вещь, признаваемую хозяиномъ за его собственность. Отъисканіе слѣдовательно, пропавшей вещи тоже самое, какъ и въ Русской Правдѣ, но различіе въ наказаніи, именно по Русской Правдѣ за кражу положена въ нѣкоторыхъ случаяхъ денежная пеня безъ различія однакоже, будетъ ли это первая кража или вторая. По Двинской граммотѣ различно наказаніе за первую кражу, вторую и третью: за первую кражу, воръ платитъ цѣну украденной вещи, за вторую кражу, вора отдаютъ въ рабство, а за третью кражу, воръ подвергается смертной казни повѣшеніемъ. Согласно понятію въ народѣ, преступникъ, повторяющій одинаковое преступленіе, заслуживаетъ каждый разъ наказаніе гораздо большее, нежели въ первый разъ, такъ что самое повтореніе преступленія обращается ему какъ бы въ самостоятельное преступленіе. Эти понятія позже теоретически появляются и въ наукѣ, но какъ вы видите, сначала они сознаются самимъ народомъ, такъ что народъ безсознательно привыкаетъ къ убѣжденію, что за повтореніе преступленія слѣдуетъ относиться къ преступнику гораздо строже и даже въ высшей степени строго, потому что, если сообразимъ значеніе перваго наказанія, втораго и третьяго, то увидимъ, что переходы здѣсь не являются постепенными, а напротивъ идутъ съ сильнымъ возвышеніемъ: наказаніе за первую кражу — цѣна украденной вещи;

за вторую—лишеніе свободы; за третью кражу—смертная казнь и притомъ законъ опредѣляетъ, какой видъ смертной казни: повѣшеніе. Эти же постановленія замѣчательны и въ другомъ отношеніи. Мы имѣли случай замѣтить, что смертная казнь прежде не является въ видѣ опредѣленнаго наказанія, а подразумѣвается въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Выраженіе: *князь казнитъ*, только предполагаетъ наказаніе этого рода, а выраженіе смертная казнь, здѣсь мы видимъ, прямо опредѣляетъ это наказаніе съ указаніемъ способа его примѣненія Затѣмъ, изъ этой же граммоты узнаемъ, что, для предупрежденія преступленія кражи, употреблялась въ это время особая предупредительная мѣра, заключающаяся въ клейменіи вора для того, чтобы всѣ другіе могли остерегаться этого лица. Это есть первый намекъ въ нашемъ законодательствѣ о подобнаго рода предупредительной мѣрѣ, которая впослѣдствіи распространилась весьма значительно. Въ этомъ отношеніи она представляетъ несовершенство нашего древняго законодательства, которое одинакимъ образомъ какъ бы ставитъ на одну и туже доску и самыя тяжкія преступленія и болѣе обыкновенныя, каковы: кража. Такимъ образомъ мы видимъ съ одной стороны, что уголовное законодательство дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи: различаетъ случаи повторенія преступленія; съ другой стороны—оно стоитъ еще на низкой степени развитія, потому что принципа различія тяжести преступленій не сознаетъ еще законодатель этого времени: нѣтъ различія между тяжкими и обыкновенными преступленіями; тѣмъ менѣе, нѣтъ различія между преступленіемъ и такъ называемымъ проступкомъ. Всѣ эти различія мы увидимъ, какъ принадлежность уже позднѣйшаго времени. При смѣшеніи понятій о тяжести преступленій Двинская грамота смотритъ однако напреступленіе, какъ на дѣло государственное и въ высшей степени строго запрещаетъ не только собственную расправу съ преступникомъ пойманнымъ на мѣстѣ преступленія, но даже оставленіе безъ преслѣдованія виновнаго. Такимъ образомъ въ Двинской граммотѣ является новое опредѣленіе: если кто, поймавъ вора, отпуститъ его, а не приведетъ къ суду, то это без-

дѣйствіе считается за преступленіе. Такимъ образомъ является рѣзкая черта или граница понятій прежняго времени отъ понятій начинающихся съ этой эпохи. Въ прежнее время на преступленіе смотрѣли съ двоякой точки зрѣнія: какъ на нарушеніе общественнаго мира или порядка, за что взыскивалась вира и съ другой стороны, какъ на дѣло частное, какъ на личное оскорбленіе и какъ на личную обиду. Подъ вліяніемъ этого взгляда преслѣдуется самоуправство, обычай мести, такъ что, если нѣтъ родственниковъ, имѣющихъ право мстить и нѣтъ вообще лицъ, кто бы могъ заступиться за оскорбленнаго и обиженнаго, то преступникъ могъ и избѣжать наказанія. Въ разсматриваемую эпоху мы видимъ, что не только самыя высшія преступленія, но самыя обыкновенныя признаются за дѣйствія, касающіяся общественнаго интереса, и не только самоуправство запрещается, но и запрещается укрывательство преступника. Затѣмъ Двинская граммота опредѣляетъ порядокъ суда и расправы. Каждый обиженный для удовлетворенія его долженъ бить челомъ, т. е. просить княжескаго судью. Просьба эта должна заключать въ себѣ ходатайство о томъ, чтобы княжескій судья разсудилъ его съ обидчикомъ. Вслѣдствіе этаго челобитія, намѣстникъ вызываетъ виновнаго къ суду посредствомъ двухъ лицъ, назначенныхъ имъ для этого вызова. Эти лица, какъ они поименованы въ Двинской граммотѣ, есть во-первыхъ дворянинъ и во-вторыхъ подвойскій. Слово дворянинъ, встрѣчающееся здѣсь, означаетъ, что дворяне въ теченіи этого времени исключительно отправляли служебныя обязанности, такъ что разные намѣстники, судьи и другія должностныя лица посылали ихъ для исполненія различныхъ порученій. Каждый дворянинъ находился на службѣ у князя или у его намѣстника. Значеніе подвойскаго весьма важно, потому что онъ былъ выбираемъ отъ земщины: сами жители выбирали такихъ лицъ, которые находились при судьяхъ вообще и при всякихъ должностныхъ лицахъ. Значеніе этихъ выборныхъ было двоякое: съ одной стороны они исполняли нѣкоторыя порученія, напримѣръ, вызывали отвѣтчика къ суду; съ другой стороны они были свидѣтелями всего

того, что дѣлаетъ судья и въ этомъ то отношеніи они, какъ выборные отъ земства имѣли то важное значеніе, что они могли указать намѣстнику или судьѣ, который иногда пріѣзжалъ изъ другой области, какіе обычаи существуютъ въ той странѣ, гдѣ онъ производилъ судъ и расправу. Эти два лица, дворянинъ и подвойскій должны были отъискивать отвѣтчика или обидчика и представлять его къ суду. Если отвѣтчикъ удаленный отъ того города, гдѣ живетъ намѣстникъ или судья княжескій, не могъ явиться, то тогда онъ долженъ былъ дать поручителя, что явится въ назначенный срокъ; срокъ этотъ назначалъ ему подвойскій. Если же отвѣтчикъ не являлся къ подобному сроку, то судъ не дѣлалъ ему вторичнаго вызова, а выдавалъ просителю безсудную граммоту, въ которой отвѣтчикъ признавался виновнымъ безъ суда. Если отвѣтчикъ, по вызову въ судъ не могъ тотчасъ явиться или представить поручителя въ томъ, что онъ явится въ извѣстный срокъ, то дворянинъ и подвойскій могли его арестовать и заковать въ цѣпи. Таковъ порядокъ суда, о которомъ говорится въ Двинской граммотѣ. Затѣмъ граммота исчисляетъ различныя пошлины. Они довольно разнообразны и при томъ весьма тягостны, такъ напр. намѣстникамъ и княжескимъ судьямъ въ спорномъ дѣлѣ объ имуществѣ назначаютъ пеню отъ рубля сверхъ того взыскивается пошлина подвойскому и дворянину за вызовъ въ судъ. Пошлина эта не одинакова: она сообразуется съ разстояніемъ, которое эти лица должны проѣхать, чтобы отъискать отвѣтчика и привести его въ судъ. Не нужно забывать, что эти лица получали вознагражденіе за службу: кромѣ этихъ пошлинъ всѣ они имѣли оклады и пользовались извѣстнымъ кормленіемъ и кромѣ того они съ каждаго дѣйствія могли получать по закону извѣстную часть. Это объясняетъ между прочимъ, какъ разнообразны были способы вознагражденія служебныхъ лицъ. Сверхъ того упоминаются нѣкоторыя мелкія пошлины, такъ кромѣ главнѣйшихъ пошлинъ назначались еще особыя пошлины отъ печати. Здѣсь-же упоминается, что и дьякамъ назначаются также пошлины за письмо. Такъ въ одной изъ статей Двин-

ской граммоты сказано, что отъ печати оправлять намѣстнику 30 бѣлокъ, а дьяку за письмо 3 бѣлки. Выраженіе „дьяку за письмо“ показываетъ, что въ это время судопроизводство облекалось въ письменную форму, и въ этомъ отношеніи подобное явленіе было шагомъ впередъ. До этого времени разбирались дѣла большею частью словесно; въ разсматриваемое же время мы видимъ, что дьяки и судьи записываютъ все то, что происходитъ на судѣ; за это имъ назначается пошлина. Эти записи всего того, что происходило на судѣ впослѣдствіи развиваются въ отдѣльныя формы. Такъ появились судные списки, главная часть, которыхъ содержитъ судоговореніе, судныя рѣчи, т. е. все то, что говоритъ челобитчикъ или отвѣтчикъ. Само собою разумѣется, что первоначально это облеченіе въ письменныя формы было весьма полезно: оно упрочивало опредѣленіе суда на долгое время. Приговоръ суда или правая грамота служили впослѣдствіи основаніемъ для законнаго охраненія владѣнія имуществомъ — однимъ словомъ судъ, облекаясь въ письменныя формы приносилъ ту пользу, что дѣйствіе правосудія не могло какъ-бы забываться и не удерживалось только памятью, но основывалось уже на документѣ. Но съ другой стороны эта письменность мало по малу обратилась въ крайность; дьяки, не ограничиваясь записью необходимаго, включали въ судные списки иногда такія указанія, которыхъ вовсе не было на судѣ, являлись мнимыя показанія свидѣтелей и такимъ образомъ, искажая сущность дѣла при малой степени грамотности самихъ судей, они захватили въ свои руки непосредственно все отправленіе правосудія, такъ что настоящимъ судьею de facto былъ не судья, а дьякъ. Мы разсматриваемъ только начало подобнаго злоупотребленія, которое все болѣе усиливалось и продолжалось до царствованія Петра Великаго. Затѣмъ Двинская грамота представляетъ опредѣленія касательно подсудности, т. е. опредѣляетъ въ какихъ случаяхъ, какой судъ долженъ былъ разбирать то, или другое дѣло. Это также въ нѣкоторой степени успѣхъ законодательства въ томъ смыслѣ, что сначала законъ не заботился объ опредѣленіи какому

судьѣ принадлежитъ разбирательство извѣстного дѣла, но впослѣдствіи опредѣляетъ не только самый судъ, но и разбираетъ подобные случаи. Главное правило подсудности по Двинской граммотѣ то, что каждый судомъ и данью тянетъ по землѣ и водѣ, т. е. подсудность обусловливается мѣстностью. Право суда иногда принадлежало княжескимъ судьямъ, если преступленіе совершено на землѣ княжеской, иногда судьямъ монастырскимъ и церковнымъ, если преступникъ или виновный принадлежитъ къ числу постоянныхъ обывателей этихъ земель. Сначала въ этомъ отношеніи не было никакого ограниченія, въ послѣдствіи появилось ограниченіе, что имъ принадлежитъ право суда въ менѣе тяжкихъ преступленіяхъ; болѣе же тяжкія преступленія судитъ окончательно княжескій судья. Тѣмъ не менѣе каждый долженъ былъ бить челомъ судьѣ той области, къ которой принадлежалъ отвѣтчикъ или обвиняемый. Такой порядокъ суда относился преимущественно только къ дѣламъ гражданскимъ: къ спорамъ объ имуществѣ, о земляхъ, отчасти онъ примѣнялся и къ преступленіямъ, но только къ менѣе значительнымъ. Въ дѣлахъ болѣе значительныхъ былъ особый порядокъ подсудности и именно: убійца и воръ судились на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, а не тамъ, куда онъ *тянулъ судомъ и данью по землѣ и по водѣ*. Причина подобнаго исключенія заключалась въ томъ, что право окончательной казни и суда подобныхъ преступниковъ принадлежало только высшимъ судьямъ, ни тіунамъ, ни волостелямъ, а выборнымъ намѣстникамъ, такъ какъ выборный намѣстникъ жилъ всегда въ главномъ городѣ округа, то по этому здѣсь и не могло быть соблюдаемо то право, чтобы при судѣ какого-нибудь лица обращать вниманіе на то, куда оно принадлежитъ по постоянному мѣсту жительства. Если намѣстникъ судилъ не правильно, то на него можно было подать жалобу князю или посланному отъ князя боярину. Наконецъ въ Двинской граммотѣ упоминается о нѣкоторыхъ торговыхъ пошлинахъ: упоминается пошлина съ гостей, т. е. съ иногородныхъ торговцевъ. Двинскіе купцы освобождаются отъ всякихъ торго-

выхъ пошлинъ, а собирается пошлина только съ гостей. Причина такого исключенія заключалась въ томъ, что двиняне отложились отъ Новгорода и признали надъ собой власть великаго князя московскаго. При этомъ новомъ подчиненіи они постарались выговорить себѣ особыя льготы и къ числу этихъ льготъ относилось и освобожденіе мѣстныхъ торговцевъ отъ всѣхъ пошлинъ. Пошлины съ иногородцевъ Двинская грамота раздѣляетъ на два вида: во 1-хъ пошлина въ пользу подвойскихъ и сотскихъ, которымъ назначается извѣстная часть товара со всѣхъ вывозимыхъ товаровъ, такъ напр. съ барки хлѣба по мѣшку ржи. Подобнымъ же образомъ опредѣляется пошлина и съ другихъ товаровъ. Затѣмъ опредѣляется пошлина съ нѣкоторыхъ промысловъ, напр. за продажу соли. Пошлина также эта опредѣляется въ пользу подвойскаго и сотскаго. Упоминается пошлина подорожная съ воза по двѣ бѣлки; съ ладьи по нѣсколько мѣшковъ ржи, соли и т. п. О прочихъ пошлинахъ Двинская граммота не упоминаетъ. Вотъ общее содержаніе Двинской граммоты. Выработались эти опредѣленія, заключенныя въ Двинской граммотѣ не вдругъ, а постепенно: они выработались сначала подъ новгородскимъ владычествомъ, такъ какъ въ Новгородѣ общественное устройство основывалось на выборномъ началѣ. Съ другой стороны Двинская грамота представляетъ отличіе отъ порядка управленія Новгородской области. Такъ въ ней встрѣчаемъ особыя торговыя пошлины, которыя несуществовали въ другихъ мѣстахъ. Затѣмъ обратимся къ разсмотрѣнію судныхъ граммотъ. Судныя граммоты развивались постепенно. По началу своего происхожденія, относясь къ той или другой эпохѣ, они переходили къ потомству съ дополненіями и такимъ образомъ являются наконецъ въ немногихъ дошедшихъ грамматахъ уже въ подробно развитыхъ формахъ. Наиболѣе развитыми по содержанію, какъ бы образцами всѣхъ другихъ являются Псковская судная граммота и Новгородская судная граммота. По времени своего послѣдняго написанія они выходятъ за предѣлъ разсматриваемаго періода. Такъ Псковская грамота относится къ концу 14 вѣка по первоначальное

развитіе и начало происхожденія ея нужно отнести къ удѣльному періоду. Псковская судная граммата представляетъ наибольшее значеніе, какъ законодательный памятникъ послѣ Русской Правды и потому, что законъ этотъ отступаетъ во многомъ отъ постановленій Русской Правды, что свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ развитіи закона. Общее значеніе судной граммоты по отношенію къ Русской Правдѣ заключается въ томъ, что все дальнѣйшее развитіе постановленій въ приложеніи къ суду развивалось посредствомъ распространенія на практикѣ и вырабатывалось въ опредѣленное законодательство; въ уставныхъ грамматахъ опредѣляется уже до нѣкоторой степени порядокъ суда но уставная граммота не была судебнымъ уставомъ это былъ законъ административный, а не судебный. Подобный же порядокъ постановленій опредѣляется отчасти въ договорныхъ граммотахъ. Такъ въ нихъ опредѣляется порядокъ суда въ случаѣ спора о границахъ между княжескими владѣніями, опредѣляется судъ жителей одного княжества въ спорѣ ихъ съ жителями другого княжества. Но эти важныя опредѣленія, встрѣчающіяся въ отдѣльныхъ законахъ, требовали конечно спеціальнаго закона, который бы болѣе подробно опредѣлилъ порядокъ суда. И вотъ являются спеціальныя судныя граммоты. Русская Правда была общимъ закономъ во всѣхъ княжествахъ. Но постановленія ея были кратки; отношенія перемѣнились въ теченіи удѣльнаго періода; явилось нѣсколько новыхъ понятій, которыя требовали изданія новаго закона. Отъ этого происходили жалобы на княжескихъ намѣстниковъ. Нужно было дать новое руководительное начало судьямъ — судную граммоту, въ которой собрано содержаніе различныхъ граммотъ. Теперь обратимся къ содержанію или къ разбору постановленій заключающихся въ этихъ двухъ грамотахъ. Псковская судная грамота по заглавію относится къ 1397 году, но правильнѣе относить ее въ томъ видѣ, какъ она дошла къ 1462 году. Содержаніе этой грамоты касается опредѣленія судоустройства и судопроизводства. Разсмотримъ различныя формы суда на основаніи этой грамоты. Прежде всего упоминается

судъ князя и посадника. Значеніе этого суда то же, какъ и въ Новгородской судной грамотѣ: ни князь не судитъ безъ посадника, ни посадникъ безъ князя. Судъ княжій и посадничій производился на княжескомъ дворѣ. Вмѣсто князя представлялъ его власть княжескій намѣстникъ и этотъ то намѣстникъ съ посадникомъ разрѣшалъ самыя важнѣйшія дѣла. Псковская граммота исчисляетъ наиболѣе важныя дѣла, это суть: убійства, татьба, грабежъ и разбой. Намѣстникъ и посадникъ судятъ въ присутствіи особыхъ выборныхъ, которые носятъ наименованіе старостъ: это выборные представители отъ классовъ псковской общины, отъ разныхъ сословій тогдашняго времени. Кромѣ этого суда упоминается судъ выборныхъ, судъ владычный и нѣкоторые другіе.

XX ЛЕКЦІЯ.

Я замѣтилъ, что разбирательство важнѣйшихъ дѣлъ подлежало суду князя съ посадниками; въ дѣлахъ-же менѣе важныхъ и преимущественно гражданскихъ, а именно: дѣла о займахъ, дѣла о наймѣ, о покупкѣ, о поземельномъ владѣніи, о наслѣдствѣ, и вообще о раздѣлѣ имѣнія, подлежали суду выборныхъ судей отъ самихъ псковскихъ жителей. Кромѣ этого суда, который составлялся изъ выборныхъ судей, при которыхъ находились дьяки для письмоводства, упоминается еще Владычный судъ или судъ епископскаго намѣстника. Во Псковѣ не было своего епископа, а псковская область

зависѣла отъ новгородскаго епископа. Поэтому и въ дѣлахъ церковныхъ судъ правилъ намѣстникъ епископа. Въ этомъ судѣ не могъ участвовать ни намѣстникъ княжескій, ни посадникъ, ни выборные земскіе судьи. Однако-же тутъ находились нѣкоторые свѣтскіе люди не въ качествѣ судей, а въ качествѣ исполнителей постановленій этого суда. Такъ упоминаются два пристава. Между прочимъ, этому суду подлежали всѣ люди, жившіе на земляхъ духовнаго вѣдомства. Если возникало дѣло между людьми церковными съ не-церковными, то назначался судъ смѣстной: въ такомъ случаѣ во владычный судъ пріѣзжали княжескіе намѣстники и производили судъ вмѣстѣ; Владычный судъ производилъ дѣла церковныя и гражданскія на основаніи церковныхъ законовъ. Четвертая форма суда, упоминаемаго судной грамотой, есть такъ называемый, судъ Братчинниковъ. Братчинниками назывались особыя лица, избираемыя изъ числа гостей во время пира. Обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобы всякій споръ, ссоры, драки и т. п. дѣла, которыя могутъ возникнуть на пиру, были разрѣшаемы посредствомъ этихъ выборныхъ лицъ по обычаю чтобы не доводить дѣла до суда оффиціальнаго. Такимъ образомъ мы здѣсь встрѣчаемъ постановленіе совершенно схожее съ постановленіемъ Двинской грамоты, т. е., что князь или вообще оффиціальные судьи не могутъ вмѣшиваться въ такія дѣла, которыя могутъ быть рѣшены миролюбиво посредствомъ выборныхъ посредниковъ. Затѣмъ упоминается вѣчевой судъ. На этомъ судѣ не должны были присутствовать княжескій намѣстникъ и посадникъ; на основаніи Псковской Судной Грамоты приговоры суда считались окончательными только тогда, когда они разрѣшались большинствомъ лицъ, собранныхъ на вѣчѣ. Какія-же дѣла подлежали этому Вѣчевому суду, объ этомъ Псковская Судная Грамота ничего не упоминаетъ, но можно предполагать, что только самыя важныя дѣла, дѣла въ чрезвычайныхъ случаяхъ могли быть предложены на такое обсужденіе цѣлаго вѣча. Слѣдовательно, всѣ тѣ дѣла, которыя не могъ рѣшить ни самъ посадникъ отдѣльно, ни вмѣстѣ съ намѣстникомъ, нужно было предоставить

на разрѣшеніе самаго вѣча. Каждый судъ, на основаніи Псковской Судной Грамоты пользовался особеннымъ уваженіемъ, и потому дѣло, рѣшенное какимъ бы то ни было судомъ, считается оконченнымъ, не подлежитъ дальнѣйшему пересмотру и приводится немедленно въ исполненіе. Посадникъ или судья не можетъ принимать жалобы на рѣшенія другихъ судовъ, и одинъ. псудъ не вмѣшивается въ разбирательство другаго суда Посадникъ, княжескій намѣстникъ или вообще выборный судья, на основаніи Псковской Судной Грамоты, не можетъ оставить своей должности до тѣхъ поръ, пока начатыя дѣла судебныя не будутъ разрѣшены окончательно. Такимъ образомъ, здѣсь та идея, что разъ начатое дѣло судьею, непремѣнно должно быть имъ окончено и рѣшеніе этого судьи ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать пересмотру. Псковская Судебная Грамота очевидно хочетъ придать суду самое торжественное значеніе. Она приравниваетъ приговоръ суда съ силою закона: какъ на законъ не можетъ быть жалобы, такъ и на приговоръ суда не можетъ быть жалобы. Съ другой стороны, возвышая такимъ образомъ судъ, Псковская Судебная Грамота строго относится къ самимъ судьямъ: она требуетъ, чтобы судъ былъ правильный и безпристрастный, и для того, чтобы обезпечить это требованіе, законъ требуетъ отъ нихъ присяги. До вступленія въ должность, поэтому, на основаніи Псковской Судной Грамоты, княжескій намѣстникъ, посадникъ и вообще каждый судья выборный, обязанъ цѣловать крестъ въ томъ, что долженъ судить по правдѣ: виновнаго не оправдывать, праваго не обвинять и не погубить; въ такихъ формахъ выражается присяга на основаніи Псковской Судебной Грамоты. Эти опредѣленія,—степень развитія закона, но съ другой стороны они представляютъ еще извѣстный недостатокъ законодательства. Такъ, развитіе выражается въ томъ, что судъ или судебное отправленіе правосудія возвышается самымъ закономъ: законъ перестаетъ смотрѣть на судъ, какъ на источникъ дохода казны княжеской. Законъ, такимъ образомъ, сознаетъ возможность для судей безпристрастнаго приговора и старается предупредить нарушеніе пра-

восудія назначеніемъ присяги судьямъ. Затѣмъ, за неправый приговоръ и за умышленное обвиненіе невиннаго, судья, по смыслу закона, наказывается не потому только, что онъ постановилъ несправедливый приговоръ, но какъ нарушитель присяги, слѣдовательно, какъ лицо, совершившее преступленіе. Мы видимъ во всемъ этомъ дальнѣйшее и болѣе значительное развитіе идеи правосудія. Но, съ другой стороны, недостатокъ заключается въ томъ, что, при полномъ предположеніи безпристрастія въ судьѣ, могутъ быть ошибки въ постановленіяхъ приговора суда. Законодатель еще не предвидитъ этого: онъ преслѣдуетъ только умышленно-неправый приговоръ, а отъ случайныхъ ошибокъ судьи не представляется еще никакихъ гарантій, именно онъ не допускаетъ аппеляцій и пересмотра судебныхъ рѣшеній. Если въ такомъ подробномъ и до нѣкоторой степени развитомъ законѣ, какъ Псковская Судная Грамота, представляется подобный недостатокъ, то мы можемъ смѣло предположить, что во всѣхъ другихъ судныхъ грамотахъ, которыя и не дошли до позднѣйшаго времени, существовали тѣ-же самые недостатки. Затѣмъ въ Псковской Судной Грамотѣ опредѣляется самый порядокъ суда. Судъ, на основаніи этой Грамоты, начинается жалобой и челобитьемъ истца или самихъ судей. Здѣсь мы видимъ прогрессъ законодательства. До этого времени, судьямъ не было дѣла, пока они не получали жалобы; на основаніи Псковской Судной Грамоты, такъ поступаютъ только въ дѣлахъ гражданскихъ, т. е. въ дѣлахъ, имѣющихъ только цѣнность денежную, но гдѣ дѣло касается уголовныхъ преступленій, то сами судьи возбуждаютъ дѣло. Въ случаѣ челобитья, судъ дѣлаетъ вызовъ отвѣтчика чрезъ особыхъ служителей, которые носятъ наименованія, отчасти намъ уже извѣстныя: дворяне, подвойскіе, кромѣ того, позовники. Позовники должны быть съ обѣихъ сторонъ—и отъ судей княжескихъ и отъ земщины. Этимъ позовникамъ судъ назначаетъ мѣсто, куда они должны ѣхать для вызова отвѣтчика, за что даетъ имъ особыя пошлины, которыхъ количество зависитъ отъ разстоянія и затѣмъ снабжаетъ этихъ позовниковъ письменными докумен-

тами. Такъ упоминаются позовницы или приставныя памяти. Въ нихъ судъ кратко помѣчаетъ позовникамъ чрезъ дьяка, кого нужно вызвать къ суду, по какому дѣлу, вслѣдствіе челобитья поданнаго тѣмъ или другимъ лицомъ. Получивъ такую приставную память, позовникъ отправляется въ то мѣсто, гдѣ живетъ отвѣтчикъ и тамъ производитъ вызовъ съ нѣкоторыми формальностями. Такъ, вызовъ производится въ церкви предъ священникомъ и всѣмъ народомъ: позовникъ по окончаніи службы прочитываетъ вызовъ къ суду. Это производилось съ тою цѣлью, чтобы возможно было гласно вызвать виновнаго къ суду. По прочтеніи отвѣтчикъ долженъ былъ объявить, что онъ явится въ извѣстный срокъ къ суду. Если онъ не являлся или не находился во время чтенія *памяти*, тогда нужно было отыскать его между жителями и объявить вызовъ къ суду. Если отвѣтчикъ послѣ перваго вызова скроется изъ мѣста своего жительства, въ такомъ случаѣ выдается на него безсудная грамота, въ силу которой онъ безъ суда признается виновнымъ, а истецъ утверждается въ своемъ искѣ и признается правымъ; послѣ этого уже нельзя принести жалобу на то, что искъ былъ неправильный. Правая грамота должна быть написана дьякомъ, къ ней прикладывается печать князя. Она можетъ быть написана и не дьякомъ, а постороннимъ частнымъ лицомъ, но должна быть скрѣплена во всякомъ случаѣ печатью князя или печатью церкви св. Троицы. При этомъ упоминается въ Псковской Судной Грамотѣ, что при этой церкви были особые судьи, и печать этой церкви могла замѣнить печать княжескую. Весьма замѣчательное постановленіе Псковской Судной Грамоты заключается также въ томъ, что законъ этотъ допускаетъ въ судъ защитниковъ для истца и отвѣтчика. Это есть первый законъ, который упоминаетъ о томъ, что постороннія лица могутъ защищать на судѣ дѣло другаго лица; они назывались пособниками. Эти какъ бы адвокаты стараго времени не пользовались во Псковѣ большимъ довѣріемъ и допускались они только тогда, когда жалоба принесена на женщину или на малолѣтняго или на чер-

неца или черницу, или на больнаго, или стараго. При этомъ грамота постановляетъ, что одинъ и тотъ-же защитникъ не имѣетъ права защищать двухъ дѣлъ въ одинъ и тотъ-же день; во всѣхъ прочихъ случаяхъ защита дѣла составляетъ обязанность каждаго: каждый долженъ самъ защищать себя на судѣ и заявлять свои жалобы на другое лицо и доказывать неосновательность жалобъ на него принесенныхъ. Для того, чтобы это правило соблюдалось, во Псковѣ при судахъ находились особые у дверей придверники, сторожа, которые пропускали только самихъ тяжущихся, только самаго истца и отвѣтчика и не впускали никого изъ постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ, судъ производился закрыто, говоря языкомъ нашего времени, при закрытыхъ дверяхъ и не былъ гласнымъ. Касательно судныхъ пошлинъ, Псковская Судная Грамота повторяетъ большею частію прежнія-же опредѣленія. Судныя доказательства были различны. Различіе ихъ зависѣло отъ свойства тѣхъ дѣлъ, которыя могли быть доказаны тѣмъ или другимъ способомъ. Такъ во 1-хъ упоминаются доказательства въ спорахъ о поземельномъ владѣніи. Сюда относятся показанія старожиловъ или окольныхъ людей и другихъ людей о томъ, какія были границы поземельнаго участка. Если идетъ споръ о границѣ земли, то, на основаніи Псковской Судной Грамоты, нужно спросить старожиловъ: не помнятъ ли они, гдѣ и какъ проходила граница. Какъ покажутъ старожилы, такъ судъ приметъ, что земля принадлежитъ одному въ большемъ объемѣ, нежели другому. Затѣмъ въ числѣ доказательствъ упоминаются межевыя земельныя грамоты на право владѣнія и это было доказательствомъ, показывающимъ, что въ эту эпоху развилось въ обычаѣ, а затѣмъ утвердилось въ законѣ право, что каждый владѣющій поземельнымъ участкомъ имѣлъ актъ. Такіе документы могли быть разные, они дошли до нашего времени въ собраніи извѣстномъ подъ названіемъ юридическихъ актовъ. Это есть важный источникъ для юридическихъ изслѣдованій. Если нельзя было разрѣшить спора о межахъ по актамъ и межевымъ знакамъ, то упо-

треблялся судебный поединокъ или такъ называемое *поле*, когда показанія тяжущихся были разнорѣчивы, такъ, если истецъ показывалъ одно, а отвѣтчикъ показывалъ совершенно противуположное и когда свидѣтели также разнорѣчивы между собою. Затѣмъ упоминаются доказательства о нѣкоторыхъ договорахъ, такъ напримѣръ, при займѣ, при поклажѣ, причемъ, кромѣ обыкновенныхъ доказательствъ, упоминаются, такъ называемые, доски; это тоже, что у насъ замѣтныя книги. При неразвитости письма въ силу стариннаго обычая, торговцы дѣлали извѣстныя зарубки на доскѣ и онѣ имѣли значеніе доказательствъ. До сихъ поръ въ народѣ сохранился обычай отмѣчать посредствомъ надрубокъ вообще различные счеты. Начало этого обычая относится къ глубокой старинѣ; но и прежде доказательствомъ того, что деньги и товаръ даны были въ займы, служили также письменные документы. Они носятъ наименованіе рядницъ, отъ слова рядъ или договоръ условный. Замѣчательно, что въ отношеніи храненія письменныхъ актовъ или условій при церкви св. Троицы во Псковѣ было особенно построенное помѣщеніе, которое просто именовалось ларемъ. Въ этомъ–то ларѣ должны были храниться всѣ написанныя при церкви рядницы, т. е. всѣ условія. Если рядница находилась въ ларѣ церкви св. Троицы, то это служило доказательствомъ того, что договоръ былъ дѣйствительно заключенъ и заключенъ правильнымъ порядкомъ. Этотъ обычай указываетъ, что и въ старину понималась необходимость въ учрежденіи подобномъ нашимъ нотаріусамъ. Если такимъ образомъ возникалъ споръ о займѣ или о поклажѣ, а рядницы не было при церкви, тогда въ подобномъ искѣ, для доказательства правоты, если не было при немъ свидѣтелей, не допускалось поле или судебный поединокъ ни въ какомъ случаѣ по отношенію къ такимъ спорамъ, въ которыхъ не было рядницы. Но нужно же было постановить какой нибудь способъ для дѣлъ не основанныхъ на письмѣ, и вотъ Псковская Грамота постановляетъ, что всякое дѣло должно разрѣшать крестнымъ цѣлованіемъ, т. е. присягою. Если споръ происходилъ между

господиномъ и закупомъ, т. е. временнымъ несвободнымъ, находящимся у него въ услуженіи, и если закупъ доказывалъ, что онъ заслужилъ законныя деньги и что господинъ удерживаетъ сверхъ срока служенія, то споръ разрѣшался на основаніи записи; если же не было записи, то на основаніи показаній свидѣтелей. Въ дѣлахъ уголовныхъ: кражѣ, татьбѣ, судебнымъ доказательствомъ считались показанія свидѣтелей, присяга или крестное цѣлованіе, а при недостаткѣ тѣхъ и другихъ поле или судебный поединокъ. Если къ дѣлу имѣли отношеніе иностранцы или пріѣзжіе и они обвиняли въ татьбѣ или грабежѣ, то отъ нихъ не требовали показаній свидѣтелей въ доказательство ихъ правоты, но ихъ приводили къ цѣлованію креста и заставляли принести крестное цѣлованіе въ томъ, что приносятъ жалобу дѣйствительно правую. Свидѣтелей не требовали отъ иностранцевъ, не принадлежащихъ псковской области, потому что имъ, какъ пріѣзжимъ, труднѣе было отыскать людей, которые бы ихъ знали и сказали за нихъ въ пользу на судѣ. Законъ Псковской Судной Грамоты относится съ извѣстною строгостью и къ самимъ свидѣтелямъ. Этимъ онъ выражаетъ, что законодательство этого времени понимаетъ уже важное значеніе свидѣтелей. Псковская Судная Грамота говоритъ, что свидѣтели должны показывать правду и притомъ, чтобы они говорили слово противу слова съ тѣмъ за кого свидѣтельствуютъ Затѣмъ запрещалось свидѣтельствовать въ пользу той и другой стороны и каждый свидѣтель долженъ былъ представить доказательства противъ тѣхъ обвиненій, которые представляютъ свидѣтели другой стороны. Эти-то свидѣтельства и доказательства слово противу слова записывались дьякомъ, но такъ какъ большая часть свидѣтелей были безграмотны, то дьяки могли записывать и не то, что свидѣтели указывали. Это тѣмъ болѣе понятно, что было много жалобъ на дьяковъ и подъячихъ и наконецъ въ самомъ народѣ возбуждалось негодованіе противъ этого класса лицъ. Сверхъ того, истцы и отвѣтчики могли заявить предъ судомъ, что они не довѣряютъ тѣмъ или

другимъ свидѣтелямъ, и если они могли доказать, что свидѣтели были въ какихъ-либо случаяхъ пристрастны, то судъ не давалъ вѣры такимъ свидѣтельскимъ показаніямъ. Мы видимъ, что законъ уже не вѣритъ на слово, мы видимъ, что законъ отличаетъ свидѣтелей очевидцевъ и свидѣтелей по наслышкѣ, но и дозволяетъ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ свидѣтельствуютъ свидѣтельскія показанія, доказать, что эти свидѣтели не заслуживаютъ почему-либо довѣрія. Мы видѣли, что законъ этого времени возвышалъ значеніе суда и требовалъ опредѣленныхъ гарантій правосудія. Здѣсь мы видимъ, что законъ считаетъ и свидѣтелей въ томъ смыслѣ, какъ и самыхъ судей, потому что судъ постановляетъ свои рѣшенія на основаніи показаній свидѣтелей. Нужно, чтобы эти показанія были дѣйствительно правыя. Наконецъ, мы видимъ, что Псковская Судная грамота обусловливаетъ еще свидѣтельскія показанія тѣмъ, что они должны быть *подкрѣплены* въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестнымъ цѣлованіемъ, т. е. присягою. Вообще присягѣ законъ этого времени даетъ рѣшительное и окончательное значеніе, преобладающее надъ всѣми прочими доказательствами. Это видно изъ того, во 1-хъ, что законъ требуетъ, чтобы нѣкоторыя доказательства были подтверждены присягою; во 2-хъ, это видно изъ того, что законъ предоставляетъ, на основаніи Псковской Судной грамоты, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда доказательства недостаточны, взять истцу присягу на себя или дать присягу отвѣтчику. Это имѣло слѣдующее значеніе: когда возникало сомнѣніе и это сомнѣніе не могло быть разрѣшено представленными доказательствами, такъ, что судья не могъ произнести никакого рѣшенія, то судья предлагалъ отвѣтчику взять дѣло себѣ на душу, т. е. принять присягу, что искъ дѣйствительно не справедливъ и жалоба неосновательна. Если же отвѣтчикъ этого не хотѣлъ дѣлать, то тогда право присяги предоставлялось истцу. Такимъ-же образомъ, и даже съ большею подробностью, Псковская Судная грамота опредѣляетъ порядокъ судебнаго поединка: истцу или отвѣтчику малолѣтнему, престарѣлому, лицу монашествующаго званія, священнику

увѣчному и нѣкоторымъ другимъ предоставлялось поставлять вмѣсто себя на судебный поединокъ другихъ лицъ, которыя назывались наймитами или судебными бойцами. Прочія же лица должны были сами выходить на поединокъ. Въ производствѣ его соблюдалась нѣкоторая формальность. Такъ, самъ судья назначалъ мѣсто для производства этого поединка и отправлялъ вмѣстѣ съ ними судебнаго пристава, княжескаго пристава, городскаго пристава и эти лица наблюдали за порядкомъ производства поединка. Побѣжденный считался виновнымъ и, сверхъ обязанности вознагражденія по иску на него, долженъ былъ платить особыя пошлины, которыя назывались *продажею*. Если на поединокъ выходилъ не самъ истецъ или отвѣтчикъ, а другой—наемщикъ, то противъ наймита могъ идти и самъ тяжущійся или также за себя поставить другаго. До вступленія въ бой, лица, вышедшія на судебный поединокъ, должны были цѣловать крестъ въ томъ, что дѣйствительно они считаютъ каждый свое дѣло правымъ въ извѣстномъ отношеніи. Если возникало дѣло или споръ между двумя женщинами то ни одна изъ нихъ не могла выставить за себя наймита, тогда онѣ должны были сами выходить на бой, противъ мужчины женщина могла поставить наймита. Что касается судебныхъ пошлинъ, то, на основаніи Псковской Судной грамоты, они различаются по лицамъ, до которыхъ касается какое нибудь судебное дѣло и по различію дѣлъ. Во 1-хъ, различаются пошлины княжескія. Князь, или, что все равно, княжескій судья, получаетъ отъ каждаго уголовнаго дѣла по 4 деньги, а отъ дѣла о поземельномъ владѣніи по 2 деньги. Отъ печати по всѣмъ дѣламъ собирается особая пошлина. Во 2-хъ, кромѣ пошлинъ въ пользу суда, опредѣляются пошлины въ пользу приставовъ, подвойскихъ и другихъ лицъ.

XXI ЛЕКЦІЯ.

Продолжая разборъ содержанія Псковской Судной грамоты, остановимся на опредѣленіяхъ, касающихся преступленій: убійства, побоевъ, грабежей и нѣкоторыхъ другихъ. При опредѣленіи этихъ преступленій законодательство сдѣлало уже различіе отъ постановленій Русской Правды по отношенію къ многимъ предметамъ. Такъ въ Псковской Судной грамотѣ совершенно не упоминается о вирахъ, а продажи встрѣчаются и за уголовное преступленіе. При томъ другое существенное различіе является въ томъ, что, на основаніи этой грамоты, всякое денежное взысканіе взыскивается только съ самаго виновнаго и ни въ какомъ случаѣ община не платитъ за виновнаго. Въ этихъ опредѣленіяхъ мы видимъ успѣхъ законодательства въ томъ отношеніи, что законъ смотритъ уже строже на уголовное преступленіе: онъ, какъ бы проводитъ ту идею, что отъ преступленія нельзя выкупиться денежнымъ взысканіемъ и что, во всякомъ случаѣ, виновное лицо должно лично испытать на себѣ наказанія, а что отвѣтственность общины, прикрывающей преступника и раздѣляющей съ нимъ тягость платы не соотвѣтствуетъ правосудію. За важнѣйшія преступленія положена смертная казнь. Затѣмъ дѣла по нанесенію ранъ и побоевъ. Псковская Судная грамота требуетъ, чтобы приносящій жалобу доказалъ существованіе этихъ преступленій не только знаками побоевъ но и свидѣтелями, присягою и различными другими доказательствами. За побои назначается денежное взысканіе, которое опредѣляется рублями, такъ наприм. назначается взысканіе въ два рубля. Эти два рубля дѣлятся такимъ образомъ: одинъ рубль князю, а другой обиженному. Если же въ нанесеніи побоевъ участвовали многія лица, то каждый изъ нихъ платитъ по рублю продажи князю и по рублю обиженному. Здѣсь въ этомъ опредѣленіи наказанія весьма замѣтно то различіе отъ предъидущаго взгляда законодательства, что количество денежнаго взысканія опредѣляется уже не числомъ преступленій, а числомъ

виновныхъ, тогда какъ древнее законодательство опредѣляетъ денежную виру вообще за преступленіе. Напротивъ того въ Псковской Судной грамотѣ виръ нѣтъ и денежное взысканіе платится по числу лицъ виновныхъ, а не по числу преступленій; но самый дележъ этого денежнаго взысканія и назначеніе только половины изъ него обиженному, а другой половины князю, отзывается еще старымъ взглядомъ законодательства, остаткомъ того еще убѣжденія, что за каждое преступленіе должна быть взыскана денежная пеня въ пользу казны княжеской. Итакъ мы видимъ, что пеня раздѣляется на двѣ совершенно равныя части, и только половина выдается обиженному, а другая половина идетъ въ княжескую казну. Хотя эта половина не имѣетъ значенія древней виры, хотя она не взыскивается съ общины, какъ было прежде, хотя въ этомъ отношеніи есть слѣдовательно успѣхъ, но тѣмъ не менѣе остатокъ того понятія, что судъ составляетъ статью доходовъ княжеской казны, еще существуетъ. Въ Псковской Судной грамотѣ въ числѣ наказаній означены уже прямо нѣкоторыя самыя тяжкія, а именно смертная казнь. Смертной казни подвергаются по Псковской Судной грамотѣ зажигатели и измѣнники государственные. Но если противъ такихъ виновныхъ нѣтъ прямыхъ уликъ, то лицу, приносящему на нихъ жалобы, предоставляется или самому принести присягу въ обвиненіи этихъ лицъ, или отдать присягу обвиняемымъ, такъ что, если обвиняемый, за недостаткомъ уликъ и доказательствъ, приметъ присягу, что онъ невиненъ въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ, то онъ суду не предается и отъ суда освобождается. Въ этихъ постановленіяхъ мы видимъ, что законъ приравниваетъ нѣкоторыя обыкновенныя преступленія къ самымъ тяжкимъ, такъ наприм. поджогъ поставленъ наравнѣ съ государственнымъ преступленіемъ тогда какъ поджогъ имѣетъ сравнительно гораздо меньшее значеніе. Затѣмъ мы видимъ, что для обвиненія лица, или для того, чтобы примѣнить самое тяжкое наказаніе, именно смертную казнь, достаточно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ обвинителю принять присягу. Конечно это былъ недостатокъ и судопроизвод-

ства тогдашняго времени и самого законодательства. Законодательство считаетъ достаточнымъ присягу со стороны обвинителя для того, чтобы подвергнуть обвиняемаго самому тяжкому наказанію—смертной казни. Итакъ постановленія Псковской Судной грамоты, касающіяся уголовнаго законодательства, не отличаются особыми подробностями, однако же нѣкоторыя постановленія, въ ней заключающіяся, имѣютъ весьма важное значеніе: онѣ указываютъ различіе отъ постановленій древняго законодательства, нѣкоторыя усовершенствованія, но и значительные недостатки. Затѣмъ въ Псковской Судной грамотѣ находятся постановленія, относящіяся къ гражданскому праву и въ первый разъ находимъ законъ о такъ называемой давности владѣнія. Это послѣднее узаконеніе совершенно новое: мы не встрѣчаемъ его ни въ Русской-Правдѣ, ни во всѣхъ послѣдующихъ дополненіяхъ ее, ни въ различныхъ законахъ древнихъ княжествъ. Такимъ образомъ оно получило мѣсто въ Псковской области. Откуда занесены эти понятія о такомъ сложномъ юридическомъ постановленіи, какова давность владѣнія, это представляетъ значительныя сомнѣнія, къ разрѣшенію которыхъ есть только одинъ исходъ, именно тотъ, что Псковъ, подобно Новгороду, находился постоянно въ сношеніяхъ съ иностранными городами. Во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, жили постоянно иностранцы, имѣли дѣла, заключали контракты и пр. Такимъ образомъ изъ западной Европы могли быть занесены въ городъ Псковъ, а слѣдовательно и въ Псковскую область нѣкоторые юридическіе обычаи, употреблявшіеся въ то время на западѣ Европы. Къ числу такихъ обычаевъ нужно было отнести и давность владѣнія, т. е. юридическое учрежденіе, въ силу котораго лицо, владѣвшее безспорно какимъ-нибудь имуществомъ, хотя и непринадлежащимъ ему по праву, дѣлается собственникомъ этого имущества. Это учрежденіе является въ каждомъ законодательствѣ для прочнаго утвержденія права владѣнія, для того, чтобы доставить владѣльцамъ имущества спокойное и безмятежное владѣніе своею собственностью, для того, чтобы предупредить возможность какихъ-либо притязаній и исковъ со

стороны другихъ лицъ; это неоспоримое владѣніе пріобрѣтается извѣстнымъ срокомъ времени. Такимъ образомъ давность, предупреждая иски, составляетъ необходимую гарантію права собственности, но является въ каждомъ законодательствѣ тамъ, гдѣ развиты уже въ значительной степени юридическія понятія. И вотъ мы видимъ въ Псковской Судной грамотѣ законъ о давности, котораго не видимъ въ то же самое время въ законахъ другихъ частей Руси. Очевидно, что это есть вліяніе иноземное. Разсмотримъ же значеніе этого замѣчательнаго закона. На основаніи Псковской Судной грамоты примѣняется давность отъ *4* до *5* лѣтъ, въ силу которой, владѣвшій землею безспорно въ продолженіи этого срока времени, дѣлается окончательно собственникомъ или вотчинникомъ этой земли и притомъ такъ, что, если бы появился прежній владѣлецъ этой земли и сталъ бы доказывать права на эту землю, то земля не отдается ему, а тому кто провладѣлъ ею отъ *4* до *5* лѣтъ безспорно, хотя бы и чужою землею. Но это право пріобрѣтенія по давности назначается собственно только такимъ владѣльцамъ, которые воздѣлываютъ землю или застраиваютъ ее, такъ что нельзя искать права владѣнія на землю, хотя и по прошествіи *4* или *5* лѣтъ, если захватившій землю не обработываетъ земли ее и не застраиваетъ или если земля такимъ образомъ оставалась ничѣмъ не занятою, то никакая продолжительность времени не давала права на пріобрѣтеніе ея, хотя бы прошло самое долгое время. Въ этомъ ограниченіи давности является особенность Псковскаго закона. Вообще въ большей части случаевъ законъ о давности безусловенъ: законодательство, признавая давность, не постановляетъ подобныхъ условій или ограниченій. Но мы видимъ, что въ Псковской Судной грамотѣ это ограниченіе постановлено для того, чтобы земли не оставались невоздѣланными, чтобы земли не оставались не застроенными, и это показываетъ намъ съ одной стороны на то, что въ это время было много участковъ земли незанятыхъ, невоздѣланныхъ, такъ что самый законъ имѣлъ въ виду содѣйствовать развитію

успѣховъ земледѣлія. Уже послѣ Псковской Судной грамоты встрѣчается законъ о давности въ другихъ княжествахъ, такъ, является законъ о давности въ уставныхъ грамотахъ въ московскомъ княжествѣ, но тамъ давность примѣняется иначе, нежели во Псковѣ: назначается срокъ отъ *15* до *20* лѣтъ, при томъ безъ всякихъ ограниченій для воздѣлыванія или невоздѣлыванія земель. Это намъ показываетъ, что постановленіе Псковской грамоты могло имѣть нѣкоторое вліяніе на образованіе подобныхъ законовъ въ другихъ княжествахъ, но такъ, что каждое отдѣльное княжество могло видоизмѣнить ихъ, наприм. относительно сроковъ. Затѣмъ находимъ въ Псковской Судной грамотѣ постановленіе о разграниченіи поземельныхъ владѣній или постановленіе по части межеванія. Грамота требуетъ, чтобы участки земель были обмежеваны; она упоминаетъ, что въ случаѣ споровъ нужно обратиться къ старожиламъ и распросить о признакахъ владѣнія; упоминаются притомъ и самыя грамоты на право владѣнія землею; это показываетъ, что въ то время на право собственности поземельной требовались извѣстные акты, извѣстные письменные документы. На основаніи этихъ документовъ, если возникалъ споръ о границахъ земли, то онъ рѣшался посредствомъ разбора документовъ, посредствомъ разспроса свидѣтелей. Если же этихъ способовъ для разрѣшенія спора было недостаточно, то назначалось поле или судебный поединокъ. Кромѣ того разрѣшеніе спора о границѣ поземельныхъ участковъ какъ видно изъ нѣкоторыхъ грамотъ могло быть и посредствомъ присяги. Она въ этомъ случаѣ имѣетъ особую форму обхода съ образомъ, т. е. доказываютъ, что граница земли должна проходить въ извѣстномъ направленіи. Должно по недостатку показаній свидѣтелей взять образъ и пойти по той границѣ, по которой доказывается предѣлъ участка, и подобный обходъ съ образомъ имѣлъ значеніе присяги. Затѣмъ Псковская Судная грамота различаетъ два способа обладанія землею: обладаніе вотчинное и обладаніе помѣстное. Вотчинное обладаніе есть полное обладаніе, такъ что

вотчинникъ можетъ сдѣлать съ своею вотчиною все, что хочетъ. За наслѣдниками признается право *выкупа* вотчины. Помѣстное владѣніе есть владѣніе ограниченное, потому что оно связано съ условіемъ службы и въ нѣкорыхъ случаяхъ не переходитъ къ потомству. Затѣмъ весьма замѣчательны нѣкоторые законы Псковской грамоты, относящіеся къ порядку взысканія долговъ и вообще законныхъ обязательствъ, такъ какъ эта часть дѣйствительно является болѣе подробно выраженною, что имѣетъ свое основаніе. Такъ во Псковѣ должны были выработаться нѣсколько точнѣе правила о порядкѣ взысканія долговъ, потому что это былъ городъ торговый и, при частыхъ торговыхъ оборотахъ, весьма часты были случаи взысканія долговъ за взятый товаръ и другія вещи. Во Псковѣ, при значительности торговыхъ сдѣлокъ и оборотовъ, долженъ былъ быть развитъ до извѣстной степени кредитъ и сдѣлки касательно ссуды денегъ, вещей и вообще товаровъ, касательно сохраненія ихъ, и другіе договоры весьма часты были не только между самими псковитянами, но между ими и иноземцами. Все это объясняетъ намъ почему въ Псковской судной грамотѣ является особый отдѣлъ о порядкѣ взысканія долговъ. Такъ грамота упоминаетъ о взысканіи долговъ послѣ умершаго, о взысканія долговъ вообще кредиторами съ своихъ должниковъ, о взысканіи долговъ по торговымъ сдѣлкамъ, о займахъ по поручительству, о долговыхъ обезпеченіяхъ должника и о нѣкоторыхъ договорахъ. Такъ, наприм., при отдачѣ на сохраненіе общимъ правиломъ было то, что кредиторъ только тогда можетъ взыскать долгъ съ наслѣдниковъ умершаго, когда этотъ долгъ былъ основанъ на записной, засвидѣтельствованной надлежащимъ порядкомъ, т. е. заявленой у церковнаго причта въ главной церкви св. Троицы. Если завѣщаніе не было засвидѣтельствовано подобнымъ же формальнымъ порядкомъ, если это завѣщаніе не хранилось въ ларѣ церкви св. Троицы, то по такому завѣщанію нельзя было взыскивать долговъ съ наслѣдниковъ умершаго. Но если должникъ обезпечилъ заемъ закладомъ и кредиторъ представлялъ закладъ или вещь, которую онъ получилъ отъ

должника и долговую запись, то хотя бы эта запись и не была засвидѣтельствована, но собственно одинъ закладъ достаточно доказывалъ уже долгъ и наслѣдники не могли отказаться отъ уплаты долга на томъ лишь основаніи, что не упомянуто о долгѣ въ завѣщаніи и что оно не засвидѣтельствовано надлежащимъ образомъ. Если имѣніе умершаго находилось въ общемъ владѣніи съ родственниками, то родственники могли искать долгъ на своихъ родственникахъ даже безъ заклада и записи. Если послѣ умершаго нѣсколько кредиторовъ предъявляли свои иски на домъ или земли умершаго и при томъ такъ, что у однихъ были заклады, а у другихъ лицъ записи, то всѣ кредиторы должны были подтвердить право свое на взысканіе присягою. Затѣмъ они должны были избрать изъ своей среды одного, который бы взялъ имѣніе умершаго въ свою собственность, а остальныхъ удовлетворилъ бы уплатою. Если остались долги послѣ умершаго, то наслѣдники могутъ взять имѣніе не иначе, какъ по уплатѣ ихъ; выкупить же имѣніе отъ кредитора не могутъ. Такимъ образомъ мы видимъ подробное постановленіе порядка уплаты долговъ послѣ умершаго и притомъ весьма замѣчательно то, что до сихъ поръ законодательство неопредѣляло, какимъ образомъ наслѣдникъ обязанъ уплатить долги, переходящіе къ нему вмѣстѣ съ имѣніемъ умершаго. Законъ не зналъ того, дать ли преимущество наслѣдникамъ или кредитору. Мы видимъ, что, въ первомъ подробномъ проявленіи сознанія этого, законъ отдаетъ преимущество кредиторамъ. Законъ прямо говоритъ, что пусть имѣніе возьмутъ кредиторы, а наслѣднику запрещаетъ выкупить его отъ кредитора. Такимъ образомъ въ нашемъ законодательствѣ стало развиваться понятіе о томъ, что въ наслѣдствѣ есть переходъ не только правъ, но и обязанностей, и что притомъ главное лицо, заступающее мѣсто умершаго, есть кредиторъ, а затѣмъ уже наслѣдники. Далѣе мы видимъ, что законъ заботится о томъ, чтобы установить правильный порядокъ къ удовлетворенію долговъ въ случаѣ нѣсколькихъ кредиторовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно право, что кредиторы должны выбрать изъ среды себя

одного и ему отдать имѣніе, а этотъ, какъ болѣе богатый, долженъ заплатить или удовлетворить долги умершаго другимъ. Затѣмъ, что касается взысканія долговъ не послѣ смерти умершаго, но при обыкновенныхъ расчетахъ, то въ этомъ отношеніи Псковская судная грамота говоритъ во 1-хъ) о займѣ денегъ съ закладомъ. „Если кредиторъ“, говоритъ Псковская судная грамота, „представитъ долговыя записи или замѣтки о долгѣ (доски) и вмѣстѣ съ тѣмъ закладъ по которому онъ повѣрилъ должнику и далъ ему деньги, то онъ имѣетъ право самъ присягнуть, или требовать, чтобы должникъ цѣловалъ крестъ или призналъ существованіе долга“. Если такимъ образомъ и доски и закладъ подтверждены, то долгъ слѣдуетъ взыскать безъ всякихъ возраженій со стороны должника. Здѣсь мы видимъ, что одного закладa или одной замѣтки было еще недостаточно, но что законъ требовалъ подтвержденія существованія долга цѣлованіемъ креста, присягою. Закладъ считался достаточнымъ доказательствомъ даже и тогда, когда не была представлена запись и вообще какое-нибудь удовлетвореніе, но при этомъ нужно было также исцу или кредитору, положивъ вещь предъ крестомъ, цѣловать крестъ въ удостовѣреніе того, что дѣйствительно долгъ былъ. Если же кредиторъ не соглашался самъ этого выполнить то долженъ былъ предоставить должнику и, если должникъ утверждалъ, что онъ не давалъ закладa, то освобождался отъ платежа долга. Такимъ порядкомъ взыскивались долги на болѣе значительныя суммы. Если же долгъ былъ данъ безъ закладa, но не болѣе рубля, въ такомъ случаѣ взыскивался долгъ на основаніи простыхъ свидѣтельскихъ показаній, а къ присягѣ не приводили. Затѣмъ Псковская судная грамота опредѣляетъ нѣкоторыя правила касательно взысканія съ должника въ томъ случаѣ, если онъ будетъ отпираться отъ долга, если онъ не явится въ срокъ на судъ и если отъ неявки должника кредиторъ потерпитъ какіе-либо убытки. Въ такомъ случаѣ законъ опредѣляетъ, что должникъ не только уплатитъ долгъ, не только убытки происходящіе отъ неявки, но сверхъ того подвергается тюремному заключенію. Кредиторъ однакоже

не можетъ самъ взять должника силою, но долженъ просить, чтобы судъ постановилъ подобную мѣру взысканія и, если кредиторъ позволитъ себѣ какое-либо самоуправство въ отношеніи должника, не представивъ его въ судъ, то за это онъ судится какъ за грабежъ и приговаривается къ денежной пенѣ въ одинъ рубль въ пользу князя. Такимъ образомъ Псковская судная грамота является закономъ ограничивающимъ самоуправство, не только въ уголовныхъ дѣлахъ, что уже было давно сдѣлано въ прежнемъ законодательствѣ, но оно является замѣчательнымъ закономъ, запрещающимъ самоуправство и въ дѣлахъ обыкновенныхъ, въ дѣлахъ гражданскихъ. На основаніи Псковскаго закона кредиторъ не могъ ни самъ взять какую-нибудь вещь отъ должника и вообще не могъ позволить себѣ никакихъ самоуправныхъ распоряженій, а долженъ во всемъ и для всего обратиться въ судъ. Если мы сравнимъ это постановленіе съ тѣми, о которыхъ мы говорили прежде, то мы видимъ, какъ постепенно законодательство достигаетъ нѣкоторыхъ успѣховъ въ развитіи. Такимъ образомъ является сначала ограниченіе самоуправства въ уголовныхъ дѣлахъ, потому что уголовныя дѣла всегда на первомъ планѣ. Затѣмъ является ограниченіе и въ дѣлахъ гражданскихъ. Этими ограниченіями вводится болѣе и болѣе юридическій порядокъ, слѣд. съ этимъ успѣхомъ законодательства связанъ вообще успѣхъ сознанія въ обществѣ юридическихъ отношеній проясняющихся все болѣе и болѣе. Затѣмъ весьма замѣчательно постановленіе касательно процентовъ. Псковской законъ дозволяетъ кредиторамъ брать проценты и для доказательства, что проценты условлены добровольно, требуетъ, чтобы они были прописаны въ самой заемной записи, чтобы въ ней былъ обозначенъ срокъ, на который дана ссуда въ долгъ и за какіе именно проценты. Если должникъ не принесетъ долгу въ срокъ или не уплатитъ въ срокъ процентовъ, въ такомъ случаѣ кредиторъ долженъ заявить объ этомъ суду для того, чтобы онъ имѣлъ право впослѣдствіи взыскать проценты за неуплату, самъ же не можетъ расчитываться съ должникомъ и требовать отъ

него болѣе процентовъ, противъ тѣхъ, которые опредѣляются въ самой записи. Что касается порядка взысканія долговъ и расчетовъ по дѣламъ торговымъ, то въ Псковской грамотѣ, также какъ и въ Русской Правдѣ является различіе между простымъ займомъ и займомъ торговымъ, т. е. между займомъ денегъ и займомъ товаровъ, но только по Русской Правдѣ взысканіе торговое облегчается для кредиторовъ. Кредиторъ по Русской Правдѣ освобождается отъ обязанности представить въ судъ свидѣтелей по торговымъ займамъ. Въ Псковской-же грамотѣ является опредѣленіе другого рода. Такъ кредиторъ, ищущій взысканія по дѣламъ торговымъ, долженъ представить письменный документъ запись, которая называется рядницей. Изъ этого должно быть видно, что деньги даны въ долгъ по оборотамъ и расчетамъ торговымъ; рядница должна быть (засвидѣтельствована) заявлена въ церкви св. Троицы. Копія съ нея, или по выраженію Псковской грамоты „противень“ должна храниться также въ церкви. Если эта копія будетъ сличена съ подлинникомъ и окажется вѣрною слово противъ слова, то должно взыскать съ отвѣтчика; если-же окажется какое-нибудь противорѣчіе, то судъ не признаетъ долгъ обязательнымъ и не удовлетворяетъ кредитора. Изъ этихъ постановленій мы можемъ заключить, что въ дѣлахъ торговыхъ во Псковѣ непременно требовалось письменное обязательство и что расчеты и долги взыскивались не иначе, какъ по письменному документу. Долги могутъ быть обезпечены поручителемъ или безъ поручителя. Поручителемъ былъ тотъ, кто принималъ на себя обязанность заплатить за должника, если этотъ послѣдній въ срокъ не заплатить своего долга. Поручительство по Псковской судной грамотѣ въ займахъ дозволяется только тогда, когда заемъ не превышаетъ рубля, а заемъ-же болѣе рубля требуетъ заклада или письменной записи. Если-же заемъ не превышаетъ рубля, то можно совершить его безъ свидѣтелей, лишь бы былъ поручитель. Онъ обязанъ самъ заплатить долгъ, если же не въ состояніи заплатить въ такомъ случаѣ отвѣтствуетъ его имущество. Но взыскать долгъ съ поручителя можно

только тогда, когда у должника не остается никакого имущества. Что касается до договора отдачи на храненіе вещей или товаровъ, то грамота опредѣляетъ что, если кто возьметъ вещи на храненіе, а впослѣдствіи будетъ отпираться въ томъ, что вещи не принималъ, то отдавшій на храненіе обязанъ заявить предъ судомъ, по какому случаю онъ отдалъ вещь на храненіе и затѣмъ долженъ выставить свидѣтелей, при которыхъ отдавалъ вещь на храненіе. Если-же нѣтъ свидѣтелей, въ такомъ случаѣ нужно цѣловать крестъ, или заставить цѣловать крестъ того, кто отпирается. Впрочемъ отъ суда зависитъ назначить лицамъ, между которыми идетъ споръ подобнаго рода, что одно лицо отдало, а другое отпирается, судебный поединокъ или поле. Если-же при отдачѣ вещи на храненіе была запись или рядница и подписана принявшимъ вещь на храненіе, въ такомъ случаѣ судъ взыскиваетъ съ лица, принявшаго на храненіе по письменной записи. Всѣ эти постановленія показываютъ намъ, что отношенія гражданскія были весьма развиты въ теченіи этого времени, что были часты обороты не только торговые, но и обыкновенные гражданскіе, что эти обороты не ограничивались обыкновенными займами, покупкой и продажей, но что были обороты гражданскіе, т. е. довѣрялись суммы капиталовъ, было извѣстное существованіе процентовъ, существовало опредѣленіе правильныхъ удовлетвореній долга. Все это признаки значительнаго развитія гражданственности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ долгъ могъ обезпечиваться своимъ трудомъ. Такъ Псковская грамота опредѣляетъ, что лицо, незаплатившее своего долга можетъ быть отдано въ заработокъ кредитору или кредиторъ можетъ, не обращая должника въ домашняго раба, требовать, чтобы онъ былъ подвергнутъ тюремному заключенію. Упоминаются также закупы, но не въ томъ смыслѣ, какъ въ Русской Правдѣ, т. е. Псковская судная грамота не упоминаетъ о закупахъ городскихъ, чтобы каждый свободный человѣкъ могъ занять деньги съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи не отдать этихъ денегъ, а заработать ихъ; такого постановленія въ Псковской судной грамотѣ

нѣтъ, но упоминается о закупахъ ролейныхъ, т. е. о крестьянахъ, которые берутъ на подобныхъ условіяхъ участки земли у землевладѣльца, не платя денегъ, но обязуясь заработать въ извѣстное число лѣтъ. Псковская грамота не дозволяетъ подобной сдѣлки всѣмъ, чтобы оградить свободнаго человѣка, но дозволяетъ это въ отношеніи класса сельскаго населенія.

XXII ЛЕКЦІЯ.

Ролейные закупы, о которыхъ упоминаетъ Псковская судная грамота, были свободнымъ классомъ сельскихъ обывателей, которые нанимали участки земли отъ землевладѣльцевъ подъ условіемъ заработка опредѣленнаго числа лѣтъ. Притомъ они заключали ряды, т. е. условія и иногда получали отъ владѣльцевъ земли особыя вспоможенія на первоначальное обзаведеніе деньгами, лѣсомъ и другими пособіями. Затѣмъ они становились въ отношеніе закуповъ, т. е. до тѣхъ поръ они не могли оставить земли, пока не выработаютъ опредѣленное число лѣтъ и не заплатятъ землевладѣльцу за издержки, которыя онъ далъ на первоначальное обзаведеніе. Такія лица носятъ различныя названія: иногда они просто называются ролейными закупами, иногда именуются изорниками, огородниками, хотечниками или кочетниками. Изорники имѣли совершенно одно и то-же значеніе, что и ролейные закупы. Они платили обыкновенно за землю половину дохода или произведеніями земли и поэтому иногда именуются также исполовниками. Значеніе огородниковъ ясно. Хотечниками назывались рыболовы, которые брали рыбную ловлю на аренду и на уплату отъ владѣльца земли съ условіемъ уплачивать половину улова въ пользу владѣльца. Самое названіе это происходило отъ слова *хотца*, т. е. особеннаго снаряда для рыбной ловли, состоящаго въ томъ, что перегараживали рѣку кольями.

(Кочетники отъ слова кочетъ–уключина). Такимъ образомъ кочетники, это рыболовы, которые однакоже состояли въ обязательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ рѣкъ и платили имъ за право производства рыбной ловли. Эти опредѣленія закона указываютъ, что взглядъ на собственность сталъ развиваться въ томъ смыслѣ, что владѣльцамъ поземельныхъ участковъ предоставлялось право не только извлекать доходы изъ самой земли, но и изъ всѣхъ такихъ угодій, которыя случайно могли находится въ извѣстной области, напримѣръ изъ рыбной ловли, изъ права охоты и т. п. Всѣ эти лица хотя зависѣли отъ владѣльца земли, но зависимость эта не касалась личныхъ отношеній, т. е. владѣльцы за исключеніемъ условнаго оброка или платежа не могли дозволить себѣ никакихъ другихъ распоряженій въ отношеніи этихъ лицъ. Такимъ образомъ этихъ лицъ не нужно смѣшивать вообще съ рабами или несвободными. Весьма замѣчательно также то, что Псковская грамота признаетъ вообще за крестьяниномъ, живущимъ на чужой землѣ, право имѣть свою отдѣльную собственность, и законъ охраняетъ это собственное имущество крестьянина. Такъ крестьянинъ могъ быть, обязанъ платежемъ половины дохода владѣльцу земли, но онъ могъ также имѣть рядомъ съ этимъ участкомъ и свой собственный участокъ. Хозяинъ земли не имѣлъ никакого права на имущество крестьянина, живущаго на его землѣ; въ томъ же случаѣ, если-бы крестьянинъ сбѣжалъ, не желая уплачивать владѣльцу земли половину дохода или другихъ расчетовъ, которыя онъ имѣлъ съ нимъ, владѣлецъ земли могъ продать его имущество и изъ вырученныхъ денегъ отъ этой продажи взять себѣ то, что ему слѣдуетъ. Если такихъ денегъ не доставало, то онъ могъ просить судъ взыскать съ крестьянина и подвергнуть его тюремному заключенію. Однако въ случаѣ бѣгства крестьянина, хозяинъ не прежде могъ продать его имущество, какъ заявивши о томъ, что крестьянинъ сбѣжалъ и затѣмъ онъ могъ взять изъ суда двухъ приставовъ, которые должны были сдѣлать распоряженіе о продажѣ имущества бѣглаго крестьянина. Одинъ изъ нихъ назначался отъ княжескаго на-

мѣстника, другой отъ Пскова, т. е. отъ города. Кромѣ того нужно было взять при этомъ постороннихъ людей и, при всѣхъ этихъ лицахъ, продать имущество крестьянина. Въ томъ случаѣ, если владѣлецъ земли не исполнитъ этого порядка, онъ подвергается суду, какъ похититель чужой собственности. Крестьянинъ имѣетъ право искать на немъ, заявивши суду причину своей отлучки изъ дома и доказывая, что онъ не имѣлъ вовсе намѣренія бѣжать. Эти постановленія Псковской грамоты весьма важны. Они показываютъ намъ, что, въ разсматриваемую эпоху крестьяне не были зависимы, не были прикрѣплены къ землѣ; напротивъ они находились въ отношеніи, при которомъ законъ ограждалъ столько же интересы владѣльца, сколько и интересы крестьянъ. Постановленіе Псковской судной грамоты поражаетъ своею точностью, опредѣлительностью и тѣмъ, что въ это древнее время законъ запрещаетъ владѣльцамъ земли самопроизвольно распоряжаться имуществомъ крестьянина, живущаго на его землѣ, и обязываетъ его приступить къ продажѣ имущества даже бѣглаго крестьянина не иначе, какъ по судебному распоряженію, въ присутствіи постороннихъ лицъ и на столько, на сколько необходима продажа для выручки денегъ, которыя дѣйствительно крестьянинъ долженъ владѣльцу земли. Впослѣдствіи времени развилось крѣпостное право, при которомъ помѣщикъ имѣлъ весьма значительное право надъ крестьяниномъ, которое не было такъ ограждено, какъ ограждаетъ въ настоящемъ случаѣ законъ Псковской судной граммоты интересы крестьянъ. Вотъ въ этомъ то отношеніи Псковская судная грамота замѣчательна, какъ доказательство, что крестьяне не были прикрѣплены къ землѣ, но разсматриваются какъ лица свободныя, которыхъ законъ на столько же ограждалъ, какъ и самыхъ владѣльцевъ имущества. Признавая крестьянина имѣющимъ право пріобрѣтать свою отдѣльную собственность, Псковской законъ допускаетъ его къ иску или къ спору судебному съ владѣльцемъ земли, и въ этомъ отношеніи послѣдующее время представляетъ также различіе. Такъ мы увидимъ, что уложеніе царя Алексѣя Михайловича строго запрещаетъ вообще крестьянамъ подавать искъ

или жалобы на своихъ владѣльцевъ, между тѣмъ какъ мы видимъ въ Псковскомъ законѣ обратное: законъ признаетъ за крестьянами право собственности и допускаетъ искъ не только на всѣхъ постороннихъ лицъ, но и на владѣльцевъ той земли, гдѣ они живутъ. Замѣчательно при томъ, что самые иски могли быть съ владѣльцами земли въ слѣдующихъ случаяхъ, какъ это видно изъ соображенія различныхъ опредѣленій: во 1-хъ, когда владѣлецъ присвоилъ себѣ крестьянскую собственность; во 2-хъ, когда самъ владѣлецъ былъ долженъ крестьянину за его излишнюю работу и когда не платилъ крестьянину долга. Въ первомъ случаѣ владѣлецъ земли долженъ былъ представить свидѣтелей изъ сосѣднихъ жителей, которые бы показали, что имущество, которое доискиваетъ крестьянинъ, принадлежитъ не крестьянину, а ему. Если владѣлецъ не представитъ подобныхъ свидѣтелей, то имѣніе отдается крестьянину и сверхъ того владѣлецъ обязывается уплатить всѣ судебныя издержки. Во второмъ случаѣ владѣлецъ обязывается представить запись или рядъ, и судъ производитъ уже дѣло по разбирательству этой записи. Такимъ образомъ мы видимъ полную гарантію за крестьяниномъ на столько же, на сколько и за владѣльцемъ земли. Это стремленіе закона къ огражденію правъ крестьянина идетъ еще далѣе въ Псковской грамотѣ. Законъ охраняетъ крестьянскую собственность и послѣ смерти крестьянина: имѣніе крестьянина поступаетъ къ наслѣдникамъ его, которые, принимая наслѣдство, должны уплатить владѣльцу земли деньги, слѣдующія за первоначальное обзаведеніе, и затѣмъ владѣлецъ земли не имѣетъ права остановить ничего другаго изъ крестьянскаго имущества. Если же онъ останавливаетъ и не даетъ наслѣдникамъ имущество умершаго крестьянина, то они могутъ предъявить искъ на владѣльца земли, и онъ судится какъ похититель чужой собственности. Это вознагражденіе владѣльца за первоначальное обзаведеніе крестьянина, о которомъ упоминается въ Псковской судной грамотѣ, носитъ наименованіе покруты. Покрутою называлось то, что владѣлецъ земли даетъ свободному человѣку при первона-

чальномъ его поселеніи на своемъ участкѣ земли. Такимъ образомъ подъ покрутою разумѣются деньги, лѣсъ, скотъ и т. п., все что было дано крестьянину при первоначальномъ его поселеніи. Землевладѣлецъ могъ взыскивать только покруту, а все то, что нажилъ крестьянинъ сверхъ того, то составляло его собственность и переходило къ его наслѣдникамъ послѣ смерти. Если крестьянинъ умретъ, не оставивъ послѣ себя ни жены, ни сына, ни брата, ни другихъ родственниковъ, которые бы жили вмѣстѣ съ нимъ, то владѣлецъ не иначе могъ взимать покруту съ имущества крестьянина, какъ продавъ это имущество въ присутствіи приставовъ и постороннихъ людей; если же онъ этого не дѣлаетъ, то родственники крестьянина, жившіе въ другихъ селахъ, могутъ искать убытки отъ продажи имущества на владѣльцѣ. Съ другой стороны, Псковская судная грамота охраняетъ и интересы владѣльца земли; она признаетъ неприкосновенность права собственности владѣльца и предоставляетъ ему право взыскивать долги съ крестьянъ не только по записи, но и безъ записи. Существованіе долговъ между крестьянами, основанныхъ на записи, показываетъ, что въ это время грамотность была уже весьма развита. Въ самомъ дѣлѣ, если крестьяне могли заключать письменныя обязательства, записи съ владѣльцами земли, по крайней мѣрѣ, если законъ упоминаетъ о существованіи подобныхъ грамотъ, то это есть признакъ развитія грамотности въ значительной степени. Именно въ Псковской грамотѣ опредѣляется, что владѣлецъ земли можетъ взыскать съ крестьянина и по записи и безъ записи. Если записи не было, то нужно представить 4 или 5 свидѣтелей и принять присягу, т. е. цѣловать крестъ въ томъ, что владѣлецъ дѣйствительно далъ крестьянину покруту, т. е., что имущество крестьянина не все самимъ нажито, а составляетъ часть собственности, принадлежащей владѣльцу. Затѣмъ мы разберемъ законъ о наслѣдствѣ заключающійся въ Псковской судной грамотѣ. По отношенію къ наслѣдству Псковская судная грамота ввела много перемѣнъ противъ Русской Правды. Она раздѣляетъ наслѣдство на два главные виды: на на-

слѣдство по завѣщанію и на наслѣдство безъ завѣщанія или по закону. Владѣлецъ имущества могъ оставить послѣ себя завѣщаніе, на основаніи котораго могъ назначить доли своего имущества кому онъ хотѣлъ. Въ завѣщаніи должны быть назначены душеприкащики, т. е. исполнители воли умершаго. Въ завѣщаніи должны быть прописаны всѣ долги умершаго, какъ его собственные долги къ другимъ лицамъ, такъ и долги другихъ лицъ, ему принадлежащіе. Притомъ содержаніе завѣщанія, на основаніи Псковской судной грамоты, должно быть составлено при священникѣ и при посторонникъ свидѣтеляхъ; затѣмъ оно должно быть утверждено и скрѣплено печатью священника и свидѣтелей и копія съ него должна быть отдана для храненія въ церковь св. Троицы. Наслѣдниками по завѣщанію могли быть и такія лица, которыхъ безъ завѣщанія законъ отстранялъ отъ наслѣдства. Замѣчательно самое выраженіе, въ которомъ Псковская судная грамота разумѣетъ наслѣдство. Такъ она называетъ наслѣдство въ нѣкоторыхъ статьяхъ отморщиною; въ другихъ случаяхъ называетъ завѣщаніе просто приказомъ. Отморщина, т. е. то, что осталось послѣ смерти безъ завѣщанія. Владѣлецъ умирая могъ передать свое имущество или раздать какія либо грамоты на свои вотчины кому онъ хотѣлъ, такъ какъ вотчиной можно было распоряжаться по своему произволу. Но всякую подобную передачу, въ смыслѣ приказа или завѣщанія, онъ долженъ былъ сдѣлать при священникѣ и при посторонникъ лицахъ. Наслѣдство по закону Псковской судной грамоты опредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ: Ближайшее право на наслѣдство принадлежитъ дѣтямъ или вообще потомкамъ по нисходящей линіи. Псковская грамота не дѣлаетъ различія въ отношеніи званія или лица, слѣдовательно то различіе, о которомъ мы упомянули прежде, различіе на основаніи Русской Правды: наслѣдства послѣ смерти боярина или лица высшаго званія и наслѣдства послѣ смерти простолюдина, это различіе уже не существуетъ въ Псковской судной грамотѣ. На основаніи этого, порядокъ наслѣдства оди-

наковъ, не смотря на званіе, на высшій или нисшій классъ лица умершаго: одинъ и тотъ-же порядокъ, какъ въ наслѣдствѣ бояръ, такъ и въ наслѣдствѣ крестьянъ. Затѣмъ Псковская грамота, допуская къ наслѣдству всѣхъ родственниковъ нисходящей, восходящей и боковой линіи, притомъ въ мужскомъ и женскомъ полѣ, съ совершенно равными правами на наслѣдство, постановляетъ только одно различіе, основанное на близости степеней родства, т. е. чѣмъ ближе наслѣдники по кровному происхожденію, тѣмъ скорѣе они получаютъ наслѣдство, т. е. внуки получаютъ послѣ дѣтей; дѣти суть ближайшіе наслѣдники. Если нѣтъ дѣтей, то наслѣдство переходитъ къ внукамъ; если нѣтъ нисходящей линіи, то наслѣдство переходитъ къ братьямъ, сестрамъ, т. е. къ боковымъ родственникамъ. Замѣчательно также то, что Псковская судная грамота признаетъ право наслѣдства не только за мущиною, но и за женщиной, не только за замужней женщиной, но и за незамужней, — вообще отличается равноправностью. Касательно наслѣдства мужа послѣ бездѣтной жены и жены послѣ бездѣтнаго мужа Псковская грамота опредѣляетъ, чтобы тотъ или другая были наслѣдниками оставшагося имѣнія только въ пожизненное владѣніе и со вступленіемъ во 2-й бракъ лишались доли наслѣдства. И въ этомъ случаѣ является новое опредѣленіе наслѣдства, нежели то, какое мы видѣли въ Русской Правдѣ. Такъ по Русской Правдѣ вдовы пользовались владѣніемъ всего имущества своего мужа, даже и въ томъ случаѣ, когда послѣ него остались дѣти, а часть выданнаго имъ имущества оставалась за ними и по выходѣ въ другое замужество. На основаніи-же Псковской грамоты вдова получаетъ наслѣдство послѣ своего мужа только тогда, когда онъ умиралъ бездѣтнымъ и когда супруги жили отдѣльно отъ родителей ихъ своимъ домомъ и при томъ она получаетъ только въ пожизненное владѣніе и до 2-го замужества; слѣдовательно, получивъ какую-либо часть имущества отъ своего мужа, она не имѣетъ права продать или вообще распорядиться частью своего имущества, но пользуется только доходами съ имущества въ

теченіи всей жизни, а послѣ ея смерти эта часть переходитъ къ дѣтямъ и прибавляется къ полученному ими наслѣдству. Правило это равномѣрно относится какъ къ мужу, такъ и къ женѣ. Затѣмъ касательно наслѣдства Псковская грамота опредѣляетъ, что сынъ не помогавшій родителямъ (не кормившій ихъ) лишается наслѣдства; правила принятыя Псковскою судною грамотою весьма сходны съ правилами Номоканона. Кромѣ того Псковская судная грамота опредѣляетъ законъ о такъ называемой братчинѣ. Нѣкоторыя постановленія о судѣ братчины мы видѣли и въ другихъ законахъ, онъ является такъ-же и въ Псковской судной грамотѣ. На основаніи этой грамоты братчина судится своимъ судомъ, имѣетъ своего выборнаго князя и судей по своимъ стариннымъ обычаямъ и правиламъ, т. е. гдѣ собирались свободные люди на пиръ и братчину, тамъ они выбирали распорядителей этого пира, которые и назывались князьями пира; выбирали они и своихъ судей для разбирательства какихъ-либо ссоръ и для примиренія ссорящихся. Такимъ образомъ постановленія Псковской грамоты въ этомъ отношеніи не представляютъ ничего новаго. Нѣкоторыя особенности однако же заключаются въ томъ, что дѣла татебныя и дѣла по убійству могли быть разбираемы судомъ братчины, но только не окончательно, а предварительно если судимые были не довольны рѣшеніемъ. Затѣмъ въ Псковской судной грамотѣ находимъ постановленія о наймахъ, т. е. объ особомъ родѣ договора, которые также совершались по записи или безъ записи. Замѣчательно здѣсь выраженіе о наймахъ *на отрядъ*, т. е. до окончанія извѣстной работы; наемъ на сроки различается мѣсячный и годовой. По окончаніи его или работы можно требовать съ хозяина задѣльную плату. Эта плата должна быть ему выдана безъ всякихъ стѣсненій со стороны хозяина. Если же онъ не выдастъ заработанной платы, то работникъ можетъ требовать ее закличкой, т. е. публично на площади или на рынкѣ. Если наймитъ подрядился на срокъ, то отживши его онъ имѣетъ право требовать съ хозяина заработанныя деньги, а если

отойдетъ отъ хозяина не доживши до срока, въ такомъ случаѣ имѣетъ право на уплату той доли наемной платы, которая ему слѣдуетъ, и при томъ такъ, что, подрядившись на годичный срокъ, можетъ получить только за полный годъ; если-же онъ заработаетъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ, то получаетъ только за годъ; если наймитъ подрядится помѣсячно, то также не принимаются въ расчетъ лишніе дни и не обязываютъ хозяина къ уплатѣ. Если наймитъ отойдетъ отъ хозяина не окончивъ работы и будетъ утверждать, что онъ кончилъ ее, то судъ разбираетъ дѣло на основанія рядной записи, если такая есть; если-же нѣтъ, то хозяинъ или наемщикъ долженъ цѣловать крестъ въ доказательство своихъ притязаній или можетъ дать цѣловать крестъ работнику: въ такомъ случаѣ онъ долженъ положить у креста ту сумму денегъ, которую требуетъ наемщикъ. Этотъ-же порядокъ въ Псковской судной грамотѣ и въ расчетахъ мастеровъ съ учениками. Такимъ образомъ Псковская судная грамота представляетъ рядъ подробныхъ законовъ по расчетамъ вообще между хозяиномъ и работникомъ и въ частныхъ случаяхъ между мастеромъ и учениками. Это указываетъ что и ремесленная жизнь и вообще городская сдѣлали значительные успѣхи. Такъ, если мастеръ, на основаніи Псковской судной грамоты, будетъ взыскивать съ ученика плату за ученіе, а ремесленный ученикъ будетъ отпираться отъ этой платы, то самъ мастеръ цѣлуетъ крестъ или заставляетъ ученика цѣловать крестъ, положивши у креста требуемую плату. Наконецъ, въ Псковской судной грамотѣ мы встрѣчаемъ постановленія о торговлѣ. Всякаго рода торговыя сдѣлки признаются дѣйствительными только тогда, когда заключаютъ эти сдѣлки лица, находящіяся въ трезвомъ состояніи. Если-же кто продаетъ, покупаетъ или мѣняетъ товаръ или вообще какія-нибудь вещи, будучи въ нетрезвомъ видѣ, то, на основаніи Псковской судной грамоты, имѣетъ право возвратить проданное, вымѣненное или купленное, и законъ въ этомъ случаѣ не полагаетъ никакихъ штрафовъ, ни пеней, ни другихъ взысканій. Постановленіе это не лишено своей замѣ-

чательности, своей особенности. Законъ уже понимаетъ, что для законности сдѣлки или какого-нибудь условія необходимо свободное соглашеніе и ясное сознаніе или представленіе о предметѣ договора или о предметѣ соглашенія. Все то, что нарушаетъ свободное соглашеніе, все то, что можетъ затемнить разсудокъ или ясное представленіе о предметѣ, то законъ признаетъ уничтожающимъ силу сдѣлки, и вотъ въ первый разъ мы это видимъ въ постановленіяхъ Псковской грамоты. При этомъ грамота требуетъ, чтобы всякаго рода торговыя сдѣлки были совершаемы безъ принужденія, и всякаго рода обманъ, хитрость или иныя какія-либо противозаконныя отношенія имѣли послѣдствіемъ уничтоженіе сдѣлокъ. Замѣчательно, что иностранцы, жившіе въ Россіи, именно во Псковѣ, отзываются о томъ, что торговля во Псковѣ происходила гораздо честнѣе и правильнѣе въ сдѣлкахъ и расчетахъ, нежели въ Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Это свидѣтельство иностранцевъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемому содержанію Псковской судной грамоты, потому что законъ относился ко всякаго рода сдѣлкамъ со всевозможною строгостью и преслѣдовалъ не только обманъ или принужденное заключеніе сдѣлокъ, но и вообще все то, что могло уничтожить законность какого-нибудь дѣла. Кромѣ этихъ общихъ опредѣленій Псковская судная грамота опредѣляетъ нѣкоторыя частныя отношенія того-же самаго значенія, того же самаго характера. Такъ при покупкѣ скота покупатель имѣлъ право требовать отъ продавца свои деньги обратно и возвращать купленный скотъ, если находилъ въ немъ какіе-либо недостатки или пороки, которые при покупкѣ не замѣтилъ. Торговыя сдѣлки должны были происходить публично или въ домахъ и жилищахъ при свидѣтеляхъ; если же онѣ происходили безъ свидѣтелей, то непремѣнно за поручительствомъ постороннихъ лицъ. Если послѣ заключенія сдѣлки происходилъ споръ, то обстоятельства дѣла разъяснялись такъ, совершена-ли сдѣлка публично или при свидѣтеляхъ или при опредѣленіи поручительства. Если нельзя было разъяснить споръ подобнымъ образомъ,

то въ крайнемъ случаѣ назначался судебный поединокъ или поле. Споры по торговымъ дѣламъ, а также споры между совладѣльцами общей собственности (сябры) разбирались на основаніи документовъ, досокъ и присягой. Таково содержаніе Псковской судной грамоты. Мы видимъ, что она представляетъ собою законъ весьма обширный по своему содержанію, относящемуся къ различнымъ отдѣламъ или частямъ законодательства, законъ, котораго большая часть содержанія есть чисто національное, чисто русское, хотя въ меньшей мѣрѣ и проявляющій въ себѣ нѣкоторыя заимствованія, напримѣръ постановленіе о давности и о наслѣдствѣ. Затѣмъ мы видимъ, что этотъ законъ имѣетъ на себѣ слѣды и отпечатки мѣстности. Псковская грамота, какъ законъ торговаго города распространяется подробнѣе о гражданскихъ дѣлахъ, о торговыхъ сдѣлкахъ, о порядкѣ взысканія долговъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ законъ, непохожій во многихъ своихъ опредѣленіяхъ ни на Русскую Правду, ни на многія другія грамоты.

XXIII ЛЕКЦІЯ.

Приступимъ теперь къ разбору Новгородской Судной грамоты, которая имѣетъ совершенно одинакій характеръ и значеніе и отличается отъ Псковской тѣмъ только, что порядокъ судопроизводства въ ней излагается съ нѣкоторыми особенностями, которыя, какъ и все новгородское устройство, имѣютъ свое особенное значеніе. Новгородская Судная грамота относится къ 15-му вѣку: по времени появленія она составлена въ 1440 году, а въ 1471 году дополнена. Первоначальный составъ этой грамоты былъ сдѣланъ на новгородскомъ вѣчѣ въ то время, когда новгородцы были въ войнѣ съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ. Въ это время Новгородъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи, изъ

которыхъ одна держалась стороны московскаго великаго князя. Въ числѣ различныхъ обсужденій, бывшихъ на вѣчѣ, обсуждалась и необходимость составленія закона о дѣлахъ судныхъ. Такимъ образомъ составилась Новгородская Судная грамота, а въ 1471 году она, какъ я уже упомянулъ, была дополнена и утверждена Іоанномъ III. Въ содержаніе этой грамоты входятъ опредѣленія различныхъ случаевъ суда, постановленія объ истцѣ, отвѣтчикѣ и представителяхъ ихъ, т. е. повѣренныхъ; довольно подробно постановленіе касательно свидѣтелей, опредѣленія нѣкоторыхъ судебныхъ дѣйствій, напримѣръ, вызова къ суду, постановленія о самомъ порядкѣ суда, изложеніе различныхъ судебныхъ сроковъ и наконецъ постановленія о судебныхъ пошлинахъ. Что касается порядка различныхъ видовъ суда, то грамота различаетъ прежде всего судъ Владычный. Этотъ судъ, принадлежалъ архіепископу новгородскому и производился по Номоканону и церковному уставу. Судъ Владычный, былъ совершенно независимъ ни отъ какой другой высшей власти и этимъ онъ отличался отъ всякихъ другихъ судовъ. Въ дѣла Владычнаго суда не могли вмѣшиваться ни князья, ни ихъ намѣстники, ни городскіе судьи, ни вообще какія бы то ни было власти. Этому суду были подсудны всѣ вообще новгородцы, какого бы званія или сословія они ни были, не исключая и самихъ бояръ, а дѣла, которыя разсматривались Владычнымъ судомъ опредѣлялись на основаніи Номоканона, т. е. дѣла семейныя, споры между супругами, дѣла по духовному завѣщанію и нѣкоторыя дѣла по наслѣдству. Этотъ судъ производился въ домѣ архіепископа и при томъ же домѣ находились и особые исполнители, пристава, которые приводили рѣшеніе суда въ исполненіе. Второй высшій судъ есть судъ посадника. Этотъ судъ на основаніи Новгородской грамоты имѣетъ такое же значеніе, какъ и во Псковѣ, т. е. посадникъ судитъ не одинъ, а вмѣстѣ съ княжескимъ намѣстникомъ. Здѣсь встрѣчаются тѣ же самыя правила, что не можетъ судить ни князь безъ посадника, ни посадникъ безъ князя. Затѣмъ упоминается судъ Тысяцкого. Отличіе этого суда отъ суда посад-

ника заключается въ томъ, что при судѣ тысяцкаго нѣтъ княжескаго намѣстника, а тысяцкій судитъ самъ. Этому суду подчинены всѣ городскіе люди и всѣ вообще лица, платящія какія либо повинности. Затѣмъ является новый судъ, судъ новгородскихъ докладчиковъ. Этотъ судъ не только является особымъ потому, что мы его не встрѣчаемъ въ Псковской и другихъ Судныхъ грамотахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является особеннымъ потому, что до составленія Новгородской Судной грамоты этотъ порядокъ суда не былъ извѣстенъ и въ самомъ Новгородѣ, а именно судъ докладчиковъ состоялъ въ томъ, что всѣ жители, принадлежащіе къ разнымъ новгородскимъ концамъ выбирали изъ среды себя по *два* отъ каждаго новгородскаго конца, одного выборнаго боярина и одного выборнаго богатаго купца. Эти выборные собирались въ судъ владычній каждую недѣлю по три раза и въ этомъ общемъ совѣщаніи разбирали дѣла по жалобамъ городскихъ людей, на людей, принадлежащихъ къ тому же самому сословію. Такимъ образомъ горожане новгородскіе изобрѣли себѣ особый порядокъ суда. Происхожденіе этого особеннаго суда объясняется намъ тѣмъ, что до тѣхъ поръ пока его не было, въ прежнемъ порядкѣ суда не преобладалъ высшій классъ, новгородскіе бояре, а какъ этотъ судъ состоялъ изъ бояръ и богатыхъ купцовъ, то могъ быть пристрастенъ къ лицамъ нисшаго сословія, что и подтверждается тѣмъ, что въ это время было преобладаніе бояръ. Всѣ эти выборные судьи носили наименованіе докладчиковъ, потому что каждый, имѣющій дѣло, могъ обратиться къ одному изъ этихъ выборныхъ лицъ и могъ просить его свою жалобу объяснить и доложить прочимъ судьямъ. Такимъ образомъ судъ начинался не прочтеніемъ челобитья, а объясненіемъ жалобъ докладчикомъ. Для того, чтобы судьи судили дѣло правильно, Новгородская судная грамота требуетъ, чтобы всѣ судьи, при вступленіи въ свою обязанность, давали торжественную клятву и присягу въ томъ, что будутъ судить по правдѣ и не иначе, какъ по судной грамотѣ. По сказанію иностранцевъ, которые посѣщали Новгородъ, видно, что новгородскіе судьи не всегда рѣшали дѣла

справедливо. Они обвиняютъ новгородскихъ судей въ пристрастіи, лихоимствѣ, несправедливости, медленности рѣшенія дѣла и хотя нельзя безусловно положиться на эти сказанія иностранцевъ, однакоже тѣмъ не менѣе существованіе подобнаго суда, какъ суда новгородскихъ докладчиковъ и причина, вызвавшая учрежденіе этого суда, нѣкоторымъ образомъ подтверждаетъ то, что новгородскіе судьи не всегда рѣшали дѣла справедливо. На эту-же мысль наводитъ и то, что въ Новгородской судной грамотѣ весьма часто встрѣчаются постановленія и напоминанія, чтобы они судили по правдѣ по крестному цѣлованію и по Новгородской судной грамотѣ. На это наводитъ и то свѣденіе, заключающееся въ другихъ источникахъ, что судья каждый разъ, приходя въ судную комнату, независимо отъ данной клятвы должны были повторить клятву передъ образомъ. Затѣмъ касательно тяжущихся лицъ, истца, отвѣтчика и повѣренныхъ, по Новгородской судной грамотѣ можно заключить, что истцомъ и отвѣтчикомъ могло быть каждое лицо и даже что особенно замѣчательно и что встрѣчается въ Новгородской грамотѣ, въ судъ могъ придти даже несвободный человѣкъ, рабъ. Тяжущіеся могли или сами являться къ суду или посылать за себя повѣренныхъ. Повѣреннымъ могъ быть, какъ родственникъ тяжущагося, такъ и посторонній, но замѣчательно, что нѣкоторымъ родственникамъ законъ вмѣнялъ въ обязанность быть ходатаями по дѣламъ своихъ родственниковъ. Такъ сынъ по закону обязанъ былъ являться въ судъ по дѣламъ матери, мужъ за жену, братъ за сестру. При явкѣ тяжущихся къ суду, судъ прежде всего предлагалъ имъ цѣловать крестъ на томъ, что каждый изъ тяжущихся считаетъ свое дѣло правымъ и вполнѣ согласнымъ съ новгородскими законами. Безъ такого цѣлованія тяжущіеся не допускались къ судебному разбирательству: кто отказывался отъ присяги или крестнаго цѣлованія, тотъ безъ разбора дѣла признавался виновнымъ и на него тутъ-же выдавалась другому тяжущемуся безсудная грамота. Это-же цѣлованіе креста требовалось отъ тяжущихся и въ томъ случаѣ, когда они поручали свое дѣло повѣреннымъ:

повѣренные также должны были принять присягу и затѣмъ уже судъ допускалъ повѣренныхъ къ разбирательству дѣла. Но если мужъ по обязанности защищалъ дѣло своей жены или сынъ дѣло своей матери, то эти лица освобождались отъ крестнаго цѣлованія. Лица знатныя и высшаго сословія пользовались въ этомъ отношеніи тою привилегіею, что могли производить крестное цѣлованіе не въ судѣ, а у себя на дому, но не иначе какъ въ присутствіи судебнаго пристава. Каждое дѣло при разбирательствѣ его должно было быть доказано свидѣтельскими указаніями или другими доказательствами. По этому случаю Новгородская судная грамота опредѣляетъ, кто могъ быть свидѣтелемъ, кто не могъ. Свидѣтелемъ могъ быть каждый и даже несвободный человѣкъ но не противъ свободнаго, также не допускались къ свидѣтельскимъ показаніямъ малолѣтніе, не допускались къ свидѣтельскимъ показаніямъ также лица безумныя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ недопускались къ свидѣтельскимъ показаніямъ такія лица, которыя имѣли старинную вражду или ненависть къ какому-нибудь изъ тяжущихся, псковитяне также. Каждый тяжущійся могъ самъ привести въ судъ свидѣтелей и если онъ не отыскивалъ ихъ дома или они находились въ отдаленіи, то долженъ былъ указать суду, гдѣ они находятся и просить судъ о томъ, чтобы судъ вызвалъ этихъ лицъ въ назначенное время. Для этого судъ посылалъ особыхъ гонцовъ, которымъ выдавалъ особое вознагражденіе, расчитывая на разстояніе ста верстъ и болѣе. Такъ на сто верстъ назначалось 4 гривны. Если бы свидѣтель жилъ въ самомъ Новгородѣ, тогда судъ посылалъ, такъ называемыхъ *бирючей*. Это были глашатаи, которые выходили на площади и вызывали виновныхъ лицъ къ суду. Всѣ эти глашатаи или бирючи жили около главной церкви въ Новгородѣ, Софійской церкви; иногда потому они и назывались софіянами. Если свидѣтель не могъ по болѣзни или по другимъ какимъ-либо причинамъ явиться въ судъ, то посланные за нимъ отъ суда должны были распросить его на дому, записать въ грамоту и представить къ суду. Кромѣ этихъ общихъ правилъ по свидѣтельству

Новгородская судная грамота опредѣляетъ порядокъ вызова истца и отвѣтчика. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, напримѣръ въ дѣлахъ исковыхъ и въ дѣлахъ уголовныхъ, истецъ, обращаясь къ суду, долженъ указать мѣстожительства отвѣтчика. Судъ на основаніи этихъ указаній производитъ вызовъ и назначаетъ срокъ для явки къ суду. Если вызываемый въ судъ отвѣтчикъ въ назначенный срокъ не можетъ явиться въ судъ, то онъ долженъ извѣстить объ этомъ судъ и просить о назначеніи новаго срока. Судъ даетъ новый срокъ и посылаетъ новый вызовъ и продолжаетъ такимъ образомъ до третьяго раза. Если бы послѣ троекратнаго вызова кто либо не явится къ суду и не пришлетъ повѣреннаго, въ такомъ случаѣ онъ обвиняется безъ суда. Что касается сроковъ, то по Новгородской судной грамотѣ положено два разряда судебныхъ сроковъ: одинъ для самихъ судей, а другой для частныхъ лицъ, т. е. для тяжущихся и для свидѣтелей. Такъ если споръ или дѣло касается до земли или поземельныхъ владѣній то назначается для окончанія дѣла для самихъ судей двухъ-мѣсячный срокъ: судьи должны непремѣнно окончить этотъ споръ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ назначается для окончанія дѣла мѣсячный срокъ. Замѣчательно, что нигдѣ даже и въ Псковской судной грамотѣ мы не встрѣчаемъ, чтобы законъ опредѣлялъ извѣстный срокъ судьямъ для разбирательства и окончанія дѣла. Здѣсь же напротивъ встрѣчаемъ этотъ срокъ обязательнымъ и это обстоятельство доказываетъ то, что свѣдѣнія иностранцевъ о томъ, что новгородскіе судьи весьма медленно разбирали дѣла—основательны. Впрочемъ, если замедленіе дѣла происходило не отъ вины самаго судьи, въ такомъ случаѣ срокъ разсматриванія дѣла можетъ быть и продолженъ. Такъ напримѣръ замедленіе дѣла будетъ законное, если отвѣтчикъ не явится въ извѣстный срокъ, если онъ былъ вызываемъ три раза или если свидѣтели по причинѣ дальняго ихъ мѣста жительства явились позже назначеннаго срока. Но если виновникомъ проволочки былъ самъ судья, то тяжущіеся или ихъ повѣренные могли жаловаться на судью новгородскому вѣчу.

Такимъ образомъ Новгородское вѣче было высшей судебной инстанціей Новгорода. Частныя лица могли обращаться съ жалобою на судей въ особенности на медленность новгородскому вѣчу. Между прочимъ это объясняетъ намъ и общественное положеніе Новгорода. Въ Новгородѣ не было строгаго различія въ дѣлахъ общественныхъ и въ дѣлахъ частныхъ. Такъ напримѣръ вѣче собиралось для дѣлъ общественныхъ, а между тѣмъ каждое лицо могло съ своимъ частнымъ дѣломъ обратиться къ суду вѣча. Вѣче давало въ такомъ случаѣ приставовъ, которые должны были отправиться къ судьѣ, отобрать отъ него дѣло и рѣшить его тутъ же въ присутствіи самихъ тяжущихся. Что касается до тяжущихся, т. е. до истцовъ и отвѣтчиковъ, то имъ назначались различные сроки. Такъ Новгородская судная грамота различаетъ срокъ для истца и отвѣтчика, жившихъ въ одномъ городѣ. Этотъ срокъ зависѣлъ отъ отвѣтчика, который назначалъ день по своему усмотрѣнію, т. е. судья посылалъ вызовъ отвѣтчику, но не назначалъ срока явки, а отвѣтчикъ сообщалъ судьѣ, когда онъ можетъ явиться съ объясненіемъ или отвѣтомъ. Въ назначенный такимъ образомъ день должны были явиться въ судъ, какъ истецъ и отвѣтчикъ, такъ и судья. Если судья почему либо не могъ явиться въ назначенный срокъ, то онъ долженъ былъ извѣстить объ этомъ тяжущихся и назначить новый срокъ для суда. Если кто-нибудь изъ тяжущихся не являлся, то посылались три письменные вызова. За каждый письменный вызовъ тяжущіеся должны были заплатить три деньги штрафа. Послѣ трехъ вызововъ неявившіеся обвинялись. Затѣмъ назначались особые сроки для отвѣтчиковъ, жившихъ не въ одномъ городѣ съ истцемъ. Этотъ срокъ назначался по разстоянію ста верстъ— двѣ недѣли и болѣе. Третій срокъ назначался для вызова свидѣтелей, жившихъ не въ Новгородѣ, а въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь расчитывалось время для проѣзда на разстояніе ста верстъ три недѣли. Если-же разстояніе будетъ дальше или ближе, то по такому же расчету сверхъ того назначался тяжущимся по окончаніи уже дѣла мѣсячный срокъ для того, чтобы имъ взаимно между

собою переговорить и условиться съ судьями, когда обвиняемый можетъ уплатить положенное судомъ. Наконецъ упоминаются сроки для лицъ обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ. Этотъ срокъ также трехънедѣльный на сто верстъ, но съ тою особенностью, что судебный приставъ и гонецъ, посланный за обвиняемымъ не ограничивается сдѣланнымъ вызовомъ, а остается на мѣстѣ и наблюдаетъ за тѣмъ чтобы подсудимый не скрылся изъ мѣста своего жительства. Затѣмъ въ Новгородской судной грамотѣ упоминаются различныя судебныя пошлины. Они исчисляются за различныя судебныя дѣйствія и прежде всего — отъ печати. Печать прикладывалась къ грамотамъ, къ различнымъ вызовамъ, повѣсткамъ и т. п. Печатная пошлина полагается по гривнѣ съ каждаго суднаго рубля. Затѣмъ упоминается въ нѣкоторыхъ случаяхъ пошлины въ уголовныхъ дѣлахъ. Такъ съ обвиняемаго въ татьбѣ съ разбоемъ, въ убійствѣ и другихъ значительныхъ преступленіяхъ кромѣ уголовнаго наказанія взыскивается по 4 гривны судьѣ съ судной грамоты. Затѣмъ упоминаются пошлины, собираемыя при выдачѣ различныхъ срочныхъ грамотъ и при опредѣленіи различныхъ отсрочекъ. Судья получаетъ одну гривну отъ каждой отсрочки и отъ приложенія печати къ отсрочной грамотѣ. Далѣе опредѣляются пошлины бирючамъ, гонцамъ, подвойскимъ, извѣтчикамъ, вообще лицамъ исполняющимъ судебныя рѣшенія: имъ назначается пошлина въ 4 гривны на сто верстъ во всякихъ дѣлахъ, за исключеніемъ только дѣлъ спорныхъ о земляхъ, съ которыхъ не взымается никакая пошлина. Затѣмъ грамота опредѣляетъ самый порядокъ суда. Судъ производится въ комнатѣ тіуна. Каждый судья принимаетъ челобитье истца, назначаетъ срокъ для суда и затѣмъ передаетъ дѣло на разсмотрѣніе дьякамъ или тіунамъ. Дьякъ или тіунъ разсматриваетъ дѣло и дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ въ судъ отвѣтчика, потомъ въ назначенный день истецъ и отвѣтчикъ являются къ тіуну въ сопровожденіи судебныхъ приставовъ, которые называются также судными мужами. Они присутствуютъ на судѣ до самаго окончанія дѣла. Отвѣтчикъ и истецъ цѣлуютъ крестъ.

какъ уже было объяснено выше. Грамота поясняетъ въ въ чемъ они принимаютъ крестное цѣлованіе: истецъ на томъ, что онъ ищетъ праваго дѣла; отвѣтчикъ на томъ, что онъ будетъ отвѣчать и указывать на всѣ вопросы правильно. Судные мужи (или пристава) и самъ тіунъ также цѣлуютъ крестъ въ томъ, что они будутъ судить въ правду. Затѣмъ начинается разсмотрѣніе дѣла: тіунъ или дьякъ объясняетъ дѣло въ присутствіи настоящаго судьи; при томъ нужно замѣтить, что роль или положеніе судьи является весьма пассивною: всѣ дѣла разбираетъ и объясняетъ тіунъ или дьякъ, т. е. особое лицо; оно же производитъ и первоначальныя распоряженія: дѣлаетъ вызовъ, собираетъ свидѣтелей и т. д. Судья слушаетъ докладъ тіуна или дьяка и по выслушаніи дѣла присягаетъ, т. е. цѣлуетъ крестъ въ томъ, что будетъ судить правдиво и безпристрастно. Затѣмъ судья спрашиваетъ истца о его искѣ, отвѣтчика о томъ, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе. Тотъ и другой объясняютъ свое дѣло судьѣ и ссылаются на свидѣтелей. Свидѣтели приводятся вмѣстѣ съ тяжущимися и вводятся по распоряженію тіуна съ судными приставами. Если судья видитъ, что дѣло достаточно объяснено, то онъ полагаетъ свое рѣшеніе, или если тяжущіеся послѣ судныхъ рѣчей или переговоровъ усматриваютъ, что есть необходимость выслушанія еще какихъ нибудь свидѣтелей и просятъ судью объ отсрочкѣ дѣла, то судья по просьбѣ тяжущихся даетъ имъ эту отсрочку и отлагаетъ разбирательство дѣла до извѣстнаго срока; это имѣло тотъ смыслъ, что къ этому времени тяжущіеся могли и помириться, или могли прибыть съ свидѣтелями, которые жили въ отдаленности. Если дѣло оканчивалось въ то же засѣданіе, то судья приказывалъ, дьяку или тіуну написать грамоту, въ которой описывалось челобитье истца, судныя рѣчи, т. е. все происходящее на судѣ и наконецъ приговоръ или рѣшеніе объявлялось судьею. Онъ прикладывалъ печать къ этой грамотѣ, которая замѣняла подпись, такъ какъ большею частью судьи сами были безграмотны; грамота писалась тіуномъ или дьякомъ. Затѣмъ взыскивались судныя пошлины и истецъ или отвѣтчикъ,

получивъ правую грамоту, могъ или самъ взыскивать то, что ему присуждено отъ суда или могъ просить судныхъ приставовъ (судныхъ мужей), которые оставались до окончанія разбирательства дѣла, о томъ, чтобы они исполнили рѣшеніе судьи по правой грамотѣ. Если же исполненіе рѣшенія суда нужно было произвести въ отдаленіи отъ Новгорода, тогда посылался особый гонецъ за особыя судебныя пошлины и, прибывъ на мѣсто онъ долженъ былъ предъявить правую грамоту мѣстному тіуну или намѣстнику и такимъ образомъ на мѣстѣ исполнить судебное рѣшеніе. Таково вообще содержаніе Новгородской судной грамоты. Изъ разбора этихъ двухъ грамотъ мы видимъ, что судебная часть получала постепенно все болѣе и болѣе опредѣленное положеніе въ законодательствѣ, но на ряду съ нимъ имѣлъ силу и обычай (пошлина) съ которымъ судья долженъ соображаться и на которой ему указываетъ народъ. Нѣкоторыя постановленія касательно суда встрѣчаются также и въ Договорѣ Смоленскаго князя съ Ригой, а также въ договорахъ Новгорода съ нѣмецкими городами (*), напр. о жребіи, общей ссылки на свидѣтелей и др. о чемъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ.

Замѣтимъ однакоже, что какъ Новгородская, такъ и Псковская судная грамота опредѣляютъ большею частью порядокъ суда въ дѣлахъ гражданскихъ, а не уголовныхъ Это объясняетъ намъ, что уголовное судопроизводство развивалось посредствомъ особыхъ законовъ, именно посредствомъ уставныхъ грамотъ или такъ называемыхъ губныхъ грамотъ. Образецъ подобныхъ губныхъ грамотъ или записей представляетъ Московская губная запись 1486 года. Губныя записи и грамоты опредѣляли преимущественно порядокъ суда въ дѣлахъ по преступленіямъ. Изъ Московской губной грамоты видно, что производство въ дѣлахъ уголовныхъ опредѣлялось по извѣстнымъ округамъ, и разные города и волости съ прилежащими къ нимъ селами и деревнями относились къ одному округу. Составляя въ этомъ отношеніи, какъ бы

(*) См. изслѣдованіе Профессора Андреевскаго, о договорахъ Новгорода съ нѣмецкими городами.

одно цѣлое, эти округи не совпадали однако же съ подобною цѣлью въ общемъ раздѣленіи административномъ, напримѣръ они не совпадали съ раздѣленіемъ при раскладкѣ податей и повинностей. Округа подраздѣлялись на части для платежа головщины. Въ каждомъ округѣ судъ поручался особымъ лицамъ, которыя назывались губными старостами. Они всегда избирались изъ дворянъ и обязанность ихъ была преслѣдовать не только совершеніе преступленія, но и предупреждать возможность самаго совершенія преступленія посредствомъ преслѣдованія, такъ называемыхъ лихихъ людей. Такими людьми назывались тѣ, которые или прежде уже подвергались какимъ-нибудь наказаніямъ за преступленія, или, которые хотя и не были изобличены въ виновности, но по образу своей жизни не могли быть одобрены мѣстными жителями города, области, села и деревни. Изъ разсмотрѣнія порядка уголовнаго суда мы увидимъ, какое важное значеніе имѣла община въ это время въ отношеніи къ каждому частному лицу. Если община не одобряла кого-нибудь изъ принадлежащихъ къ лихимъ людямъ, то одного этого неодобренія безъ всякихъ прямыхъ доказательствъ было достаточно иногда для того, чтобы лихого человѣка по одному оговору подвергли самому тяжкому наказанію, иногда даже подвергали ихъ смертной казни.

Содержаніе Московской губной записи указываетъ однако, что судъ уголовный не былъ еще правильно отдѣленъ отъ суда гражданскаго. Судъ уголовный запись раздѣляетъ на два вида: 1) съ поличнымъ и 2) безъ поличнаго по оговору, т. е. подозрѣнію. Запись упоминаетъ также о судебныхъ пошлинахъ, о распредѣленіи подсудности и о пересудахъ, т. е. случаяхъ пересмотра дѣлъ. Значеніе этихъ опредѣленій мы выяснимъ при общей характеристики уголовнаго судопроизводства.

ЛЕКЦІЯ XXIV.

Уголовное судопроизводство выработалось въ формѣ губныхъ грамотъ въ видѣ системы судебныхъ дѣйствій, которыя имѣли различіе отъ прежняго порядка изслѣдованія преступленій. Но, отдалившись отъ прежняго порядка, мы видимъ, что уголовный процессъ пріобрѣлъ себѣ такія новыя формы, которыя содѣйствовали болѣе къ обвиненію лицъ невинныхъ въ преступленіи, нежели къ изобличенію дѣйствительно виновнаго. Порядокъ уголовнаго процесса, на который мы указываемъ на основаніи губныхъ грамотъ, представляетъ въ себѣ весьма значительные недостатки. Уголовный процессъ въ продолженіи этого времени основывался на такихъ фактахъ, которые не всегда изобличали дѣйствительно виновнаго. Къ числу наиболѣе значительныхъ недостатковъ нужно отнести оговоры, т. е. примѣненіе наказанія къ лицу безъ всякаго доказательства въ его винѣ, по одному только неодобренію жителей одного съ нимъ города. Эта форма процесса получила названіе розыска. Но онъ не заключался собственно въ обнаруженіи дѣйствительной виновности, а въ различныхъ мѣрахъ преслѣдованія лицъ, неодобренныхъ по оговору. Другой недостатокъ уголовнаго судопроизводства этого времени выражается въ томъ, что законодательство приняло въ число мѣръ отысканія истины и изслѣдованія доказательствъ виновности такія средства, которыя никакимъ образомъ не могли быть одобрены даже тогдашнимъ временемъ. Такъ, однимъ изъ главныхъ орудій для разъузнанія сдѣлалась въ теченіи этого времени пытка и ея употребленіе составляетъ одинъ изъ самыхъ частыхъ пріемовъ при разслѣдованіи преступленій. Какъ въ отношеніи такимъ образомъ изслѣдованія преступленій, такъ и въ отношеніи различныхъ наказаній, которыя опредѣляются уже болѣе точно въ этихъ грамотахъ, онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія и разбора. Прежде всего остановимся на опредѣленіи тѣхъ наказаній, которыя встрѣчаются въ этихъ грамотахъ. Въ числѣ наказаній

упоминается смертная казнь, затѣмъ торговая казнь посредствомъ кнута, лишеніе свободы, отобраніе имущества виновнаго въ пользу казны, различные денежные штрафы, изгнаніе и ссылка преступниковъ или въ отдаленныя части, или только изъ того города, или изъ той общины, гдѣ было совершено преступленіе. Кромѣ того встрѣчаются различныя изувѣчивающія наказанія, и въ этомъ отношеніи замѣтно вліяніе монгольской эпохи. Введеніе различныхъ изувѣчивающихъ наказаній, самое введеніе пытки и другихъ жестокихъ мѣръ истязанія для доведенія къ сознанію приписываютъ вліянію монгольскаго владычества. Что касается во 1-хъ смертной казни, то она упоминается въ различныхъ губныхъ грамотахъ и нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ; такъ мы видѣли ее въ Двинской уставной грамотѣ, но въ губныхъ грамотахъ она опредѣляется болѣе точно, болѣе положительно. Изъ нихъ мы видимъ, что она полагалась за слѣдующія преступленія: 1) за такъ называемые разбои. Преступникъ, пойманный на разбоѣ, выдавался намѣстнику, или вообще судьямъ, которые имѣли право совершить надъ нимъ казнь. Такимъ образомъ особенность этого времени заключалась въ томъ, что низшій судья, наприм. волостель, могъ самъ примѣнить самое тяжкое наказаніе. Законъ этого времени, именно губные грамоты опредѣляютъ, что не только пойманныхъ на самомъ мѣстѣ преступленія нужно казнить смертью, но вообще и завѣдомыхъ разбойниковъ т. е. тѣхъ, которые хотя и не пойманы, но о которыхъ идетъ молва, что они были виновны въ душегубствѣ. Такихъ разбойниковъ нужно прежде предать пыткѣ, а допытавшись казнить смертью; въ этомъ случаѣ казнь производилась по распоряженію губныхъ старостъ. Впослѣдствіи времени въ этомъ отношеніи была сдѣлана перемѣна: смертную казнь могли назначать и исполнять только высшіе судьи-намѣстники. Затѣмъ смертная казнь назначалась также и за воровство. Татей, т. е. воровъ, нужно было казнить чрезъ повѣшеніе. Этой казни предшествовало также истязаніе; во всѣхъ мѣстахъ встрѣчаемъ выраженіе: бить кнутомъ и казнить смертною казнію; но тати подвергались этому

наказанію только тогда, когда они были пойманы 3 раза въ совершеніи этого преступленія или если они совершили кражу вещей, принадлежавшихъ церкви, что имѣло значеніе особеннаго преступленія, именно святотатства. Кромѣ того подвергали смертной казни поджигателей, крамольниковъ, т. е. распускавшихъ какіе-нибудь тревожные слухи, возбуждавшихъ безпорядки, подметчиковъ т. е. тѣхъ, которые подметывали какія-либо возмутительныя письма, ябедниковъ или переметчиковъ т. е. измѣнниковъ государства, которые сообщали какія-либо свѣдѣнія непріятелю. Изъ этого мы видимъ, что смертная казнь назначалась за опредѣленныя преступленія, но что на ряду съ самыми важными, каковы—убійство и государственная измѣна, встрѣчаются и обыкновенныя преступленія, наприм. поджогъ. Какъ именно совершалась смертная казнь, точно неопредѣляется, хотя иногда и говорится о повѣшеніи; далѣе упоминается о торговой казни: она заключалась въ томъ, что преступника били кнутомъ на площади или на торгу, отчего и самое наказаніе получило названіе торговой казни. Она назначалась за обыкновенную татьбу, при чемъ, если тать попадался 2 раза въ преступленіи, то кромѣ торговой казни ему отсѣкали руку, иногда съ этимъ соединялась ссылка. Затѣмъ торговая казнь назначалась за укрывательство лихихъ людей, что узнавалось по обыску. Въ чемъ состоялъ обыскъ, мы скажемъ подробно. Онъ состоялъ въ распросѣ мѣстныхъ жителей о лихихъ людяхъ; если же ихъ скрывали, то за это укрывательство назначалась торговая казнь. Затѣмъ въ видѣ наказанія упоминается о клейменіи, какъ послѣдствіи торговой казни. Клеймо было признакомъ того, что человѣкъ лихой, т. е. что онъ былъ уже подвергнутъ наказанію, т. е. что онъ былъ судимъ за какое-либо преступленіе и былъ наказанъ. Впрочемъ о клейменіи весьма рѣдко упоминается, хотя оно прямо выражено въ Двинской уставной грамотѣ. Эту мѣру наказанія также приписываютъ вліянію монгольскаго владычества. Затѣмъ лишеніе свободы. Оно состояло въ заключеніи преступника въ тюрьмы и остроги, которые устраивались въ каждомъ судебномъ округѣ при губномъ старостѣ и при особенномъ присутственномъ

мѣстѣ, которое называлось губною избою; какъ самая губная изба, т. е. домъ гдѣ производился судъ, такъ и тюрьма содержались на счетъ сборовъ съ самихъ жителей. Сборъ этотъ располагался по сохамъ, какъ и всякій другой сборъ. Объ устройствѣ тюрьмъ долженъ былъ заботиться губной староста: онъ долженъ былъ опредѣлять въ тюрьмы сторожей, долженъ былъ самъ наблюдать за ними; сторожа должны были смотрѣть, чтобы не разбѣгались преступники; но такъ какъ побѣги были весьма часты, то законъ опредѣлялъ, чтобы преступниковъ держать какъ можно короткое время и только до тѣхъ поръ, пока за ними не состоялся приговоръ, а затѣмъ предписывалось казнить ихъ смертною казнью. Иногда заключеніе въ тюрьмы было пожизненное, иногда временное. Временному подвергались такія лица, о которыхъ судъ не могъ еще составить окончательнаго рѣшенія, или такіе преступники, преступленія которыхъ были изобличены, но о которыхъ предполагали, не совершили ли они еще болѣе значительныхъ преступленій. Къ пожизненному заключенію подвергали такихъ лицъ, противъ которыхъ были улики, а не было настоящихъ доказательствъ. Иногда же подвергали и такихъ, которыя не совершили никакой вины, но которыя за себя не могли представить поручителя въ томъ, что они люди благонадежные, люди хорошіе. Затѣмъ къ числу наказаній относилось отобраніе *всего* имущества или нѣкоторой части въ казну. Въ первомъ случаѣ это была конфискація имущества, а во второмъ—это были различные денежные штрафы. Отобраніе всего имущества не встрѣчается какъ отдѣльное наказаніе, но какъ слѣдствіе другого наказанія или смертной казни. Впослѣдствіи времени опредѣлено было, что при отобраніи имущества—изъ него часть опредѣляется на оплату судебныхъ пошлинъ. Штрафы были подъ различными наименованіями. Они взыскивались по большей части за такіе проступки, какъ не явка къ суду, за укрывательство людей, хотя и не лихихъ, но которыхъ судъ требовалъ. Иногда же денежные штрафы назначались за утайку краденой вещи, хотя бы тотъ у кого вещь эта находилась не оказывался виновнымъ въ кражѣ. Если лица,

на которыхъ падалъ денежный штрафъ, сами не были въ состояніи уплачивать его, то они должны были представить за себя поручителя въ томъ, что они къ извѣстному сроку уплатятъ штрафъ. Если же этого нельзя было исполнить, то такое лицо подвергалось тюремному заключенію. Въ отношеніи ссылки или изгнанія законъ долгое время не опредѣляетъ различія между нимъ и лишеніемъ свободы. Впослѣдствіе времени однако встрѣчаются болѣе подробныя постановленія въ этомъ отношеніи. Ссылка является не въ видѣ препровожденія преступника къ опредѣленному мѣсту жительства, а чаще всего въ видѣ изгнанія изъ области или города, и затѣмъ предоставляли преступнику самому идти, куда онъ хочетъ. Такое наказаніе чаще употреблялось въ отношеніи ябедниковъ, ложныхъ доносителей и вообще тѣхъ, которые возмущали общественное спокойствіе. Наконецъ встрѣчаются изувѣченія, отсѣченіе рукъ, ногъ, четвертованіе и т. д. Долгое время эти истязанія удерживались въ нашемъ законодательствѣ; они встрѣчаются даже во время Петра Великаго и нѣсколько позже, и только совершенно вышли изъ употребленія въ новѣйшее время.

Губныя грамоты опредѣляютъ самый порядокъ разслѣдованія преступленій. Разслѣдованіе производилось властью правительства чрезъ посредство должностныхъ лицъ. Оно носило наименованіе розыска. Въ розыскѣ вмѣстѣ съ должностными лицами принимали участіе и сами жители, и законъ обязывалъ самихъ жителей помогать губнымъ старостамъ, доводчикамъ, намѣстникамъ, тіунамъ, вообще должностнымъ лицамъ въ розыскѣ, отысканіи преступника и слѣдовъ совершившагося преступленія. Розыску подвергались дѣла наиболѣе важныя, а именно: такъ называемое душегубство подъ которымъ разумѣлось вообще смертоубійство, насиліе, разбои и др. важнѣйшія уголовныя преступленія. Посланный для розыска долженъ былъ прежде всего пріѣхать на мѣсто, гдѣ совершилось преступленіе и сдѣлать такъ называемый обыскъ. Онъ происходилъ болѣе въ распросѣ самихъ жителей о случившемся преступленіи и о томъ, на кого они полагаютъ. Если

при обыскѣ не могли указать на лицо совершившее преступленіе, тогда ихъ спрашивали, кто у нихъ лихіе люди, и въ этомъ случаѣ они должны были указывать на тѣхъ лицъ, которыхъ хотя они прямо не могутъ обвинить, но о которыхъ полагаютъ, что они люди не добрые, люди способные совершить преступленіе. Если такихъ лицъ они не называютъ, но впослѣдствіи оказывалось, что между ними есть такіе лихіе люди, то за укрывательство ихъ они подвергались особому наказанію. Если при обыскѣ оказывался виновный, то нужно было прежде всего довести его до сознанія пытками. Если онъ прямо сознавался въ своемъ преступленіи, то все-таки по смыслу закона нужно было его пытать для того, чтобы онъ указывалъ на своихъ соучастниковъ и вообще на лихихъ людей. Такимъ образомъ розыскъ соединялся всегда съ пыткою. При розыскѣ и при обыскѣ люди могли показывать общимъ голосомъ, т. е. всѣ одинаково, или голоса или показанія могли быть различны. Если мнѣнія были различны, то производящій обыскъ долженъ былъ выбрать изъ той и другой половины людей, изъ обвиняющихъ и изъ оправдывающихъ лучшихъ людей и произвести подробные распросы. При подобномъ розыскѣ должны были находиться губные цѣловальники, т. е. выборные изъ самихъ жителей, которые давали присягу на то, что они будутъ указывать на виновныхъ и не скроютъ вообще преступленія. Такіе губные цѣловальники избирались обыкновенно на одинъ годъ изъ жителей со всѣхъ земель, за исключеніемъ дворцовыхъ земель и городскихъ посадовъ. Губные цѣловальники должны были постоянно находиться во время розыска и суда при губныхъ старостахъ. Обязанности этихъ должностныхъ лицъ заключались въ розыскѣ и поимкѣ преступника, затѣмъ въ производствѣ надъ нимъ суда и въ исполненіи надъ нимъ наказанія по приговору суда. Замѣтимъ, что такъ какъ эти лица обязаны были не только преслѣдовать преступника, но вообще и всякихъ людей, склонныхъ къ преступленію, то съ отправленіемъ уголовнаго правосудія эти лица имѣли и обязанности полицейскія, и въ этомъ то и заключается неустрой-

ство уголовнаго суда въ разсматриваемую эпоху. Вообще невозможно налагать на судей какія-либо другія обязанности, кромѣ судебнаго дѣла, и если судьи будутъ обременяемы еще какими-либо другими обязанностями, то это вредно подѣйствуетъ на отправленіе правосудія. Примѣромъ этому и служатъ губные цѣловальники. Значительное число преступленій оставалось не раскрытымъ именно потому, что тѣ же самыя лица, которыя должны были судить, должны были исполнять и различныя полицейскія обязанности. Такъ напримѣръ, губной староста пріѣзжалъ въ округъ для разслѣдованія преступленія, но ему указывали на другихъ людей, которыхъ считаютъ дурными. Такимъ образомъ начинался розыскъ не въ отношеніи къ главному дѣлу, и преступленіе оставалось по большей части безъ наказанія. Губныя грамоты опредѣляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности губныхъ цѣловальниковъ. Они должны присутствовать на судѣ губныхъ старостъ, должны исполнять ихъ порученія, должны стеречь преступника и собирать судебныя пошлины съ дѣлъ уголовныхъ. Тѣ и другія лица должны были заботиться о предупрежденіи и искорененіи разбоевъ, и въ этомъ отношеніи всѣ прочія власти и должностныя лица—намѣстники, тіуны, волостели должны были имъ помогать. Въ числѣ должностныхъ лицъ упоминаются въ Губной грамотѣ также доводчики. Это родъ судебныхъ слѣдователей въ настоящее время. Это были лица, которыя должны были привести въ извѣстность какое либо обстоятельство, или исполнить какія либо другія судебныя порученія. Изъ этихъ постановленій мы можемъ вывести общій характеръ уголовнаго судопроизводства въ теченіи этого времени. Обнаруженіе преступленія предоставлялось не самой общинѣ, какъ было прежде, не ограничивалось взысканіемъ виры. Обнаруженіе преступленія сдѣлалось уже заботою государства, заботою правительства. Община удержала только отчасти свое прежнее отношеніе къ дѣламъ уголовнымъ. Вмѣсто полной отвѣтственности на нее легли обязанности разслѣдованія какого либо преступленія. Долгое время однако же исключительное завѣдываніе дѣлами уголовными было предо-

ставлено только однимъ должностнымъ лицамъ. Впослѣдствіи времени города, села и волости получили право избирать изъ среды своей уголовныхъ судей, которые судили бы ихъ во всякаго рода дѣлахъ. Эти выборные судьи составляютъ переходъ отъ разсмотрѣннаго положенія къ слѣдующему періоду. Что касается самихъ средствъ изобличенія или внѣшней формы уголовнагопроцесса, то въ этомъ отношеніи губныя грамоты представляютъ намъ слѣдующія виды доказательствъ: виновность могла быть доказана, кромѣ пытки, повальнымъ обыскомъ, т. е. общимъ разспросомъ, оговоромъ, такъ называемымъ поличнымъ, собственнымъ признаніемъ обвиняемаго, очною ставкою и обыкновеннымъ допросомъ—какъ обвиняемаго, такъ и свидѣтелей (*). Въ особенности развилась очная ставка, какъ одно изъ средствъ обнаруженія истины. Она заключалась въ томъ, что двое свидѣтелей, противорѣчащихъ въ показаніяхъ между собою или двое обвиняемыхъ, изъ которыхъ каждый показывалъ иначе объ одномъ и томъ же предметѣ, сводились вмѣстѣ, какъ выражается законъ, и затѣмъ судья предоставлялъ имъ уличать другъ друга въ томъ, что одинъ говорилъ правду, а другой ложь. Если на очной ставкѣ оказывалось, что одинъ сказалъ ложь, то его слѣдовало пытать и затѣмъ дознаваться, не скрываетъ ли онъ кого либо изъ преступныхъ людей. Свидѣтелями по дѣламъ уголовнымъ допускались всѣ вообще лица, даже не свободныя; послѣднія однако съ тѣми ограниченіями, что они не могли свидѣтельствовать противъ своихъ господъ, или противъ своихъ владѣльцевъ, или противъ ихъ дѣтей. Оговоръ, или обвиненіе, кого либо безъ всякихъ доказательствъ, по одной наслышкѣ, по одному только указанію, по одной молвѣ, оговоръ составлялъ также одно изъ значительныхъ средствъ обвиненія. Иногда оговоръ приравнивался по своимъ послѣдствіямъ, къ такъ называемому обыску, отличаясь отъ него тѣмъ, что оговоръ сдѣланъ однимъ лицомъ, тогда какъ обыскъ имѣлъ значеніе указанія отъ цѣ-

(*) Вообще о судебныхъ доказательствахъ, см. изслѣдованіе Профессора Пахмана.

лой общины, отъ всѣхъ людей земли. Кто оговаривалъ другаго въ какомъ либо преступленіи, тотъ подвергался содержанію въ тюрьмѣ и если впослѣдствіи оказывалось, что оговоръ справедливъ, то такое лицо освобождали, если же оказывалось, что оговоръ неправиленъ, то его подвергали наказанію равносильному тому, какое слѣдовало нанести тому лицу, на котораго сдѣланъ оговоръ. Если оговоръ не оправдывался и не подтверждался, но могъ быть разъясненъ заключеннымъ, то его освобождали, если онъ представлялъ за себя надежнаго поручителя. Если нельзя было по оговору заключить о виновности лица, то оговорившаго подвергали иногда пыткѣ, полагая, что онъ скрываетъ что либо и не говоритъ всего, что ему извѣстно. Затѣмъ къ числу доказательствъ обвиненія нужно отнести *поличное*. Этотъ древній способъ обвиненія, встрѣчающійся и въ Русской Правдѣ, продолжаетъ имѣть значеніе и въ настоящее время. Поличное различается въ губной грамотѣ на татебное и разбойное. Подъ первымъ разумѣютъ тотъ случай, когда вора поймаютъ съ вещью въ рукахъ и когда ему доказывалось (*), что утаенная вещь явно принадлежала другому лицу. Подъ разбойнымъ поличнымъ разумѣются явные слѣды преступленія. Поличное получило полную силу доказательства и ни въ какомъ случаѣ не могло освобождать преступника отъ заслуженнаго наказанія. Наконецъ къ числу доказательствъ обвиненія губная грамота относитъ и собственное признаніе подсудимаго. Собственное признаніе составляетъ въ развитомъ и новѣйшемъ законодательствѣ самое лучшее, самое полное доказательство. Но губныя грамоты ставятъ его какъ-бы въ концѣ другихъ способовъ доказательства. Это мы видимъ изъ того, что собственному признанію подсудимаго никогда не даютъ полной вѣры, не вѣрятъ ему ина-

(*) Въ этомъ отношеніи замѣчательна по отношенію къ уголовному процессу *Уставная Бѣлозерская Грамота* 1488 года, которая совершенно своеобразно подъ *поличнымъ* разумѣетъ только то, что обвинитель (истецъ) съ *приставами* найдетъ у обвиняемаго въ клѣти или вынетъ изъ подъ замка; то же что будетъ найдено въ домѣ или на дворѣ но не запертымъ, не считается поличнымъ.

че, какъ если оно подтверждается пыткою или другими доказательствами. Поэтому и признаніе въ эпоху уголовнаго процесса этого времени является какимъ то слабымъ способомъ доказательства вмѣсто настоящаго полнаго значенія, вмѣсто того, чтобы быть самымъ первымъ, самымъ лучшимъ. Затѣмъ оно является въ видѣ искаженномъ, потому что признаніе могло быть исторгнуто нарочно неправильно, посредствомъ истязанія на пыткѣ, и поэтому утрачивало значеніе признанія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Пытка употреблялась въ Россіи въ 14 вѣкѣ, въ 15 вѣкѣ она еще болѣе дѣлается распространенною. Право употребленіе этого способа принадлежало всѣмъ вообще судьямъ, не различая низшихъ и высшихъ. Законы сообщили цѣлую систему правилъ въ отношеніи этого рода доказательствъ. Такъ, если преступникъ на первой пыткѣ не давалъ требуемыхъ доказательствъ, то подвергался второй, затѣмъ третьей—въ дѣлахъ по разбою. Но болѣе трехъ разъ она не могла быть произведена надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Другая особенность пытки заключалась въ томъ, что ей подвергалось одно лицо вмѣсто другаго. Такъ напримѣръ, если нужно подвергнуть пыткѣ кого либо по подозрѣнію, а это лицо успѣло скрыться, то брали ближайшаго родственника и подвергали однихъ вмѣсто другихъ для того, чтобы узнать гдѣ скрывалось лицо, которое надлежало собственно подвергнуть пыткѣ. Что касается разспросовъ и допросовъ, то ихъ не нужно смѣшивать съ такъ называемымъ розыскомъ. Розыскъ былъ обращенъ ко всему городу, селу. Допросъ былъ распросомъ отдѣльныхъ лицъ.

XXV ЛЕКЦІЯ.

Разсмотрѣвъ значеніе и порядокъ уголовнаго судопроизводства, образовавшагося въ продолженіи удѣльнаго періода и соотвѣтственно этому содержаніе такъ

называемыхъ губныхъ грамотъ, мы должны теперь перейти къ опредѣленію значенія ханскихъ ярлыковъ. Но прежде разбора содержанія ихъ, мы должны вообще указать на ближайшія послѣдствія отъ монгольскаго владычества. Владычество монгольское, какъ мы имѣли уже случай отчасти видѣть, отразилось болѣе замѣтнымъ образомъ, какъ въ финансовой системѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ уголовныхъ наказаніяхъ. Монголы, утвердивъ власть надъ Русью, властвовали надъ нею однако же не въ одинаковой степени въ различное время. Въ этомъ отношеніи надо различать два періода времени: первоначальный и послѣдующій. Періоды эти не могутъ быть строго разграничены какимъ либо временемъ, потому что владычество монголовъ то слабѣло, то опять усиливалось. Это зависѣло отъ различныхъ причинъ: частью отъ обстоятельствъ, происходившихъ въ самой ордѣ, частью отъ обстоятельствъ, происходившихъ въ Руси, а именно: до тѣхъ поръ, пока въ самой ордѣ не возникали неурядицы, до тѣхъ поръ и владычество было болѣе тяжелое; съ другой стороны—пока отношенія удѣльныхъ князей сгруппировывались тѣсно около власти великаго князя, до тѣхъ поръ отвѣтчиками предъ ордой въ отношеніи платежа дани и тому подобныхъ обязательныхъ отношеній были одни только великіе князья. Но со временемъ это перемѣнилось: отдѣльные удѣльные князья стали сами опредѣлять свои отношенія къ хану, сами стали заискивать расположеніе пословъ, баскаковъ ханскихъ. Все это наводитъ на мысль указать, какимъ образомъ ханъ управлялъ изъ орды Русью въ теченіи этого времени. Чтобы понять порядокъ управленія, нужно сообразить, что ханъ имѣлъ при себѣ значительное количество близкихъ родственниковъ и другихъ приближенныхъ къ нему лицъ, между которыми онъ и распредѣлялъ значительныя дѣла по управленію предѣлами своего владычества. Отъ орды зависѣли кромѣ Руси и другія страны, и для завѣдыванія дѣлами, касавшимися того или другаго края, а въ томъ числѣ и Русью, сначала назначались особенные приближенные къ хану. Эти приближенные жили въ ордѣ, но отъ

себя посылали особенныхъ довѣренныхъ лицъ, которыхъ лѣтопись называетъ различными именами: такъ встрѣчаются названія баскаковъ, пословъ, гонцевъ ханскихъ, встрѣчается названіе дорогъ; это названіе требуетъ объясненія; дорогою обыкновенно называлась цѣлая область и даже страна, зависѣвшая по управленію отъ орды, и вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ же названіемъ обозначалось лицо, вельможа ханскій посылаемый ханомъ для управленія. Посмотримъ — какое значеніе имѣли эти лица, когда они прибывали въ Россію и какія ихъ были обязанности? Лѣтопись описываетъ намъ прибытіе этихъ лицъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Они приходили съ цѣлыми полчищами татаръ, иногда простиравшихся до многихъ тысячъ и совершенно по своему произволу жгли города, села, наказывали жителей за малѣйшія отклоненія отъ платежа дани, сами налагали, часто произвольно, дани сверхъ положенныхъ, и народъ скрывался очень часто отъ этихъ притѣсненій, разбѣгался въ лѣса, оставляя все свое имущество, всѣ свои пожитки въ раззоренныхъ городахъ и селахъ, Таково было посѣщеніе этихъ лицъ. Затѣмъ понятно, что на народъ наводили они ужасъ и трепетъ. Подобное же впечатлѣніе наводили они и на князей. Въ первоначальное время монгольскаго владычества князья старались заискивать расположеніе подобныхъ лицъ; они старались богатыми дарами и подарками и дружескими отношеніями заискать расположеніе ханскихъ баскаковъ или пословъ. Въ такихъ отношеніяхъ находиться имъ было выгодно, потому что подобный посолъ, отправляясь въ орду, могъ донести хану о покорности или непокорности князя, могъ, какъ это часто дѣлалось и оклеветать князя. Въ такомъ случаѣ князя призывали въ орду, судили какъ преступника и подвергали часто самому тяжкому наказанію. При подобномъ положеніи всѣ почти дѣла управленія получили совершенно неопредѣленный характеръ. Все зависѣло отъ произвола ханскихъ пословъ. Этотъ посолъ увеличивалъ иногда дани и подати совершенно по своему произволу, дѣлалъ новыя переписи, исчисленія народа; иногда взыскивая такимъ образомъ сверхъ положеннаго и не на-

ходя уплаты вслѣдствіе раззоренія, брали они народъ десятками тысячъ и уводили въ орду, гдѣ продавали ихъ въ рабство. Все это, не смотря на свою тягость, имѣло послѣдствіемъ сближеніе народа съ князьями Россіи. Народъ понялъ, что князья единственные спасители, защитники ихъ отъ притѣсненія монголовъ, народъ видѣлъ, что князья, часто сами требовались на судъ хана, отвѣчали собственною жизнью за народъ, ввѣренный имъ, и это до такой степени усиливало привязанность народа, что онъ, при всей тяжести дани ордынской, нисколько не роптalъ на обыкновенныя дани и пошлины, которыя своимъ порядкомъ должны были собираться въ казну княжескую. Изъ подобнаго рода отношеній происходили мало по малу различнаго рода послѣдствія. Князья понимали, что владычество монгольское есть несчастіе цѣлой страны, равно касающееся и интересовъ всѣхъ князей. Для облегченія подобнаго положенія князья забываютъ свои домашнія ссоры и распри за интересы пограничные. Они соединяются между собою и стараются общими силами помогать другъ другу противъ хана. Сначала, разумѣется эта помощь могла выражаться только мирными мѣрами: такъ, князья болѣе вліятельные, князья, къ которымъ болѣе были расположены ханы, отправлялись въ орду, хлопотали не только за свои, но и за другіе удѣлы, испрашивали у хана прежняго права для того или другаго княжества, и въ этомъ отношеніи князьямъ много помогаютъ лица духовнаго званія: митрополиты, епископы и вообще высшія духовныя власти были постоянными посредниками въ переговорахъ, и даже спутниками князей, когда ихъ требовали въ орду. Но впослѣдствіи времени отношенія эти начинаютъ перемѣняться. Несогласія и раздоры въ самой ордѣ ослабляютъ власть хана. Это ослабленіе чувствовали и князья. Они начинаютъ инымъ образомъ опредѣлять свои отношенія. Дань начинаетъ уплачиваться не съ такою точностью, не съ такою акуратностью, какъ въ прежнее время: образуются недоимки и недоплаты. Даже, ханы посылаютъ грозныя предписанія русскимъ князьямъ, но князья мало слушаютъ и исполняютъ эти предписанія. Лѣтопись приво-

дитъ наконецъ примѣры, что князья изгоняютъ пословъ хана, и они возвращаются безъ дани. Изъ князей наиболѣе отражавшихъ пословъ лѣтопись указываетъ на Дмитрія Іоанновича. Отношенія къ ордѣ слабѣютъ; вмѣсто уплаты опредѣленной дани, князья ограничиваются подарками хану и его приближеннымъ. Наконецъ князья получаютъ право сбора и тѣмъ отклоняютъ пословъ ханскихъ. Такимъ образомъ владычество слабѣетъ; съ ослабленіемъ его оно однако еще не уничтожается. Отъ времени до времени несогласія въ ордѣ утихаютъ, власть хана снова увеличивается и тогда она начинаетъ съ большею силою проявляться. Вотъ почему, какъ я замѣтилъ, нельзя опредѣлить съ точностью годомъ это усиленіе или ослабленіе. Уже въ 15 в. и въ особенности въ половинѣ 15 в. зависимость отъ орды дѣлается безусловно слабою. По мѣрѣ этого ослабленія возвышается значеніе князей московскихъ; пользуясь исключительно своимъ положеніемъ къ прочимъ князьямъ, великіе князья московскіе стараются распространить свою власть въ самой Россіи, и наконецъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ окончательно свергаетъ владычество монгольское и дѣлается единственнымъ властителемъ земли русской. Вотъ въ этотъ то періодъ долгаго и тяжкаго испытанія возвышается въ особенности значеніе духовенства, которое, удерживая свою роль посредника между ханами и князьями, вмѣстѣ съ тѣмъ конечно позаботилось и объ охранѣ своихъ частныхъ интересовъ, интересовъ церковныхъ имуществъ, владѣній монастырскими землями. Эти права и преимущества и выговариваются въ такъ называемыхъ ханскихъ ярлыкахъ. Однако не нужно думать, чтобы они заключали только постановленія, гарантировавшія права духовенства. Здѣсь встрѣчаются и постановленія, относящіяся къ другимъ предметамъ; такъ напримѣръ опредѣленія обязанности князей посылать отряды своихъ войскъ княжескихъ по требованію хана для веденія войны съ другими народами, съ которыми воевала орда. Въ этомъ отношеніи лѣтопись упоминаетъ, что русскимъ войскамъ приходилось иногда сражаться за интересы хана, но съ другой стороны и татары сражались за интересы самихъ русскихъ кня-

зей въ ихъ спорахъ между собою. Этотъ фактъ требуетъ объясненій. Нужно-ли принимать эти примѣры въ такомъ смыслѣ, что ханъ посылалъ свои войска противъ такихъ князей, которые не признавали его распоряженій и помогали такому князю, который дѣйствовалъ на основаніи повелѣній хана, или нужно это понимать въ особенномъ смыслѣ? Прежде всего кажется, что татарскія войска въ войнахъ князей между собою могли дѣйствовать не иначе, какъ защищая того князя, который получилъ ханскій ярлыкъ, и дѣйствовали противъ того, который являлся непокорнымъ. Однако это было не всегда такимъ образомъ. Именно были примѣры, что князья, вступивъ въ хорошія отношенія съупомянутыми ханскими баскаками, заискавъ ихъ расположеніе, пользовались не только ихъ личнымъ расположеніемъ, но и значительнымъ отрядомъ, съ которымъ они приходили въ Россію, и затѣмъ уже, расположивъ ханскихъ баскаковъ, могли распоряжаться и ихъ войскомъ, какъ своимъ. Такимъ образомъ поступали князья для увеличенія своихъ владѣній, для распространенія предѣловъ княжества, и въ этомъ отношеніи исторія представляетъ намъ примѣръ какъ того, что русскіе сражались за интересы хана, такъ и татарскія войска сражались иногда за интересы русскаго князя. Такимъ образомъ въ ханскихъ ярлыкахъ опредѣляются обязанности, имѣющія чисто военное значеніе. Сначала обязанность присылать войска считалась также повинностью или обязанностью князей. Изъ этого мы видимъ, что нельзя сказать, что владычество монгольское выражалось только въ платежѣ дани: были и другія обязанности, какъ напримѣръ обязанность высылать войска. Объ этой обязанности упоминается въ ярлыкахъ. Однако она соблюдалась только въ первое время монгольскаго владычества, когда власть хана была сильна. Послѣ смерти Узбека вообще владычество монгольское начинаетъ ослабѣвать и именно послѣ этого времени прекращаются примѣры исполненія подобной обязанности, и зависимость ограничивается уже до самаго конца иногда только платежемъ дани. Во время пребыванія въ Россіи ханскихъ гонцовъ и пословъ они имѣ-

ли неопредѣленныя обязанности. Въ первое время встрѣчаются послы отъ хана, завѣдывающіе всѣми дѣлами Россіи, впослѣдствіи, съ раздробленіемъ, встрѣчается еще особенный посолъ. Онъ, живя въ Россіи, парализировалъ такимъ образомъ власть хана, имѣя право вводить различнаго рода распоряженія и устройство управленія. Недоплата дани всегда сопровождалась тяжкими наказаніями—такъ называемымъ правежемъ т. е. истязаніемъ тѣлеснымъ и пыткой, о которой мы уже говорили. Какъ правежъ, такъ и пытка главнымъ образомъ проистекали изъ того взгляда, чтобы убѣдиться, что за испытываемымъ нѣтъ вины и что за неоплатнымъ должникомъ нѣтъ дѣйствительно какого-либо имущества. Понятно, что народъ, отъ такихъ мѣръ покидалъ свои жилища и бѣжалъ въ лѣса, зарывалъ свои вещи и нѣкоторую часть своего имущества въ землю. Ханскіе сборщики дани не вѣрили, чтобы не было возможности уплачивать дани и отсюда правежъ, жестокія истязанія для того, чтобы вывѣдать дознаніе, гдѣ зарыто имущество, деньги и вообще, чтобы отыскать слѣды скрытаго имущества. Вотъ объясненіе того, что произвело владычество монгольское какъ въ отношеніи административномъ, такъ и въ отношеніи порядка судопроизводства, взысканій и наказаній. Затѣмъ въ ярлыкахъ встрѣчаются различныя распоряженія о томъ, какимъ образомъ князья по повелѣнію хана должны были ограждать интересы хана; въ ярлыкахъ встрѣчаются примѣры утвержденія порядка перехода престола княжескаго отъ одного лица къ другому; но по большей части содержаніе ярлыковъ относится къ опредѣленію правъ и преимуществъ духовныхъ. Остановимся теперь на этомъ опредѣленіи содержанія ярлыковъ. Ярлыки (*) вообще подтверждаютъ пользованіе всѣми преимуществами, льготами, которыя съ самыхъ старинныхъ временъ сохранились за церковью, монастырскими учрежденіями и духовными властями. Въ нихъ перечисляются: во-1-хъ, церковныя владѣнія, всѣ села, деревни, различныя угодья и промыслы, которыя принадлежали церкви.

(*) См. ярлыкъ Хана Узбека, Атюлюка и др. См. также Ханскіе ярлыки, Проф. Березина 1850 г. О достовѣрности ярлыковъ см. изслѣдованіе Проф. Григорьева 1842 г.

Самое подробное и точное исчисленіе показываетъ, что ярлыки были составляемы подъ непосредственнымъ участіемъ самаго духовенства. Понятно, что духовенство, испрашивая себѣ какую-либо льготу, разумѣется заботилось о томъ, чтобы были выписаны всѣ его преимущества. Ханскіе ярлыки представляютъ такимъ образомъ законы, которые какъ бы прежде проэктировались духовенствомъ, затѣмъ испрашивались въ видѣ милости у хана, утверждались и затѣмъ получали силу закона на Руси. И такъ, прежде всего встрѣчаются подтвержденія старинныхъ льготъ, исчисленіе старинныхъ преимуществъ, принадлежавшихъ церкви и затѣмъ встрѣчаются подтвержденія, чтобы церковные люди и духовныя земли были освобождены отъ всѣхъ даней и пошлинъ, не только налагаемыхъ ордою, но и налагаемыхъ русскими князьями. Это представляетъ намъ ясно то громадное различіе, въ которомъ находились церковныя земли, отъ земель обыкновенныхъ. Обыкновенныя земли были отягощаемы не только всевозможными поборами, но и въ особенности еще данью ордынскою. Церковныя-же земли напротивъ не платили ни того, ни другаго. Понятно, что всякій свободный человѣкъ, который находилъ какую-либо возможность переселиться съ земли княжеской, городской или черной земли (тягольной) на землю церковную, спѣшилъ утвердить свою осѣдлость на землѣ церковной, но такой переходъ было сдѣлать трудно, потому что на черныхъ, тягольныхъ земляхъ жили тягольные люди, а имъ нельзя было перейти на землю церковную: этого не допустилъ бы великій князь и сама община, первый, потому что онъ потерялъ бы обыкновеннаго плательщика, община потому, что потерявъ рабочаго человѣка, должна была бы платить за него. Кромѣ того была еще и другая причина. Свободные люди могли перейти съ одной земли на другую, но они до того были обременены долгами и обязательными разсчетами съ владѣльцемъ земли за покруту, за дань, за первоначальное обзаведеніе, за лѣсъ, что перейти фактически было невозможно. Затѣмъ въ ярлыкахъ упоминается, что церковь имѣетъ право на своихъ земляхъ произ-

водить различныя ремесла, торговлю, и что всѣ люди ремесленные и торговые, живущіе на земляхъ церковныхъ, обязаны платить подати и повинности, только такія, какія на нихъ положитъ духовенство. Въ пользу же хана не слѣдовало собирать отъ нихъ никакихъ сборовъ; кромѣ того въ ярлыкахъ встрѣчается грозное запрещеніе о томъ, чтобы церкви, монастырямъ, часовнямъ и лицамъ духовнаго званія не было наносимо никакихъ оскорбленій. За всякое оскорбленіе нанесенное духовному учрежденію или духовному лицу ханы грозятъ смертною казнью. Затѣмъ въ ярлыкахъ встрѣчается дозволеніе митрополиту и высшимъ духовнымъ властямъ принимать къ себѣ на службу не только людей церковныхъ, но и всякихъ постороннихъ свѣтскихъ людей. На основаніи этого дозволенія образовался особый родъ службы: образовались бояре и другіе служилые люди при митрополитѣ и другихъ духовныхъ властяхъ. Эти лица получали такое же вознагражденіе, какъ и служилые люди при князѣ, слѣдовательно верстались, т. е. надѣлялись особымъ помѣстьемъ, потому что земель церковныхъ было много. Служба у митрополита и вообще въ духовномъ вѣдомствѣ была даже въ одно время почетнѣе, нежели служба у князя, потому что духовное вѣдомство находилось въ болѣе благопріятныхъ отношеніяхъ и въ матеріальномъ отношеніи богаче самихъ князей. Кромѣ того въ ярлыкахъ ханскихъ предписывается всѣмъ людямъ, живущихъ на земляхъ церковныхъ, жить въ полномъ подчиненіи отъ духовенства, а ему давалось право заводить своихъ тіуновъ, должностныхъ лицъ и учреждать тѣ или другіе порядки по управленію. Послѣ же этого изъ содержанія ярлыковъ мы видимъ, что втеченіе удѣльнаго періода и въ особенности въ то время, когда владычество было сильно, духовное вѣдомство составляло самостоятельное особенное учрежденіе. Это было какъ бы отдѣльное государство въ государствѣ, потому что духовная власть имѣла всѣ свои свѣтскія учрежденія, имѣла всѣхъ своихъ служилыхъ людей, имѣла особенныя средства финансовыя, находилась въ болѣе благопріятныхъ отношеніяхъ съ ханами, нежели князья. Сверхъ того упоминаются въ ярлыкахъ наказанія за нѣкоторыя

общія преступленія: напримѣръ за душегубство, за насиліе, за грабежъ и разбой. Болѣе замѣчательны постановленія о томъ, какимъ образомъ производить судъ когда дѣло касается лица, живущаго на княжеской землѣ, и лица, живущаго на землѣ церковной. Если были подобные случаи, то назначался судъ общій изъ княжескихъ тіуновъ и тіуновъ церковныхъ. Съ той и съ другой стороны было равное число судей; этотъ-то судъ совмѣстно и долженъ былъ разбирать дѣло. При этомъ каждый подвергался тому дѣйствію законовъ, которые имѣли силу или на основаніи княжескихъ грамотъ, или на основаніи церковныхъ постановленій. Отношенія опредѣленныя ханскимъ ярлыкомъ касательно церкви и духовенства, удерживались однако до тѣхъ поръ, пока власть князей была слаба и пока они не могли пріобрѣсть болѣе благопріятныхъ отношеній къ хану. Лишь только ихъ они пріобрѣли, разумѣется, льготы духовенства должны были потерпѣть различныя перемѣны. На первый разъ это выразилось въ томъ, что князья уговорились вмѣсто дани платить опредѣленные сборы и стараются пополнить ущербъ или недостатокъ въ своихъ финансахъ сборами съ церковныхъ земель. Такимъ образомъ къ концу удѣльнаго періода являются уже грамоты князя, имѣющія содержаніемъ то, что и съ земель церковныхъ, монастырскихъ слѣдуетъ взыскивать дань и, что въ особенности замѣчательно требуется взысканіе дани для уплаты въ орду. Такимъ образомъ является прямая противоположность тому, что было выговорено сначала въ ярлыкахъ. Въ одной грамотѣ мы встрѣчаемъ опредѣленія, что великій князь обязуется брать дань съ духовныхъ земель по особеннымъ оброчнымъ грамотамъ и брать только тогда, когда и въ княжескихъ земляхъ придется собирать дань татарамъ. Такимъ образомъ мы видимъ условіе, обѣщаніе собирать дань и съ церковныхъ имуществъ, но собирать только въ орду, а никакъ не въ пользу княжеской казны, и затѣмъ только то собирать, что собирается и въ княжескихъ земляхъ и собирать не постоянно, а какъ случится собирать ордынскую дань. Содержаніе этого опредѣленія уже прямо показываетъ, что дань не признавалась за по-

стоянное обязательство, а подобное условіе выговаривалось на случай перемѣны обстоятельствъ—когда дѣйствительно нужно было заплатить дань въ орду. Въ этихъ же послѣдующихъ грамотахъ опредѣляются и нѣкоторыя пошлины, которыя въ видахъ льготъ установливаются князьями не для всѣхъ, а только для нѣкоторыхъ людей. Такъ, напримѣръ, великіе князья московскіе освобождаютъ церковныхъ людей въ своихъ владѣніяхъ отъ всѣхъ пошлинъ торговыхъ, затѣмъ даютъ имъ право свободнаго проѣзда чрезъ свои владѣнія. Въ этихъ же грамотахъ встрѣчаются постановленія касательно общаго или смѣстнаго суда въ самихъ владѣніяхъ княжескихъ, и наконецъ въ этихъ грамотахъ содержатся общія обѣщанія, какъ со стороны князя, такъ и со стороны митрополитовъ, содѣйствовать общимъ интересамъ въ ордѣ. Такимъ образомъ ханскіе ярлыки мы должны разсматривать въ связи и съ послѣдующими законами, именно съ тѣми грамотами, которыми сами князья старались опредѣлить свои отношенія къ церковнымъ владѣніямъ. Изъ этого мы можемъ вывести то общее заключеніе, что сначала духовенство занимало первенствующее положеніе и было какъ бы посредствующимъ въ переговорахъ съ ханомъ. Затѣмъ роли перемѣняются. Князья получаютъ свою самостоятельность даже тогда, когда обязанность дани еще не прекращается. Съ установленіемъ этого положенія князья обращаютъ вниманіе на преимущества, которыми пользуется духовенство, и въ концѣ начинаютъ опредѣлять сами права духовенства и берутъ ту роль, которая принадлежала хану. Какъ прежде ханъ раздавалъ милости, такъ князья сами начинаютъ давать льготы, но при этомъ не забываютъ того, что церковныя земли должны служить государству точно также, какъ и всѣ княжескія. Начинается нѣкоторое уравненіе въ положеніи тѣхъ и другихъ земель. Это есть первая причина, изъ которой развиваются далѣе ограниченія и запрещенія пріобрѣтать церкви и монастырямъ недвижимыя имущества.

XXVI ЛЕКЦІЯ.

Послѣ владычества монгольскаго наступаетъ въ Россіи періодъ единодержавія въ лицѣ великаго князя Іоанна Васильевича. Съ этимъ важнымъ событіемъ связана и послѣдующая перемѣна въ самомъ внутреннемъ устройствѣ московскаго государства, къ объясненію котораго мы теперь и обращаемся. Администрація получаетъ болѣе опредѣленныя формы, болѣе единства вслѣдствіе того обстоятельства, что, вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ княженій, образуется единая власть великаго князя московскаго. Москва дѣлается центромъ, откуда идутъ всѣ велѣнія, всѣ распоряженія по управленію государствомъ и куда поступаютъ всѣ отчеты, всѣ донесенія по управленію изъ отдаленныхъ областей или частей. Перемѣна значительная. Бывшія княжества дѣлаются простыми областями, зависимыми отъ Москвы во всѣхъ отношеніяхъ и въ порядкѣ управленія, и въ порядкѣ суда, и въ порядкѣ финансовомъ, и въ общемъ порядкѣ полицейскомъ. Эти обстоятельства производятъ для областей единство и однообразіе, потому что уничтожаютъ всѣ особенности мѣстнаго управленія; съ другой стороны производится единство въ самомъ законодательствѣ, хотя не вдругъ и сразу. Съ уничтоженіемъ самостоятельности отдѣльныхъ княжествъ всѣ особенныя мѣстныя грамоты, уставы, должны были или совершенно потерять свое значеніе, или сохранить его только до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ общій законъ для всего московскаго государства. Такой общій законъ дѣйствительно и вышелъ подъ именемъ судебника великаго князя Іоанна Васильевича. Съ другой стороны, въ самой Москвѣ возникаютъ (*) особенныя высшія учрежденія, потому что отъ значительнаго прилива и накопленія дѣлъ по управленію всею Россіею, вмѣсто прежняго управленія одними дѣлами московскаго княженія, возникаетъ необходимость установленія особенныхъ органовъ, особенныхъ учрежденій. Сначала эти московскія учрежденія не имѣютъ ничего въ себѣ опредѣленнаго и однообразнаго. Они какъ бы устраиваются безъ всякаго

(*) Первоначально подъ именемъ *четей* или *четвертей*, въ послѣдствіи подъ именемъ приказовъ.

плана, фактически. Присоединенное какое либо княжество къ великому княжеству московскому становится простою областью, и для управленія ею учреждается въ Москвѣ особый приказъ. Эти центральныя учрежденія, возникающія въ Москвѣ, носятъ общее названіе *приказовъ*. Самое названіе ихъ показываетъ ихъ происхожденіе. Первоначально приказъ состоялъ изъ бояръ, которымъ великій князь поручалъ вѣдать дѣла извѣстной области. Извѣстная область отдавалась по приказу, т. е. по порученію князя въ постоянное завѣдываніе какого либо боярина. Онъ иногда самъ не могъ управиться съ многочисленными дѣлами, и ему давали въ помощь товарища и нѣсколькихъ дьяковъ. Увеличивалась область присоединеніемъ какой либо части, увеличивался и приказъ: прибавляли дьяковъ, а бояринъ оставался во главѣ приказа. Но затѣмъ мало по малу приказы дѣлаются болѣе правильными по своему устройству, потому что для всѣхъ областей является необходимость однородныхъ дѣлъ. Тогда перемѣняется порядокъ учрежденія приказовъ. Въ Москвѣ является одинъ приказъ для всѣхъ областей государства, но только по извѣстному роду дѣлъ. Эти перемѣны въ устройствѣ приказовъ не останавливаются на этомъ, а идутъ еще далѣе. Иногда дѣла изъ одного приказа передаютъ въ другой; иногда соединяютъ два, три приказа въ одно родное учрежденіе. Исторія, такимъ образомъ, этихъ центральныхъ московскихъ установленій представляетъ собою постепенный длинный рядъ попытокъ различныхъ ихъ преобразованій. Важнѣйшими изъ этихъ приказовъ, число которыхъ умножается къ XVII вѣку, были приказы: посольскій, затѣмъ приказъ подъ названіемъ разряда, приказъ помѣстный и приказы большаго дворца, большаго прихода и многіе другіе. Выше этихъ приказовъ, значеніе которыхъ мы разсмотримъ отдѣльно, является въ Москвѣ государева боярская дума, въ которой присутствуетъ самъ государь великій князь. Значеніе этой думы напоминаетъ нѣсколько прежній старинный совѣтъ дружины при князьяхъ въ предшествовавшее время, но только съ совершенно другимъ характеромъ. Прежніе дружинники разсматривались, какъ сотоварищи князя, какъ его сподвижники. Чѣмъ

далѣе, тѣмъ значеніе это болѣе прекращается, тѣмъ болѣе развивается значеніе ихъ, какъ слугъ княжескихъ. Но служба князю, какъ мы имѣли случай подробно убѣдиться, зависѣла много отъ выбора, отъ желанія самаго служащаго лица. Иной бояринъ и не дорожилъ службой того или другаго князя и имѣлъ право перейти къ другому князю. При такомъ характерѣ службы въ прежнее время конечно и приближенные лица къ князю не имѣли еще такого значенія, которое должно было развиться въ послѣдующее время, когда надъ всею землею русскою сталъ одинъ государь великій князь и когда служба сдѣлалась уже прямымъ долгомъ, тѣсно связаннымъ съ самымъ значеніемъ подданства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ боярской думѣ присутствуетъ самъ государь и великій князь съ боярами. Но эти высшіе бояре суть ничто иное, какъ подданные государя, какъ ближайшіе его слуги. Значеніе служебныхъ отношеній и обязанностей, такимъ образомъ, дѣлается болѣе строгимъ и болѣе серьознымъ. Эта-то государева боярская дума и разсматриваетъ всѣ важнѣйшія дѣла касающіяся государства. Что укажетъ и прикажетъ государь и великій князь, о томъ только бояре и разсуждаютъ, и что бы ни приговорили бояре, если государь и великій князь не утвердитъ, то неимѣетъ никакого значенія. Въ продолженіи всего періода московскаго государства мы видимъ боярскую думу, какъ самое высшее и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшее государственное учрежденіе. Отъ нее зависятъ всѣ дѣла, какъ по внутреннему управленію, такъ и важнѣйшія дѣла внѣшнія, такъ, напримѣръ, посольскіе переговоры, хотя для каждаго рода дѣлъ образуется особое учрежденіе въ видѣ приказа, но направляющее и руководящее такимъ образомъ начало для веденія дѣлъ государства сосредоточивается въ боярской думѣ. Въ боярскую думу государь назначаетъ только самыхъ высшихъ бояръ, наиболѣе извѣстныхъ своими личными заслугами. Въ составѣ боярской думы по назначенію государя, могутъ быть и нѣкоторыя высшія духовныя лица. Впослѣдствіе времени мы видимъ даже, что въ боярскую думу приглашаются нѣкоторые выборные изъ городовъ. Та-

кимъ образомъ неправильно было бы смотрѣть и понимать боярскую думу въ ея только одномъ буквальномъ названіи *боярской* думы. Неправильно было бы понимать, что въ составѣ этого высшаго учрежденія было только дворянство;—напротивъ того—мы видимъ тамъ духовенство и выборныхъ отъ городовъ. Слѣдовательно, боярская дума совершенно отличается и по своему значенію отъ прежняго дружиннаго совѣта при князѣ, и отъ предшествующихъ ей особенныхъ боярскихъ совѣтовъ при каждомъ отдѣльномъ удѣльномъ князѣ. Изъ числа отдѣльныхъ учрежденій, которыя намъ предстоитъ разсмотрѣть теперь, мы остановимся прежде всего на посольскомъ приказѣ. Значеніе этого учрежденія весьма важно въ особенности съ того момента, съ той эпохи, когда утвердилось въ Россіи единодержавіе. Съ утвержденіемъ единодержавія въ лицѣ Іоанна III-го совпадало вмѣстѣ съ тѣмъ и другое важное обстоятельство: совершенное уничтоженіе монгольскаго владычества, даже уничтоженіе номинальной зависимости, а слѣдовательно, великое княжество московское, какъ отдѣльное государство, должно было вступить въ нѣкоторыя прямыя отношенія къ другимъ. Россія, до времени Іоанна III-го, чуждалась всякаго сближенія съ другими государствами. На это были понятныя причины: занятая внутреннею борьбою, безконечными спорами за удѣльныя княжества, съ другой стороны—тяготѣвшее владычество и заботы объ устраненіи этой тяжкой зависимости—все это отвлекало Русь даже отъ мысли сближенія съ западными государствами, а тѣмъ болѣе отъ прямыхъ сношеній съ ними. И кто бы могъ вести эти прямыя сношенія? Но когда единодержавіе утвердилось, когда монгольское владычество окончательно было свергнуто, тогда настала пора подумать о нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ другими государствами. Прежде всего являются торговые интересы поводомъ къ этому. Иностранные торговцы давно уже знали Русь и посѣщали ее съ самыхъ древнихъ временъ. Новгородъ, Псковъ и различные другіе города вступали уже въ прочные переговоры и сношенія съ иностранцами по торговлѣ. Слѣдовательно, тѣмъ болѣе теперь могли возобновиться и упрочиться эти от-

ношенія. Но для того, чтобы ихъ упрочить, для того, чтобы сблизить себя съ другими государствами, нужно было заручиться извѣстною формою дружелюбія и мира, который соблюдался вообще между государствами. Нужно было принимать посольства и нужно было отправлять свои посольства. Прежде всего являются посольства къ намъ изъ другихъ государствъ. Назначеніе ихъ ограничивается исключительно торговыми интересами. Въ этихъ интересахъ нуждались не мы, а иностранцы; слѣдовательно, на прибывшія къ намъ посольства мы могли бы и не отвѣчать, но сознаніе того, что государственные интересы требуютъ сближенія съ другими государствами, а не отчужденнаго положенія, заставляютъ московское правительство отвѣчать имъ. Это сознаніе является еще и въ 15 вѣкѣ. Такимъ образомъ характеръ нашихъ прежнихъ посольствъ, которыя мы отправляемъ при Іоаннѣ третьемъ и при послѣдующихъ царяхъ, этотъ первоначальный характеръ посольствъ въ высшей степени замѣчателенъ. Не имѣя сами какой либо цѣли заискивать или ограждать какіе либо интересы свои, мы отправляемъ наши древнія посольства единственно только въ формѣ вѣжливости, въ формѣ отвѣта на ту честь, которую намъ сдѣлали другія государства. Таковъ характеръ первоначальнаго посольства. Отсюда нечего удивляться тому, что самою важною заботою въ первоначальное время сношеній было у нашихъ бояръ и служилыхъ людей не искусство вести дипломатическіе переговоры, а стараніе соблюдать извѣстныя формы—какъ принять пословъ, какъ ихъ чествовать, т. е. почитать, какъ съ ними вести переговоры и какъ ихъ провожать съ подобающей честью. Наши первыя посольства были ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ того, что дѣлали иностранные послы у насъ и наши посольства отправлялись вслѣдъ за прибывшими послами, какъ бы для сопровожденія ихъ. Мы такъ мало знали другія государства, что въ первыхъ инструкціяхъ нашимъ посламъ, которыя сохранились до нашего времени, въ этихъ инструкціяхъ мы видимъ, что посламъ вмѣнялось въ обязанность смотрѣть и замѣчать все въ тѣхъ странахъ, чрезъ которыя они бу-

дутъ проѣзжать, все записывать, все наблюдать; узнавать какъ и что дѣлается съ послами, какъ ихъ гдѣ принимаютъ, чествуютъ, какія рѣчи имъ говорятъ. Такимъ образомъ формальная, внѣшняя сторона играла первую роль. Затѣмъ уже мало по малу характеръ посольствъ значительно перемѣняется. Мы также стараемся объ огражденіи нашихъ торговыхъ интересовъ. Для всего этого былъ учрежденъ *посольскій приказъ*. Онъ долженъ былъ знать и вѣдать всѣ эти формы приличія, всѣ эти обряды церемоніальные, съ которыми нужно было принимать и отправлять пословъ. Посольскій приказъ завѣдывалъ, такимъ образомъ, дѣлами по сношенію съ иностранными государствами. Главная забота его заключалась въ пріемѣ посла. Онъ долженъ былъ вѣдать такихъ бояръ, которыхъ можно бы было послать послами въ другія страны. Такъ какъ пріемъ иностранныхъ пословъ и особенно чествованіе ихъ совершалось съ неограниченнымъ великолѣпіемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ сами иностранцы, посѣщавшіе Русь, такъ какъ каждое посольство обходилось слишкомъ дорого, то для удовлетворенія этихъ расходовъ посольскаго приказа къ нему были приписаны цѣлыя области, доходы и сборъ съ которыхъ назначались только исключительно на расходы по содержанію иностранныхъ пословъ. Явленіе замѣчательное въ томъ отношеніи, что значительная статья расходовъ идетъ на такое учрежденіе, которое въ сущности не соотвѣтствовало еще тогдашнимъ потребностямъ государства, потому что московское государство еще слишкомъ мало нуждалось въ огражденіи своихъ интересовъ отъ прочихъ государствъ, и что напротивъ иностранныя государства дорожили торговыми сношеніями съ Россіей. Они закупали и вывозили различные товары на значительную сумму. Мы же сами отъ себя не вывозили въ иностранныя государства никакихъ товаровъ;—вся торговля была въ рукахъ иностранцевъ, а между тѣмъ для устройства торговыхъ посольствъ назначаются цѣлыя области и весь доходъ съ нихъ затрачивается на пріемъ и содержаніе иностранныхъ пословъ. За то этотъ пріемъ былъ до того щедръ, роскошенъ и расточителенъ, что о немъ отзы-

ваются иностранцы съ удивленіемъ. Точно такимъ же образомъ наши послы отправлялись съ значительною свитою бояръ и молодыхъ дворянъ въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, съ огромными и значительными по своей цѣнности подарками, съ замѣчательною щедростью и расточительностью суммъ, назначенныхъ для ихъ содержанія для того только, чтобы показать, какъ богато московское государство и какъ можетъ оно содержать и отправлять своихъ пословъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи внѣшняя, наружная сторона была на первомъ планѣ, а внутреннее содержаніе далеко отступало отъ этого. Посольскому приказу были приписаны кромѣ областей и нѣкоторые города, съ тою же самою обязанностью, чтобы доходы, получаемые съ нихъ, обращать на содержаніе и расходы посольскаго приказа. Въ посольскомъ приказѣ кромѣ боярина и его товарища, былъ думный дьякъ, а впослѣдствіи печатникъ, т. е. хранитель государственной печати. Кромѣ думнаго дьяка было до 30 обыкновенныхъ дьяковъ, наиболѣе образованныхъ и свѣдущихъ въ дѣлахъ, которые должны были знать, какъ написать посольскія грамоты, какъ написать инструкціи для порученія нашимъ посламъ, и вообще которые должны были завѣдывать письменными сношеніями. Памятники этихъ сношеній указываютъ намъ подробно на давность посольскаго приказа. Пріѣздъ иностраннаго посольства былъ дѣломъ великимъ для тогдашняго времени. Лишь только посолъ прибывалъ на границу, пограничный намѣстникъ или воевода долженъ былъ дать знать тотчасъ въ Москву государю, а между тѣмъ долженъ былъ задержать прибывшаго и его свиту въ пограничномъ городѣ. Здѣсь онъ долженъ былъ его чествовать и объявить послу, что далѣе онъ пустить его не можетъ, пока не получитъ изъ Москвы разрѣшенія отъ государя царя, великаго князя. Между тѣмъ въ Москвѣ дѣлались распоряженія о томъ, какъ принять его и какіе съ нимъ вести переговоры; пограничному воеводѣ поручалось развѣдать, т. е. собрать свѣдѣнія, откуда ѣдетъ посолъ, отъ какого государя и изъ какой земли, велика-ли та земля и государство, для какихъ дѣлъ ѣдетъ посолъ, сколько

пословъ, какъ велика ихъ свита, и о всемъ томъ отписать въ Москву въ посольскій приказъ. Когда дѣлалось извѣстнымъ откуда посолъ пріѣхалъ и зачѣмъ, тогда давалось предписаніе изъ Москвы сопровождать посла въ дальнѣйшій путь, но не вдругъ, а постепенно, останавливаясь въ извѣстныхъ городахъ, дѣлать различныя пиршества и угощенія, показывать иностранному послу русское войско, показывать всѣхъ служилыхъ людей, заботиться о томъ, чтобы при этомъ, всѣ дворяне, бояре и другіе выѣзжали на лучшихъ коняхъ, въ лучшей одеждѣ, съ болѣе цѣннымъ оружіемъ, показывать какъ можно болѣе войска для того чтобъ внушить иностранному послу понятіе о томъ, какъ велика и сильна рать, т. е. войско московскаго государства. Наконецъ посолъ прибывалъ въ Москву, здѣсь дѣлали ему торжественную встрѣчу, помѣщали его въ заранѣе приготовленныя помѣщенія, назначали непремѣнно къ послу и ко всѣмъ людямъ его свиты почетную стражу, потому что все, что дѣлалъ посолъ и свита его,—все должно быть извѣстно посольскому приказу. Въ этихъ распоряженіяхъ таилась вмѣстѣ и та мысль, что, подъ видомъ иностраннаго посла, нѣтъ-ли, какъ выражается законъ тогдашняго времени, какого-либо соглядатая, т. е. лица, которое могло бы нарочно сообщить въ другія государства какія-либо вредныя свѣдѣнія для московскаго государства. Въ назначенный день къ иностраннымъ посламъ отправлялись бояре и лица, назначенныя для первоначальнаго объявленія посламъ царскаго слова, царской милости. Прибывшіе бояре должны были объявить иностраннымъ посламъ, что царь и великій князь жалуетъ ихъ такими-то подарками и вмѣстѣ съ тѣмъ вручали имъ подарки. Обыкновенно это были драгоцѣнные мѣха, кубки изъ золота и серебра и различныя другія цѣнныя вещи. Затѣмъ бояре объявляли, что царь и великій князь, жалуетъ иностранныхъ пословъ и въ назначенный день приметъ ихъ въ свои палаты. Такимъ образомъ назначался день для самаго пріема иностранныхъ пословъ. Этотъ день былъ днемъ общаго торжества и празднества. Въ улицахъ, по которымъ

нужно было вести посла, должны были стоять лучшія войска, лучшіе люди города и затѣмъ въ палатахъ послы должны были переговорить съ боярами послѣ чего ихъ уже вводили въ большую палату и давали имъ аудіенцію съ государемъ. Для переговоровъ съ послами назначалось столько бояръ, сколько было пословъ и людей въ свитѣ. Иностранныхъ пословъ сажали за столъ, противъ нихъ садились бояре, назначенные для переговоровъ съ ними. Такимъ образомъ послы первоначально объясняли боярамъ цѣль своего прибытія, говорили что у нихъ есть грамоты своего государя и что они желаютъ имѣть дружбу и міръ съ Россіей и продолженіе торговыхъ сношеній; наконецъ производилась и аудіенція. Послы вручали грамоты, которыя они привозили царю; царь отвѣчалъ, что онъ разсмотритъ грамоты и поручитъ своимъ боярамъ составить на ихъ отвѣтъ и затѣмъ отправлялъ пословъ домой. Снова надѣляли ихъ щедрыми подарками. Послѣ этого послы, время отъ времени, пріѣзжали къ боярамъ для окончательныхъ переговоровъ. Такимъ образомъ цѣль посольства оканчивалась. Затѣмъ послы уѣзжали. Имъ вручались грамоты и вмѣстѣ съ тѣмъ отправлялось наше посольство въ иностранныя государства. Вотъ дѣятельность посольскихъ приказовъ, на сколько она извѣстна изъ памятниковъ (*). Другое учрежденіе въ ряду приказовъ, имѣвшихъ наиболѣе важное значеніе, именовалось *разрядомъ*. Разрядъ или разрядный приказъ завѣдывалъ всѣми дѣлами по службѣ. Эти дѣла были весьма обширны. Нужно было устроить вообще служилыхъ людей Московскаго государства. Нужно было всякаго надѣлить помѣстьемъ, нужно было помнить службу каждаго служилаго человѣка, а нужно было это помнить потому, что на этихъ воспоминаніяхъ о родовыхъ заслугахъ основывалось мѣстничество, которое укоренилось сначала, какъ обычай, а потомъ перешло въ законъ. Мѣстничество имѣетъ свое старинное и глубокое основаніе еще въ періодъ удѣльный. Вообще оно имѣло значеніе того обыкновенія въ народѣ, что потомки лица служилаго должны пользоваться преимуществами

(*) См. Памятникъ Дипломатическихъ сношеній Россіи.

сообразно заслугамъ своихъ предковъ, что слѣдовательно каждый служащій долженъ пользоваться прежде всего служебными преимуществами и не по личнымъ качествамъ, а въ силу родовыхъ заслугъ предковъ. Этотъ обычай усилился потому, что бояре и дворяне переходили со службы одного князя къ другому. Каждый переходилъ конечно на лучшее положеніе, слѣдовательно съ каждымъ переходомъ соединялось извѣстное повышеніе, извѣстный почетъ. Но затѣмъ, когда удѣлы вошли въ составъ великаго княжества Московскаго, этотъ почетъ за прежнія заслуги удѣльнымъ князьямъ разумѣется сталъ меньше, нежели почетъ за заслуги московскимъ князьямъ. Такъ какъ московское государство сдѣлалось центромъ всего, то и все московское сдѣлалось выше всего областнаго. Эти отношенія преимуществъ предковъ нужно было помнить и потому разрядъ завѣдывалъ особенными книгами подъ названіемъ разрядныхъ книгъ, въ которыхъ записывались всѣ перемѣны служебныхъ отношеній.

XXVII ЛЕКЦІЯ.

Разрядный приказъ завѣдывалъ всѣми дѣлами служебными, а такъ какъ служба была доступна въ это время только дворянамъ и боярамъ, то понятно, что разрядъ былъ учрежденіемъ, завѣдывавшимъ всѣмъ высшимъ сословіемъ тогдашняго времени. Дѣятельность приказа клонилась къ тому, чтобы знать всѣ служебные элементы въ составѣ боярства и дворянства, отмѣчать всѣ должности которые отправляли бояре и дворяне, слѣдить за правильнымъ отправленіемъ ихъ обязанностей и на основаніи родовыхъ заслугъ распредѣлять между потомками бояръ и дворянъ различныя степени служебныхъ званій. Для отмѣтки служебныхъ отличій, для записки тѣхъ званій, степеней и должностей, которыя занимали бояре и дворяне, Разрядъ велъ особыя книги, которыя назывались разрядными; въ нихъ

каждый бояринъ, или дворянинъ, записывался въ той или другой статьѣ, смотря по степени почетности своихъ родовыхъ заслугъ. На основаніи этихъ-то книгъ разрѣшались различные споры о мѣстническихъ притязаніяхъ, когда бояринъ назначался на какую-либо должность, которую онъ считалъ для себя несовмѣстною съ его родовыми правами. Кромѣ дѣлъ мѣстническихъ и служебныхъ, разрядъ завѣдывалъ цѣлыми областями и городами, которые были приписаны къ этому приказу. Эти приписанные города должны были доставлять всѣ доходы въ разрядъ. Изъ этихъ доходовъ выдавалось государево денежное жалованье, кому какое назначитъ государь по его службѣ. Хотя общій видъ вознагражденія заслугъ составляли въ это время помѣстья и помѣстные оклады, однако же были случаи вознагражденія заслугъ и денежнымъ жалованіемъ. Для этого были приписаны къ разряду особенные города и цѣлыя области, а такъ какъ наибольшій доходъ могли приносить города пограничные, гдѣ была болѣе значительная торговля, то всѣ пограничные города и нѣкоторыя крѣпости зависѣли отъ разряда. Затѣмъ въ числѣ приказовъ упоминается *помѣстный приказъ*. Онъ завѣдывалъ всѣми дѣлами, касавшимися не только до надѣла помѣстьями, но и до земель вотчинныхъ. Вообще онъ завѣдывалъ всякимъ родомъ дѣлъ, касавшихся поземельнаго имущества. Для этого въ приказѣ были особенныя книги или списки въ которыхъ обозначалось сколько за какимъ владѣльцемъ—преимущественно за боярами и дворянами—числится помѣстныхъ окладовъ. Эти книги назывались книгами *даточными*, иногда называютъ ихъ *дачными* книгами, потому что самое помѣстье разсматривалось, какъ извѣстная дача или выдача за службу. Кромѣ этихъ книгъ, въ которыхъ записывалось количество помѣстныхъ окладовъ, имѣлись еще другія книги—книги *писцовыя*, въ которыхъ записывались границы поземельнаго владѣнія съ подробнымъ исчисленіемъ всего того, что находится на землѣ, какъ то: рѣкъ, озеръ, лѣса и т. п. Это были описанія собственно межеваго характера т. е. описанія пограничныя. Для составленія подобныхъ описаній посылались особен-

ныя лица, которыя назывались писцами, дозорщиками. Это было то, что нынѣ называютъ землемѣрами. Они должны были измѣрять объемъ поземельнаго владѣнія, должны были описать точно признаки границъ, упомянуть сосѣднія владѣнія и затѣмъ сдѣлать раскладку сборовъ и повинностей по существовавшему тогда распредѣленію, намъ уже извѣстному, т. е. по сохамъ, четвертямъ и другимъ общимъ поземельнымъ мѣрамъ. Писцовыя книги отличались отъ книгъ дозорныхъ точно такъ, какъ писцы отличались отъ дозорщиковъ; въ сущности это были одни и тѣ-же лица, посылаемыя для описанія земель, однако-же съ слѣдующимъ различіемъ: дозорщики посылались въ такія мѣстности, жители которыхъ просили царя, что они по какимъ нибудь обстоятельствамъ—вслѣдствіе войны, голода, неурожая и т. п.—потерпѣли въ своихъ доходахъ, въ своемъ имуществѣ, въ своемъ состояніи убытокъ и не могутъ уплачивать тѣхъ повинностей, какія могли въ хорошіе урожайные годы. Тогда, для изслѣдованія того, въ какой степени область или край разорены, посылались лица, которыя именовались дозорщиками. Они должны были составлять подробныя описанія земель, но кромѣ того должны были упомянуть—въ чемъ именно заключалось оскуденіе или разореніе этого рода. Помѣстный приказъ завѣдывалъ всѣми дѣлами области. Онъ хранилъ книги дозорныя, писцовыя, кромѣ того разрѣшалъ всѣ просьбы и жалобы, возникающія изъ раздачи помѣстныхъ окладовъ. Такихъ просьбъ и жалобъ было много. Возникали онѣ изъ того, что хотя законъ опредѣлялъ количество всей земли, сколько каждому лицу нужно было дать по его служебному званію,—однако же случалось такъ, что одно и то-же количество земли имѣло не одно и то-же значеніе по стоимости. Тогда возникали нескончаемыя жалобы, въ родѣ того, что другому давали столько то, по качествамъ земли лучше противъ той или другой; помѣстному приказу нужно было удовлетворить эти жалобы, и для этого онъ отправлялъ снова писцовъ, дозорщиковъ, окладчиковъ и другихъ должностныхъ лицъ, которыя должны на мѣстѣ повѣрить—основательны-ли жалобы и есть-ли

возможность удовлетворить эти жалобы. Для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ имѣлось одно только средство—прибавить къ выданному количеству земли еще излишнее количество противъ оклада, и этою прибавкою удовлетворялась жалоба на нехорошее качество земли. Отсюда являются новыя книги — книги *окладныя* или *переписи*, на основаніи которыхъ служащему лицу отдѣлялось большее количество земли въ виду того, что земля дурнаго качества. Такихъ жалобъ было такъ много, что образовалась извѣстная система правилъ, т. е. сколько на извѣстное количество четвертей земли худого или средняго достоинства нужно было прирѣзать излишка, и самый прирѣзъ или прибавка получили техническое наименованіе одабриванія земли. Всей этой дѣятельностью завѣдывалъ приказъ помѣстный и отъ него же зависѣла выдача жалованныхъ грамотъ на вотчины или земли, которыя царь жаловалъ въ полное владѣніе какому нибудь лицу не на правѣ помѣстномъ, а на правѣ полной собственности. Мало по малу въ этомъ же приказѣ сосредоточились дѣла о поземельномъ владѣніи частныхъ лицъ, такъ что онъ сдѣлался высшимъ судебнымъ мѣстомъ по спорамъ о поземельномъ владѣніи. Если два лица спорили о землѣ и вообще о недвижимомъ имуществѣ, то споръ подобнаго рода разрѣшался въ помѣстномъ приказѣ поразличнымъ книгамъ, хранящимся въ немъ. Приказъ выдавалъ грамоты на право владѣнія тому лицу, за которымъ признавалъ подобное право. Отсюда въ нашихъ юридическихъ актахъ является много грамотъ вводныхъ, отказныхъ, межевыхъ. Вводными назывались такія, на основаніи которыхъ должностнымъ лицемъ отводилось извѣстное количество земли, при чемъ присутствовали постороннія лица; при нихъ читалась грамота, что такому то лицу выдавалась земля на вѣчное потомственное владѣніе, за такіе то его заслуги. Въ помѣстномъ приказѣ производились судъ и расправа по всѣмъ дѣламъ о поземельномъ владѣніи. Въ этомъ же приказѣ сосредоточивалось и завѣдываніе сборомъ различныхъ пошлинъ за раздачу актовъ или документовъ на право владѣнія. Пошлины эти носили наименованіе

печатныхъ, потому что къ грамотамъ прикладывалась печать. Если частныя лица продавали другъ другу свои вотчины, или производили промѣнъ, или если наслѣдники умершаго тягались или спорили о раздѣлѣ наслѣдственнаго имущества, то окончательное разрѣшеніе этихъ споровъ сосредоточивалось въ помѣстномъ приказѣ. Изъ всѣхъ родовъ дѣятельности помѣстнаго приказа выдѣлялся одинъ родъ, а именно выдача новыхъ помѣстныхъ окладовъ лицамъ вновь поступавшимъ на службу. Это дѣлалось такъ: когда сынъ помѣщика достигалъ того возраста, когда онъ могъ вступить на службу, тогда его верстали, т. е. назначали ему новый окладъ, по распоряженію помѣстнаго приказа. Это верстаніе новаго оклада производилось изъ соображенія того обстоятельства, остается ли отецъ еще на службѣ или по дряхлости и преклонности лѣтъ не можетъ исполнять государственную службу. Тогда отцовское помѣстье считалось за сыномъ. Но такъ какъ отецъ могъ занимать болѣе высокое положеніе, нежели сынъ, вновь поступившій на службу, то помѣстный приказъ и разрѣшалъ дать ли сыну полный помѣстный окладъ, или только часть его. По такому роду дѣятельности помѣстный приказъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ разряднымъ приказомъ. Главное управленіе помѣстнаго приказа ввѣрялось боярину съ товарищемъ, при которомъ находился дьякъ. О значительномъ числѣ дѣлъ, сосредоточившихся въ этомъ приказѣ, можно судить потому, что въ этомъ приказѣ было постоянно на службѣ болѣе 200 подъячихъ, завѣдывающихъ различными дѣлами. Затѣмъ упоминается *приказъ большого дворца*. Онъ завѣдывалъ всѣми дворцовыми имуществами. Кромѣ дворцовыхъ селъ и земель, отъ него зависѣли города съ прилежащими областями или уѣздами и со всѣми приписанными къ городамъ волостями. Болѣе 20 значительныхъ городовъ съ прилежащими уѣздами и селами зависѣли по управленію отъ этого приказа. Приказъ завѣдывалъ сборомъ доходовъ съ этихъ земель и также всѣми распоряженіями по дворцовой службѣ. Въ это время является уже различіе между службой государственной и службой дворцовой. Службою двор-

цовою завѣдывалъ приказъ большого дворца, а службою государственною—помѣстный и разрядный приказы. Кромѣ того отъ приказа большого дворца зависѣли нѣсколько подчиненныхъ ему приказовъ, которые назывались различно: такъ встрѣчается наименованіе *житный дворъ*, *сытный дворецъ*, *хлѣбный дворъ*, *кормовый дворъ*. Значеніе этихъ приказовъ видно изъ самаго ихъ названія. Такъ, нѣкоторые изъ этихъ приказовъ завѣдывали хозяйственною частью, содержаніемъ дворцовъ, управленіемъ нѣкоторыхъ ближайшихъ селъ. Другіе завѣдывали другими дѣлами по управленію дворца и дворцовыхъ селъ. Нѣкоторые же, напримѣръ. *житный дворъ* просто завѣдывалъ храненіемъ хлѣба, продажею его въ случаѣ излишка и другими торговыми оборотами по хлѣбной торговлѣ. Приказъ *Большой казны* долженъ былъ вѣдать всѣ драгоцѣнные вещи государева дворца, и изъ этого то приказа по государеву указу назначались различные подарки за службу государственную, а также подарки иностраннымъ посламъ; онъ вѣдалъ и дѣла торговыя. Затѣмъ приказъ *казанскаго дворца*; какъ самое названіе показываетъ, онъ былъ учрежденъ при покореніи казанскаго царства, и по прежнему обычаю московскихъ князей съ присоединеніемъ какой либо области всѣ дѣла по управленію этой области предоставлялись вѣдомству новаго учрежденія. Приказъ казанскаго дворца завѣдывалъ не только областью покореннаго казанскаго царства, но впослѣдствіи и областью астраханскаго царства. Однимъ словомъ, отъ этого приказа зависѣли всѣ области и города по Волгѣ лежащіе. Въ эти города казанскій приказъ назначалъ намѣстниковъ и другихъ должностныхъ лицъ, завѣдывалъ управленіемъ этихъ областей, собиралъ доходы и пересылалъ ихъ въ приказъ большого дворца. Дѣла совершенно разнороднаго свойства сосредоточивались въ этомъ приказѣ: и дѣла управленія, и дѣла суда, и дѣла финансовыя, и дѣла политическія. Примѣръ этого приказа характеризуетъ намъ значеніе этихъ учрежденій. Какъ мывидимъ, устройство ихъ не было одинаково: одни завѣдывали опредѣленнымъ родомъ дѣлъ, другіе завѣдывали всевоз-

можными дѣлами, относящимися къ извѣстной области, части государства. Большею частью однако же приказы завѣдывали и опредѣленнымъ родомъ дѣлъ, и опредѣленнымъ кругомъ или разрядомъ лицъ во всемъ государствѣ. Такъ, далѣе встрѣчаются *судные приказы* въ значеніи высшихъ судебныхъ управленій, въ Москвѣ находящихся. Эти приказы были высшею судебною инстанціею, куда поступали жалобы по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ изъ городовъ на рѣшенія намѣстниковъ, воеводъ и другихъ различныхъ низшихъ судебныхъ инстанцій тогдашняго времени. Кромѣ дѣлъ по гражданскимъ искамъ *судный приказъ* принималъ жалобы на судей, жалобы на пристрастіе ихъ въ случаѣ близкаго родства и т. п. *Судный приказъ* имѣлъ общее устройство подобно всѣмъ приказамъ. Имъ завѣдывалъ боярин съ товарищемъ, кромѣ того было значительное число дьяковъ и подъячихъ. Число дѣлъ въ этомъ приказѣ постепенно увеличивалось, такъ что впослѣдствіи образовалось нѣсколько судныхъ приказовъ (*). Затѣмъ упоминается *приказъ стрѣлецкій*. Время учрежденія его относятъ ко времени царя Іоанна Васильевича. Отъ этого приказа зависѣли всѣ стрѣльцы и устройство стрѣлецкаго войска. Устройство стрѣльцовъ составляло одну изъ важныхъ государственныхъ заботъ тогдашняго времени. Стрѣльцы были лучшимъ и отборнымъ войскомъ въ это время. Они пользовались особыми привилегіями, особыми преимуществами. Они имѣли полувоенное, полуторговое устройство, и совмѣщать съ этимъ особеннымъ устройствомъ интересы своей службы было не всегда удобно. Приказъ стрѣлецкій долженъ былъ завѣдывать всѣми этими дѣлами. Онъ велъ списки всѣхъ стрѣльцовъ, распредѣлялъ ихъ по городамъ, составлялъ изъ нихъ отряды, переводилъ лучшихъ изъ пограничныхъ городовъ въ Москву, затѣмъ распредѣлялъ между ними государево жалованье. Стрѣльцы пользовались правомъ торговли. Они могли имѣть особенныя лавки. Этотъ родъ ихъ занятій возбуждалъ различные споры, жалобы, притязанія по сторонних лицъ. Все это разрѣшалось въ стрѣлецкомъ приказѣ. Впослѣдствіе времени отъ стрѣлецкаго приказа зависѣли нѣкоторые пограничные города и обла-

(*) Владимірскій, Московскій, Рязанскій и др.

сти, которые были назначены преимущественно на содержаніе стрѣлецкаго войска. Начальникомъ этого приказа былъ бояринъ съ товарищемъ и затѣмъ общій составъ—дьяки и подъячіе. Далѣе, *приказъ иноземный*. Время его учрежденія относится къ царствованію Ѳеодора Іоанновича. Онъ завѣдывалъ также военными служащими изъ иностранцевъ. Съ этого времени начинаютъ появляться въ Москвѣ, на ряду съ стрѣльцами, нѣкоторые отряды, сформированные на образецъ иностранныхъ, хотя число ихъ было весьма незначительно. Иностранцы, приглашенные въ Россію въ военную службу, вѣдались по всѣмъ дѣламъ въ иноземномъ приказѣ. Затѣмъ: приказъ *пушкарскій*. Онъ встрѣчается въ первый разъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Онъ имѣлъ своею дѣятельностью завѣдываніе военными укрѣпленіями, въ особенности артиллерійскими, заботился о снабженіи тогдашней артиллеріи всѣми нужными матеріалами, порохомъ и т. д. Въ его завѣдываніе входили также оружейные, мѣдно-плавильные, а также селитряные и пороховые заводы. Впослѣдствіи на пушкарскій приказъ возложено было управленіе нѣкоторыми пограничными крѣпостями и забота объ ихъ укрѣпленіи. Устройство и появленіе такихъ новыхъ учрежденій, какъ приказы стрѣлецкій, иноземный и пушкарскій, показываютъ наглядно, что московское государство заботилось уже о прочномъ укрѣпленіи своихъ военныхъ силъ. Съ этою цѣлью оно укрѣпило не только пограничныя области и города, но перемѣнило и всю систему мѣстнаго управленія. Вмѣсто намѣстниковъ, волостелей и другихъ лицъ, оно ввело должность воеводъ и вотъ эти то воеводы (*) зависѣли главнымъ образомъ отъ упомянутыхъ приказовъ. Обязанные заботится о военной защитѣ, въ особенности, пограничныхъ городовъ, они получали отъ упомянутыхъ приказовъ все необходимое для выполненія своего назначенія. Понятно и то стремленіе, которое было послѣдствіемъ предшествующаго положенія Россіи, только что освободившейся отъ иноземнаго владычества и отъ внутреннихъ не-

(*) См. изслѣдованіе Профессора Андреевскаго „О Намѣстникахъ и Воеводахъ. Также соч. Профессора Чичерина на „Областныя учрежденія“, Профессора Градовскаго „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“ и др.

урядицъ. Нужно было позаботится о томъ, чтобы сосредоточить свои военныя силы на пограничныхъ пунктахъ и чтобы укрѣпить управленіе въ лицѣ воеводъ. Затѣмъ, въ числѣ приказовъ, весьма важное значеніе имѣетъ *земскій приказъ* или, какъ его иногда называютъ, *земскій дворъ*. Онъ завѣдывалъ всѣми полицейскими дѣлами самой Москвы, такъ что дѣятельность его главнымъ образомъ ограничивалась Москвою, и въ этомъ заключается характеристическое различіе этого учрежденія отъ прочихъ приказовъ. Заботою этого учрежденія была постройка и поправка различныхъ общественныхъ зданій, предохраненіе ихъ отъ пожаровъ, содержаніе въ чистотѣ улицъ, наблюденіе за тишиной и спокойствіемъ въ городѣ, устройство ночныхъ карауловъ, сборъ городскихъ податей и, какъ я уже сказалъ, вообще всѣ полицейскія дѣла города Москвы. Отъ него зависѣли старосты, сотскіе и тысяцкіе различныхъ концевъ Москвы, и эти-то лица исполняли порученія и приказанія приказа. Они доставляли ему всѣ свѣдѣнія о всѣхъ пришлыхъ людяхъ, ихъ занятіяхъ и представляли приказу иногда удалить или отдать на поруки такихъ лицъ, которыхъ приказъ не хотѣлъ допускать для постояннаго жительства въ Москвѣ. Въ земскомъ же приказѣ производилась расправа за различные проступки, за буйство, безпорядки; сюда же поступали жалобы частныхъ лицъ, домохозяевъ, старостъ, сотскихъ и др. Въ вѣдомствѣ этого приказа находились тогдашнія тюрьмы и остроги. Отъ этого приказа зависѣли различныя полицейскія учрежденія тогдашняго времени. Такъ, между прочимъ, онъ завѣдывалъ торговыми вѣсами и мѣрами, приказъ завѣдывалъ устройствомъ пожарныхъ командъ, кромѣ того онъ имѣлъ значеніе финансоваго учрежденія. Онъ собиралъ сборъ съ жителей и доставлялъ сборъ въ приказъ большаго дворца. Впослѣдствіи отъ земскихъ приказовъ зависѣли нѣкоторыя второстепенныя учрежденія, которыя носили также наименованіе приказовъ. Такъ, когда народонаселеніе Москвы слишкомъ увеличилось, когда постройка домовъ значительно умножилась, тогда, для завѣдыванія строительною частью въ Москвѣ, учрежденъ

былъ *каменный приказъ*, подчиненный земскому приказу. Затѣмъ встрѣчается въ ряду приказовъ, *ямской приказъ*. Само названіе показываетъ, что онъ завѣдывалъ ямской или почтовою гоньбою. Для этого нѣкоторыя села, находящіяся по главнымъ дорогамъ, были освобождаемы отъ обыкновенныхъ податей и платежа повинностей, но, взамѣнъ этого, должны были отправлять ямскую гоньбу, должны были возить государевыхъ людей и бояръ безплатно, а съ прочихъ собирали извѣстную плату. Затѣмъ: *приказъ холопій*, учрежденный при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ; приказъ этотъ завѣдывалъ всѣми дѣлами касательно несвободныхъ лицъ. Именно дѣятельность этого приказа заключалась въ томъ, что онъ дѣлалъ распоряженія о возвращеніи бѣглыхъ холопей ихъ господамъ, утверждалъ крѣпости, т. е. акты и документы, о продажѣ лицъ несвободныхъ, давалъ отпускныя, разбиралъ жалобы на неправильное удержаніе ихъ сверхъ срока или кабалы. Дѣлами уголовными завѣдывалъ *приказъ разбойный*. Онъ былъ также учрежденъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Въ немъ производился судъ по всѣмъ важнѣйшимъ преступленіямъ или, какъ выражается законъ этого времени, по татебнымъ и разбойнымъ дѣламъ. Когда преступники были пойманы съ поличнымъ или когда на повальномъ обыскѣ они не были одобрены, а названы людьми лихими, тогда ихъ или казнили на мѣстѣ или же, когда ихъ оговаривали въ болѣе значительныхъ преступленіяхъ, нежели обыкновенныя, то ихъ отсылали въ Москву. Здѣсь ихъ судили въ разбойномъ приказѣ. Въ зависимости отъ этого приказа находились всѣ губные старосты и жалобы на нихъ подавались на имя царя въ разбойномъ приказѣ. Устройство и содержаніе тюремъ и остроговъ на всемъ пространствѣ государства зависѣли также отъ разбойнаго приказа, кромѣ тюремъ и остроговъ московскихъ, которые зависѣли отъ земскаго двора. Впослѣдствіи, кромѣ этихъ приказовъ, является еще *приказъ большаго прихода*, дѣятельность котораго состояла въ сборѣ всѣхъ казенныхъ пошлинъ, въ сборѣ пошлинъ за право торговли во всѣхъ городахъ. Мало по малу приказъ этотъ сталъ завѣдывать доходами государствен-

ными отъ отдачи въ откупъ различныхъ промысловъ, такъ наприм. вина и др. Промыслы рыбные, винные и др. составляли оброчныя статьи т. е. доставляли ежегодныя опредѣленныя суммы, поступавшія въ царскую казну. Сюда же пересылали всѣ различныя пошлины изъ различныхъ приказовъ, въ особенности изъ суднаго и разбойнаго. Сюда же поступали остатки отъ расходовъ въ областяхъ и городахъ пограничныхъ и др., такъ что каждый приказъ остатокъ отъ произведенныхъ имъ расходовъ отсылалъ въ приказъ большаго прихода. Значеніе этого приказа замѣчательно потому, что до его учрежденія не было общаго установленія, которое завѣдывало бы финансовыми дѣлами, касавшимися всего государства. Затѣмъ встрѣчается приказъ подъ названіемъ *печатнаго приказа* также для сбора различныхъ пошлинъ за выдачу грамотъ и другихъ различныхъ судебныхъ актовъ. Затѣмъ встрѣчаемъ и различные другіе приказы подъ названіемъ новгородскаго, псковскаго, сибирскаго, рязанскаго и др. Эти приказы имѣли общее значеніе и устройство подобно другимъ, но завѣдывали опредѣленною областью. Значеніе приказовъ болѣе еще намъ понятно будетъ, если скажемъ, что они образовались не вдругъ, а въ различное время. Образованіе ихъ относится ко времени присоединенія перваго удѣльнаго княжества къ московскому княжеству. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія самаго государства, увеличивалось и число приказовъ.

ЛЕКЦІЯ XXVIII

Я упомянулъ, что начало приказовъ относится къ тому времени, когда къ московскому княженію присоединились всѣ прочія удѣльныя княжества. Самое присоединеніе и было причиною установленія особенныхъ центральныхъ высшихъ учрежденій, которыя должны были завѣдывать дѣлами по управленію отдѣльныхъ областей. Въ послѣдствіи уже въ періодъ царствованій послѣдовали и другія подобныя присоединенія, такъ по-

корено было царство Казанское, Астраханское и др. Для управленія этими новыми областями увеличивающагося государства учреждались новые приказы. Другая причина заключалась въ томъ, что администрація усовершенствовалась, явились новыя должностныя лица— вмѣсто прежнихъ намѣстниковъ явились воеводы, образовалась, какъ мы видѣли, весьма важная и значительная должность губныхъ старостъ, дѣла уголовныя были отдѣлены по управленію отъ дѣлъ гражданскихъ. Точно такимъ же образомъ стали отдѣляться и нѣкоторые другіе роды дѣлъ—напр. дѣла финансовыя. Такимъ образомъ внутреннее устройство управленія принимало все болѣе и болѣе правильный характеръ системы раздѣленія. При этихъ общихъ причинахъ установленія каждый приказъ имѣлъ еще свою особенную причину бытія — такъ приказъ разрядный, его учрежденіе тѣсно было связано съ государственною службою, съ перемѣнами, происходящими между сословіями. Эти перемѣны должны были невольно отразиться и въ устройствѣ другихъ приказовъ. Какія перемѣны происходили въ раздѣленіи поземельныхъ владѣній соотвѣтственно этимъ перемѣнамъ происходили перемѣны и въ устройствѣ помѣстного приказа. Тоже самое должно сказать и о всѣхъ другихъ приказахъ съ которыми мы встрѣтимся еще разъ. Эта тѣсная связь приказа съ особеннымъ какимъ либо родомъ дѣла и кругомъ лицъ производило то, что устройство приказовъ не было одинаково: одинъ завѣдывалъ всѣми дѣлами, другой напр. имѣлъ въ подчиненіи нѣсколько другихъ приказовъ, надъ которыми онъ былъ главнымъ, какъ-бы направляющимъ ихъ родъ дѣятельности. При неодинаковомъ устройствѣ приказовъ было еще и то различіе, что не всѣ мѣстныя воеводы и не всѣ части областнаго управленія зависѣли одинаковымъ образомъ отъ приказовъ. Такъ напр. одни воеводы имѣли больше полномочія отъ государя, нежели прочіе на основаніи особыхъ наказовъ. Эти причины доказываютъ, что устройство приказовъ въ московскомъ государствѣ имѣло свои существенные недостатки. Оно съ одной стороны удовлетворяло потребности для каждаго новаго рода дѣлъ имѣть особенное учрежденіе, съ другой сто-

роны оно имѣло недостатокъ въ томъ отношеніи, что устройство этихъ приказовъ было неодинаково; запутанность при устройствѣ, разныхъ приказовъ тѣмъ болѣе была замѣтна, что при этомъ не было еще общаго закона. Эти обстоятельства объясняютъ происхожденіе перваго судебника великаго кн. Іоанна Васильевича. Происхожденіе судебника относится къ 1497 г. Оно было весьма несложно. Царь приказалъ одному изъ дьяковъ своихъ Гусеву собрать всѣ прежнія судныя постановленія, уставныя и губныя грамоты, сличить ихъ между собою, выбрать изъ нихъ лучшее, остальное оставить и составить общій законъ для всего государства для порядка суда и расправы. Эта работа была выполнена, и появился судебникъ Іоанна III, который въ сущности не заключая какихъ-нибудь новыхъ началъ представлялъ однако же то важное удобство, что вмѣсто отдѣльныхъ грамотъ, имѣвшихъ силу закона, появился одинъ общій законъ для всего государства. Такимъ образомъ не столько внутреннимъ своимъ содержаніемъ, которое не было новымъ, сколько внѣшнимъ своимъ значеніемъ, судебникъ этотъ имѣлъ весьма важное послѣдствіе. Съ изданіемъ его въ 1497 г. судъ и расправа сдѣлались однообразны на всемъ пространствѣ государства. До этого же времени судъ и расправа были различны, смотря дѣйствовали ли въ области особыя грамоты въ родѣ псковской, двинской и др. или область не имѣла никакихъ особыхъ грамотъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ примѣнялась даже Русская Правда съ нѣкоторыми добавленіями къ ней. Содержаніе судебника Іоанна III относится главнымъ образомъ къ судоустройству и судопроизводству. Можно сказать, что весь судебникъ раздѣленъ въ этомъ смыслѣ на два главные отдѣла: одна часть опредѣляетъ устройство суда, другая опредѣляетъ форму и порядокъ суда. Кромѣ этого есть еще постановленія, относящіяся къ различнымъ предметамъ, а именно относящіяся до займовъ и договоровъ, до поземельнаго владѣнія, до перехода крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Эти постановленія наиболѣе значительны. Главная задача судебника заключалась такимъ образомъ въ сообщеніи всѣмъ судамъ опре-

дѣленной надлежащей формы и въ подчиненіи всѣхъ судовъ центральному московскому суду. Хотя судебникъ упоминаетъ о различныхъ судахъ, но всѣ они зависѣли отъ суда московскаго. Это было весьма важнымъ успѣхомъ, потому что это подготовляло и вырабатывало ту великую идею, что для всѣхъ жителей московскаго государства, кто бы и каковъ ни былъ— отъ боярина до простолюдина—судъ долженъ быть одинаковъ. Съ изданіемъ судебника должны были потерять свою силу нѣкоторыя привиллегированныя мѣста и лица, въ силу чего они прежде освобождались отъ зависимости общему суду или пользовались какими-нибудь особенными привиллегіями. Повторяю, судебникъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ прямо выразилъ собою ту великую истину, что для всѣхъ жителей московскаго государства судъ долженъ быть равенъ и одинаковъ. При этомъ значеніи внѣшнемъ внутреннее содержаніе судебника представляется весьма скуднымъ: онъ повторяетъ бо́льшею частію только то, что было постановлено Русскою Правдою и впослѣдствіи судными грамотами. Поэтому-то, не смотря на изданіе судебника Іоанна III, постановленія Русской Правды сохраняютъ свою силу и съ изданіемъ этого новаго Сборника законовъ, тѣмъ болѣе, что о нѣкоторыхъ предметахъ судебникъ совершенно умалчиваетъ, и они должны были опредѣляться на основаніи старыхъ законовъ. Что касается до видовъ суда, то судебникъ различаетъ судъ великокняжескій, куда восходятъ всѣ дѣла для окончательнаго ихъ рѣшенія въ случаѣ особенной ихъ важности. Затѣмъ различается судъ боярскій. Здѣсь разумѣется судъ бояръ въ Москвѣ и судъ въ приказѣ по порученію великаго князя. Затѣмъ упоминается судъ намѣстниковъ, волостелей и судъ святительскій. Послѣдній представляетъ собою отдѣльный и независимый судъ, которому подчиняются духовенство и лица духовнаго вѣдомства. Различіе первыхъ трехъ видовъ суда состояло въ составѣ самыхъ судовъ въ постепенной зависимости ихъ и въ количествѣ судныхъ пошлинъ. Такъ намѣстническій и волостельскій суды состояли изъ намѣстниковъ въ городахъ и изъ волостелей въ уѣздахъ. Кромѣ того на судахъ намѣстническомъ и волостель-

скомъ должны были находиться дворскій, особенное выборное лицо, земскій староста и избранные лучшіе люди, какъ представители народа; безъ всѣхъ этихъ лицъ ни намѣстникъ, ни волостель не могъ судить никакого дѣла. На судѣ находился также тіунъ,который производилъ первоначальное производство дѣла и докладывалъ судьѣ, а также дьякъ. Изъ этого мы видимъ, что Судебникъ взялъ для суда тоже самое устройство, какое было и въ судныхъ грамотахъ. Судебныя пошлины по судебнику различны: однѣ взимаются отъ иска, другія — отъ судебнаго поединка или поля, третьи отъ грамотъ правыхъ и отъ различныхъ безсудныхъ грамотъ и др. Что касается до боярскаго суда, то онъ состоитъ по судебнику изъ бояръ или окольничихъ и дьяка; представители же или выборные отъ земства тутъ тѣ же и все отличіе его отъ суда намѣстническаго въ томъ, что онъ выше его инстанціею. Пошлины количествомъ различны, хотя онѣ раздѣляются на тѣ же самые разряды, т. е. на пошлины съ иска, съ поля и съ различныхъ грамотъ. Наконецъ на судѣ великокняжескомъ судитъ самъ великій князь, или его сынъ, или бояринъ, назначаемый великимъ княземъ, въ его присутствіи. Такимъ образомъ этотъ послѣдній случай не нужно смѣшивать съ судомъ боярскимъ, потому что бояринъ судилъ въ присутствіи князя. Судебныя пошлины въ этомъ судѣ вообще такія же самыя, какъ и въ судѣ боярскомъ. Затѣмъ самый порядокъ суда по судебнику Іоанна III является схожимъ съ порядкомъ, существовавшимъ прежде. Я замѣтилъ уже прежде, что судебникъ по содержанію не представляетъ въ себѣ ничего новаго. Такъ въ судебникѣ упоминается, что судъ начинается по челобитью, затѣмъ, вслѣдствіе этого, производится вызовъ съ назначеніемъ сроковъ когда же тяжущіеся явятся и свидѣтели будутъ вызваны, то тіуны составляютъ докладные списки по дѣлу, въ чемъ имъ помогаютъ и дьяки. Во время же самаго распроса дьякъ записываетъ каждое слово, сказанное на судѣ и составляетъ судный списокъ. Затѣмъ, положивъ списки предъ судьею, дьякъ дожидаетъ рѣшенія судьи. Судья полагаетъ рѣшеніе на основаніи доказательствъ: актовъ,

присяги, свидѣтелей или поля. Дьякъ, на основаніи этого рѣшенія и суднаго списка, составляетъ правую грамоту. Кромѣ правыхъ грамотъ судъ выдаетъ грамоту безсудную, въ томъ случаѣ, когда пропущенъ срокъ или когда потеряно право иска на всегда, или когда кто-либо не явился въ судъ въ назначенное время. Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе порядка выдачи разныхъ грамотъ отъ суда—срочныхъ и отсрочныхъ. По дѣламъ уголовнымъ, судебникъ обращаетъ вниманіе на то совершено ли преступленіе въ 1 или 2 разъ и главнымъ образомъ основываетъ наказаніе на оговорѣ при повальномъ обыскѣ; другихъ отличій отъ прежняго поряда суда онъ не представляетъ. Болѣе замѣчательны постановленія, находящіяся въ судебникѣ, касающіяся займовъ и купли, поземельнаго владѣнія, въ особенности крестьянскаго перехода, или какъ онъ названъ въ судебникѣ, крестьянскаго отказа. Разсмотримъ значеніе этихъ постановленій судебника. Касательно договора о займѣ судебникъ оставилъ всѣ прежніе законы о займахъ, главнымъ образомъ основывающіеся на постановленіяхъ Русской Правды съ нѣкоторыми особенностями на случай несостоятельности между купцами. Такъ судебникъ раздѣляетъ несостоятельныхъ купцовъ на несчастныхъ, которые потеряли имущество отъ непредвидѣнной случайности, и на виноватыхъ по собственному своему нерадѣнію. Это раздѣленіе не ново: оно выражено было еще въ Русской Правдѣ. Но новое прибавленіе въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что судебникъ требуетъ подробнаго обыска для того, чтобы доказать справедливость того, что онъ ничего не имѣетъ, этого нѣтъ въ Русской Правдѣ. Такъ судебникъ говоритъ, что если кто назоветъ себя несчастнымъ и не имѣющимъ никакого имущества, то нужно сдѣлать обыскъ. Обыскъ произвести при постороннихъ людяхъ. Если по обыску окажется, что лицо дѣйствительно потеряло свое имущество, напр. отъ пожара или отъ потопленія или какого другого несчастія, то такому лицу выдаетъ великокняжескій дьякъ грамоту, называемую полѣтнюю, потому что здѣсь обозначено, чрезъ сколько лѣтъ должникъ долженъ уплатить

свой долгъ, въ виду того предположенія, что подобная разсрочка даетъ возможность ему снова заняться дѣломъ и расплатиться. Другая льгота, опредѣляемая судебникомъ, въ этомъ отношеніи, заключается въ томъ, что должникъ, не смотря на долгое время отсрочки, долженъ заплатить только взятый капиталъ, а никакъ не проценты. Если же по обыску купца окажется, что онъ несостоятеленъ по собственной своей винѣ, тогда онъ отдается головою кредитору, т. е. кредиторъ можетъ обратить его въ домашняго слугу, въ рабство, до тѣхъ поръ, пока самъ онъ или кто-либо за него не заплатитъ его долга. Такая отдача называлась выдачею головою на продажу. Что касается до поземельнаго владѣнія, то судебникъ говоритъ о различныхъ видахъ владѣнія имуществомъ: о вотчинномъ владѣніи и владѣніи помѣстномъ—о 1-мъ—въ смыслѣ неограниченной собственности, и о 2-мъ—въ смыслѣ ограниченной. Но болѣе значительны постановленія судебника касательно разграниченія земель. Такъ онъ говоритъ о межахъ и этимъ доказываетъ, что въ это время земли уже разграничивались правильно извѣстными искусственными знаками. Въ значеніи межи упоминаются изгороди; такъ по судебнику изгороди должны быть сдѣланы по поламъ на счетъ смежныхъ домовладѣльцевъ. Въ случаѣ если отъ худой изгороди произойдетъ какой-либо убытокъ, то за это отвѣчаетъ тотъ владѣлецъ, чья изгородь хуже. Луга, пашни должны быть также огорожены изгородью, и въ этомъ случаѣ изгородь долженъ дѣлать не владѣлецъ луга, а владѣлецъ пашни, потому что изгородь нужна болѣе для земли пашенной, нежели луговой. Эти постановленія, какъ они не кратки, объясняютъ, что законъ заботился уже не только объ опредѣленіи значенія поземельнаго владѣнія, но и о томъ, чтобы это владѣніе происходило безъ всякаго ущерба другому лицу, въ этомъ смыслѣ требованіе объ постановленіи изгородей и вообще о межахъ. За порчу межей судебникъ назначаетъ самое тяжкое наказаніе, именно торговую казнь и кромѣ того денежныя пени въ одинъ рубль. Кромѣ того судебникъ опредѣляетъ законъ о давности. Онъ вводитъ двоякого рода давность—3-хъ

лѣтнюю и 6-ти лѣтнюю. 3-хъ лѣтняя давность полагается въ искахъ между вотчинниками, помѣщиками между собою и общинами между собою, а 6-ти лѣтняя только въ искахъ между общинами и частными лицами Кромѣ этого судебникъ Іоанна III заключаетъ въ себѣ постановленія о холопахъ или несвободныхъ. Въ этомъ отношеніи постановленія его сходны съ постановленіями Русской Правды, но съ слѣдующимъ добавленіемъ: судебникъ опредѣляетъ три случая перехода изъ свободнаго состоянія въ холопство: первый случай, когда кто-либо самъ себя продастъ въ рабство, второй случай, когда кто-либо приметъ должность сельскаго тіуна, тогда въ силу этой обязанности онъ дѣлается не свободнымъ не только самъ, но и съ дѣтьми, если они жили съ отцемъ, если же дѣти жили у родственниковъ, то имъ оставляется свобода. Третій случай потери свободы тотъ, когда кто женится на рабѣ; въ такомъ случаѣ теряютъ свободу и самъ и дѣти его на всегда. Еще въ судебникѣ встрѣчаются постановленія о наслѣдствѣ. Судебникъ опредѣляетъ два вида наслѣдства—наслѣдство по закону и наслѣдство по завѣщанію. Въ отношеніи духовнаго завѣщанія судебникъ не постановляетъ никакихъ новыхъ правилъ, и это потому, что подобными дѣлами завѣдывало духовенство. Что касается до наслѣдства по закону, то судебникъ утверждаетъ нѣкоторыя новыя начала, а именно: онъ предоставилъ право наслѣдованія всѣмъ родственникамъ, но наслѣдуетъ прежде нисходящая линія. Такимъ образомъ наслѣдуютъ прежде дѣти. Если кто умретъ бездѣтнымъ, то въ такомъ случаѣ имущество передается къ родственникамъ боковымъ, кто кого ближе. Но въ этомъ то и состоитъ недостатокъ судебника, что онъ не опредѣляетъ, кого именно считать ближайшимъ. Наконецъ болѣе всего замѣчательны постановленія о переходѣ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Прежде всего судебникъ строго отличаетъ крестьянъ собственно отъ такъ называемыхъ наймитовъ. Наймитъ по судебнику вступалъ на службу къ извѣстному землевладѣльцу на срокъ и съ условіемъ заработки въ пользу землевладѣльца. Напротивъ того крестьянинъ, какъ выра-

жается судебникъ, садился на землѣ жить постоянно и безсрочно. Наймитъ, не исполнившій условной работы и не дожившій опредѣленнаго срока, неполучаетъ наемной платы. Крестьянинъ же живетъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ срокъ, въ который, на основаніи закона, онъ можетъ оставить землю и перейти на всякую другую, но при этомъ переходѣ долженъ уплатить владѣльцу земли всѣ его расходы на него. Судебникъ установляетъ и самый срокъ переходовъ: это именно за недѣлю до осенняго Юрьева дня и спустя недѣлю послѣ Юрьева дня. Безъ уплаты денегъ пожилыхъ, крестьянинъ не можетъ оставить земли. Но съ другой стороны онъ можетъ не внести во всякое другое время года, кромѣ осени, слѣдуемой уплаты. Судебникъ опредѣляетъ самое количество уплаты. Плата за пожилое въ безлѣсныхъ мѣстахъ назначается въ 4 руб. за дворъ; въ лѣсистыхъ мѣстахъ два рубля при томъ этотъ платежъ можетъ быть раздѣленъ на 4 доли. Крестьянинъ, проживший только одинъ годъ платитъ одинъ рубль, за два года — два руб. Эти постановленія о переходѣ крестьянъ важны потому, что въ это время не во всѣхъ мѣстностяхъ до изданія судебника существовали однообразныя правила; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовали сроки, подобно Юрьеву дню, но были назначаемы въ другое время; слѣдовательно существовали различные сроки перехода, существовала и различная плата землевладѣльцу. Это отчасти удержано и въ самомъ судебникѣ; въ мѣстахъ лѣсистыхъ и безлѣсныхъ платили не одно и тоже. Что порядокъ этотъ былъ необходимъ, въ особенности въ концѣ XV вѣка, то въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что сельское хозяйство вообще находилось, какъ свидѣтельствуютъ памятники этого времени, въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Земли были отягощены различными тяжелыми повинностями, отправленіе ихъ лежало на обязанности землевладѣльцевъ и самихъ жителей; но правильное отправленіе ихъ могло быть только при осѣдлости населенія, а при переходѣ крестьянъ весьма часто случалось то, что они оставляли земли въ такую пору, когда еще не окончены полевыя работы.

Впослѣдствіи мы встрѣтимъ болѣе подробныя опредѣленія во второмъ судебникѣ и въ особенности въ дополнительныхъ указахъ. Мы увидимъ, что устройство сельскаго быта съ того времени составляетъ важную заботу государственной дѣятельности тогдашняго времени. Эта забота еще болѣе увеличивается, потому что количество бѣглыхъ крестьянъ постоянно увеличивалось. Въ этомъ смыслѣ мы встрѣтимъ во 2-мъ судебникѣ различныя мѣры, касательно приписки крестьянъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ, касательно возвращенія бѣглыхъ къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ и т. п. Но особенно худое послѣдствіе всѣхъ этихъ многочисленныхъ распоряженій заключалось въ томъ, что этою окончательною, постоянною приписною крестьянъ разъ на всегда, прикрѣпили свободныхъ лицъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ихъ засталъ указъ. Такимъ образомъ совершилось прикрѣпленіе крестьянъ, и это сдѣлалось у насъ началомъ такъ называемаго крѣпостнаго состоянія. Мы видимъ однако, что крестьяне по судебнику Іоанна III были еще свободны. Таково содержаніе судебника Іоанна III. Онъ не представляетъ собою ничего новаго, за исключеніемъ весьма немногаго. Судебникъ Іоанна III не могъ остаться на долго; прошло еще полъ-столѣтія и появился новый судебникъ. Это доказывало, что прежній судебникъ не вполнѣ былъ достаточенъ по своему содержанію и не могъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ, которыя возникли въ обществѣ и которыя требовали новыхъ законовъ.

ЛЕКЦІЯ XXIX.

Судебникъ Іоанна IV или такъ называемый царскій судебникъ 1550 года въ отличіе отъ предшествовавшаго судебника, представляетъ сборникъ древнихъ законовъ болѣе подробный и нѣсколько болѣе систематическій въ сравненіи съ предъидущимъ судебникомъ. Оба су-

дебника сохранились до нашего времени (*), самое лучшее изданіе царскаго судебника находится въ изданіяхъ Археографической коммисіи. Оба эти сборника законовъ еще мало изслѣдованы, сравнительно съ другими источниками нашего древняго права. — Появленіе царскаго судебника относится къ 1550 году. Причина его появленія заключалась въ томъ, что 1-й судебникъ, какъ мы могли убѣдиться изъ его обозрѣнія, былъ весьма краткимъ собраніемъ законовъ, которое не могло не только удовлетворить потребностямъ вновь образовавшагося московскаго государства, но не могло даже и разрѣшить такихъ недоумѣній, вопросовъ, которые неизбѣжны при всякомъ новомъ порядкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ прежняго времени накопилось весьма много не только разнообразныхъ законовъ, которые и должны были быть собраны вмѣстѣ, но образовалось много новыхъ юридическихъ отношеній; для разрѣшенія всего этого требовалось изданіе новаго и отдѣльнаго кодекса. Но 1-й судебникъ не былъ такимъ кодексомъ, который бы удовлетворилъ всему этому; къ тому же онъ былъ составленъ на скорую руку; въ содержаніе его вошли древнія грамоты, но въ немъ нѣтъ ничего новаго—вотъ причина, вслѣдствіе которой появился вскорѣ 2-й, болѣе подробный судебникъ. Взявъ въ основаніе постановленія 1-го судебника, онъ развилъ ихъ и обратилъ вниманіе, какъ на внѣшнее, такъ и на внутреннее достоинство содержанія законовъ. Другая причина появленія втораго судебника кроется въ самомъ взглядѣ Іоанна IV на судъ. Къ его времени относится изданіе многихъ законовъ, и вездѣ видна строгость царя въ отношеніи къ суду. Царь въ этихъ законахъ руководствовался тою идеею, что необходимое условіе порядка есть судъ справедливый. Отъ этого мы встрѣчаемъ въ царскомъ судебникѣ грозныя наказанія судей за несправедливый судъ, за поборы или

(*) См. изданіе Башилова 1768 г., изданіе по списку Татищева 1768 и 2-е изд. 1788 г., Сводный судебникъ изд. 1774 г., изданіе Максимовича 1808 г., изданіе Каландовича и Строева 1819 г., изданіе Оболенскаго 1841 г. Акты историческіе. Дополнит. статьи къ Судебнику изд. Бычковымъ въ Архивѣ Калачова.

лихоимство и за всякаго рода притѣсненія. Въ этомъ заключается характеристическое отличіе 2-го судебника отъ 1-го: 1-й судебникъ былъ настольною книгою всѣхъ судей тогдашняго времени, но этотъ законъ не относится къ самимъ судьямъ съ такою строгостью, съ какой относится 2-й. Прежде всего, опредѣляя порядокъ суда, царскій судебникъ грозитъ судьямъ за несправедливое рѣшеніе. Онъ повторяетъ тоже главное основаніе, какое имѣлъ 1-й судебникъ, т. е. чтобы судъ всѣмъ былъ равенъ, нелицепріятенъ, одинаковъ; въ этомъ отношеніи 2-й судебникъ продолжаетъ развивать задачу 1-го: онъ старается объ уничтоженіи всѣхъ привиллегій, всѣхъ жалованныхъ грамотъ (*), въ силу которыхъ было такое разнообразіе въ отношеніи подсудности. Кромѣ того здѣсь встрѣчаются постановленія о крестьянскомъ переходѣ, о которомъ правительство тогдашняго времени постоянно заботилось, и постановленія въ отношеніи уголовнаго и преимущественно гражданскаго законодательства. Такимъ образомъ и 2-й судебникъ не нужно понимать въ смыслѣ только законовъ о судопроизводствѣ. Названіе судебника не выясняетъ содержаніе его. Это есть сборникъ законовъ не только о формѣ суда, хотя это является въ судебникѣ по преимуществу, но здѣсь являются и постановленія по другимъ отдѣламъ законодательства. Обозрѣвъ общее значеніе судебника, перейдемъ къ объясненію содержанія его. Судебникъ опредѣляетъ сначала наказаніе судей, затѣмъ опредѣляются различные виды суда и самый порядокъ судопроизводства. Онъ раздѣляетъ всѣ случаи суда во 1-хъ на судъ государя, во 2-хъ на судъ боярскій, въ 3-хъ на судъ намѣстничій, и въ 4-хъ на судъ святительскій. Мы видимъ, что это раздѣленіе тоже самое, что и въ прежнемъ судебникѣ, съ тѣмъ различіемъ, что тамъ былъ судъ великокняжескій, а здѣсь судъ государя; однакоже эти виды суда болѣе подробно развиты и кромѣ того представляютъ нѣкоторыя новыя постановленія. Прежде

(*) Выдача *тарханныхъ* грамотъ, т. е. дававшихъ привиллегію, напр. быть судимымъ только царемъ, безусловно запрещена Царскимъ судебникомъ.

всего скажемъ о наказаніяхъ. Если окажется, что боярин съ дьякомъ вмѣстѣ отправляютъ судъ несправедливо и взяли посулу и обвинили кого либо изъ невиновныхъ, то съ нихъ слѣдовало доправить весь искъ и всѣ судебныя пошлины втрое; кромѣ того назначить такую пеню, какую опредѣлитъ государь. Если дьякъ безъ вѣдома судьи возьметъ посулу и составитъ судный списокъ, или запишетъ дѣло не такъ, какъ оно было, то на немъ доправить, т. е. взыскать половину противъ того, что взыскивалось съ судьи, сверхъ того подвергнуть тюремному заключенію. Далѣе, если подъячій безъ вѣдома судьи и безъ дьяка запишетъ что либо не такъ, какъ было говорено на судѣ, то подвергается торговой казни. Эти опредѣленія вызваны были злоупотребленіемъ при судопроизводствѣ прежнихъ временъ. Эти злоупотребленія производились большею частью дьяками или подъячими; они были людьми болѣе свѣдущими въ законахъ, нежели сами судьи; они были людьми грамотными и часто пользовались безграмотностью судьи—боярина; отъ этого, такъ какъ дѣлопроизводство основывалось главнымъ образомъ на судныхъ спискахъ, докладныхъ спискахъ и др., дьяки и подъячіе совершенно по своему произволу дѣлали тѣ или другія опредѣленія. Часто случалось, что судья дѣлалъ опредѣленный приговоръ, а дьякъ записывалъ другое. Эти злоупотребленія вызывали много жалобъ, доходившихъ часто до царя. Для прекращенія этихъ жалобъ царь Іоаннъ Васильевичъ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія: онъ позволилъ самимъ горожанамъ выбирать изъ среды себя лицъ, которыя бы присутствовали при судопроизводствѣ; затѣмъ было дозволено самимъ жителямъ выбирать и земского дьяка. Затѣмъ нижнюю инстанцію суда по судебнику составляетъ судъ намѣстничій или волостелей. На основаніи судебника 1550 г., на судѣ намѣстника или волостелей должны присутствовать выборные земскіе, а именно: дворскій, какъ главный изъ выборныхъ, староста, цѣловальники и наконецъ вообще лучшіе люди. Такимъ образомъ мы видимъ, что судопроизводство, на основаніи судебника 1550 г. происходило не закрыто, а гласно. Затѣмъ судебникъ опредѣляетъ, чтобы къ

судной записи, которую пишетъ земскій дьякъ, дворскій, староста, цѣловальники и вообще выборные отъ самихъ жителей прикладывали руки или печати, и уже потомъ съ этой записи списываютъ слово противу слова и намѣстникъ прикладываетъ къ этимъ документамъ руку или печать; эта запись хранилась у намѣстника и на ней полагалось рѣшеніе, а копія съ нея у выборныхъ людей за печатью намѣстника. Второе дополненіе противъ прежняго порядка судопроизводства судебникъ Іоанна Васильевича дѣлаетъ въ отношеніи самой власти судьи рѣшать дѣла и опредѣлять наказанія. Такъ онъ опредѣляетъ, что намѣстникъ или волостель, хотя могутъ судить татей, душегубцевъ и вообще всякихъ лихихъ людей, но судъ ихъ только первоначальный, а не окончательный, и безъ доклада высшему суду они не могутъ ни казнить подобныхъ людей, ни сажать въ тюрьму, ни отпускать на волю. Это постановленіе весьма важно. До этого времени нижніе суды могли судить всѣ вообще преступленія, и не только приводить ихъ въ окончательное рѣшеніе, но и примѣнять къ преступникамъ самыя тяжкія наказанія. По судебнику же Іоанна IV всѣ дѣла подвергаются пересмотру, что въ особенности важно въ дѣлахъ уголовныхъ. Въ иномъ городѣ или волости случалось, что было два намѣстника или 2 волостеля, то въ такомъ случаѣ они должны судить вмѣстѣ и раздѣлять вмѣстѣ судныя пошлины. Кто недоволенъ судомъ намѣстника или волостеля, тотъ можетъ жаловаться государю, который требуетъ ихъ въ Москву и поручаетъ боярину судить ихъ, какъ простыхъ челобитчиковъ. Такимъ образомъ самые судьи подвергались такому же порядку суда, какъ и всѣ лица, въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ были приносимы жалобы на неправильный ихъ приговоръ. Мы видимъ, что законодательство стремилось къ правосудію и старалось оградить его всевозможными мѣрами. Онѣ различны. Съ одной стороны допускаются выборные отъ самихъ жителей для того, чтобы народъ не могъ сказать, что судьи судятъ несправедливо. Это одно изъ важнѣйшихъ распоряженій царя Іоанна Васильевича; онъ укрѣпилъ и еще болѣе

развилъ выборное начало, какъ въ администраціи, такъ и въ судѣ. Съ другой стороны мѣрами чисто законодательными судебникъ стремится къ огражденію правосудія: дозволено приносить жалобы на рѣшенія судей. Второю инстанціей суда былъ судъ боярскій. Судъ боярскій предоставляется по судебнику боярину и окольничему, членамъ царской думы и всѣмъ вообще начальникамъ различныхъ приказовъ. Смотря по тому, въ вѣдомствѣ какаго приказа находится самый городъ или волость, смотря поэтому нужно приносить и жалобы на нижніе суды, на намѣстниковъ или волостелей. Иногда однакоже боярскій судъ имѣлъ значеніе не суда 2-й инстанціи, а суда первоначальнаго. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда, при назначеніи какаго либо боярина намѣстникомъ въ отдѣльный городъ или волость, ему предоставлялось, вмѣстѣ съ правомъ управленія, и право суда боярскаго. Это было, слѣдовательно, личною привиллегіей и на такого намѣстника, который пользовался правомъ суда боярскаго, нельзя было жаловаться приказу, но самому государю. Если боярinъ, имѣющій право суда боярскаго, не давалъ его извѣстному лицу по его челобитной, то за такой *отказъ въ правосудіи* челобитчикъ могъ прямо жаловаться государю. Царь, на основаніи судебника отсылалъ челобитчика снова къ боярину съ приказаніемъ дать ему судъ; если же и послѣ этого боринъ не давалъ суда, то онъ подвергался государевой опалѣ, т. е. самому тяжкому наказанію. Высшій судъ, судъ окончательный, по судебнику есть *царскій судъ*. Значеніе этаго суда въ судебникѣ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: судитъ самъ царь, или его сынъ, или кто либо изъ бояръ, кому царь укажетъ; при этомъ въ судѣ находились различные дѣлопроизводители, дьяки и подъячіе. Пошлины съ царскаго суда взимаются совершенно тѣ же, какія упоминаются въ судебникѣ Іоанна III, напр. пошлины при выдачѣ различныхъ грамотъ. Наконецъ упоминается *судъ святительскій*, имѣющій совершенно тоже самое значеніе, какое имѣетъ судъ владычный по судебнику Іоанна III. Такимъ образомъ судебникъ не постановляетъ новыхъ формъ суда,

но измѣнилъ только внутреннюю организацію судовъ. Болѣе подробныя постановленія касательно суда доказываютъ, что эта часть дѣйствительно требовала большихъ дополненій. Сколько мы имѣли случаевъ до сихъ поръ замѣтить, законы прежняго времени болѣе обращаютъ вниманія вообще на внѣшнее устройство какого либо учрежденія, нежели на опредѣленіе порядка самого производства дѣлъ. Это же самое было и въ отношеніи дѣлъ судебныхъ. Нельзя сказать, чтобы законы до судебника не заботились объ опредѣленіи значенія суда, различныхъ видовъ суда и т. д., но относительно самаго процесса, рѣшенія судебныхъ дѣлъ законы были не точны. Касательно дѣлопроизводства судебникъ даетъ слѣдующія опредѣленія: прежде всего онъ признаетъ древніе способы доказательствъ посредствомъ показанія свидѣтелей, посредствомъ присяги или крестнаго цѣлованія, посредствомъ поля или судебнаго поединка и посредствомъ письменныхъ документовъ. Царскій судебникъ относительно свидѣтелей даетъ совершенно новый законъ, а именно слѣдующій: если одинъ изъ тяжущихся выставитъ нѣсколькихъ свидѣтелей и нѣкоторые изъ нихъ скажутъ въ подтвержденіе его слова, сходные съ нимъ, или, какъ выражаетъ судебникъ, скажутъ въ его рѣчь, а другіе скажутъ противъ его рѣчи, то 1-е свидѣтели могутъ требовать со 2 ми поля или судебнаго поединка. Побѣжденные на поединкѣ признаются виновными и должны заплатить за искъ и всѣ судебныя пошлины. Если же свидѣтели истца не потребуютъ поля, то истецъ признается виновнымъ и приговаривается къ уплатѣ иска и всѣхъ судебныхъ пошлинъ. Очевидно, что истецъ, выбирая свидѣтелей, долженъ былъ выбирать такихъ лицъ, которыя, въ случаѣ, если бы случилось противорѣчіе, были бы въ состояніи принять судебный поединокъ. Если свидѣтель свидѣтельствуетъ противъ отвѣтчика, то отвѣтчику предоставляется на выборъ или вызвать свидѣтеля на поединокъ или заставить его цѣловать крестъ. Такимъ образомъ, каждый свидѣтель противъ одного изъ тяжущихся имѣлъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязанность идти на поединокъ или съ однимъ изъ тя-

жущихся или съ свидѣтелями, которые возражали ему въ его показаніи. Далѣе, по судебнику Іоанна IV опредѣляется порядокъ выдачи на неявившихся въ судъ безсудныхъ грамотъ. Если кто предъявитъ челобитье на намѣстника, или волостеля, или служащихъ при немъ лицъ, то судъ не дозволяетъ намѣстникамъ или волостелямъ отвѣчать за однихъ изъ своихъ людей, а за прочихъ не отвѣчать, а предоставляетъ полную отвѣтственность на людяхъ за которыхъ не отвѣчаютъ. Городскіе и волостные люди, въ своихъ искахъ на обиды и притѣсненія намѣстника или волостеля или ихъ людей, должны подавать свои челобитья въ продолженіи того времени, пока эти судья и вообще должностныя лица состоятъ на службѣ; по увольненіи же этихъ лицъ отъ службы, законъ запрещаетъ подавать на нихъ жалобы. Въ каждомъ челобитьѣ должно помѣщать искъ или жалобу только по одному предмету; если же будетъ совмѣщать два иска, въ такомъ случаѣ судъ приказываетъ челобитчику подать новое челобитье о другихъ предметахъ. За безчестье опредѣляется каждый разъ особая пеня: служивымъ людямъ государево жалованье большимъ гостямъ опредѣляется по суду въ 50 рублей, а пеня за безчестье торговымъ, городскимъ, посадскимъ и лучшимъ людямъ опредѣляется въ 5 руб. Таже пеня или таже плата за безчестье полагается и дворянину состоящему на службѣ у боярина. За безчестье различныхъ другихъ лицъ должностныхъ низшаго званія полагается плата ихъ оклада. За безчестье не служащихъ людей, крестьянина, боярскаго человѣка, тягловаго полагается одинъ рубль женамъ вдвое противъ мужей. Плата назначается по суду также и за увѣчіе и нанесеніе ранъ. Здѣсь судъ опредѣляетъ вознагражденіе, плату за увѣчіе смотря по самому увѣчью, смотря по состоянію, того, кто получилъ увѣчіе. Изъ этихъ опредѣленій мы также можемъ видѣть раздѣленіе нѣкоторыхъ классовъ общества тогдашняго времени. Хотя въ самомъ раздѣленіи не встрѣчаемъ ничего новаго, но тѣмъ не менѣе мы видимъ, что за боярами слѣдуютъ большіе гости, потомъ лучшіе торговые, городскіе, посадскіе люди, затѣмъ слѣдуютъ уже крестьяне. Кромѣ

постановленія о нѣкоторыхъ искахъ, судебникъ заключаетъ въ себѣ постановленія о порядкѣ вызова къ суду. Вызовъ въ судъ, на основаніи судебника, производится вообще въ томъ же порядкѣ, какъ по судебнику 1497 г., а именно чрезъ приставовъ. Въ самомъ порядкѣ вызова однако болѣе опредѣленности. Такъ, по первому судебнику пристава могли и не сами представлять приставную память къ вызову, а посылать за себя кого либо изъ своихъ родственниковъ. На основаніи этаго обычая происходило много злоупотребленій: иногда вызовы суда не достигали до своего назначенія, и вотъ въ огражденіе этихъ злоупотребленій, царскій судебникъ опредѣляетъ, что приставную память должны объявлять отвѣтчикамъ сами должностныя лица, не возлагая это на какое либо частное лице. Для удобнѣйшаго наблюденія за порядкомъ вызова, судебникъ опредѣляетъ, чтобы каждый судебный приставъ (недѣльщикъ) имѣлъ не болѣе четырехъ ѣздоковъ, которые бы находились въ общей отвѣтственности другъ за друга и, въ случаѣ исковъ, отвѣчали бы за одного всѣ. Подобнымъ образомъ сущность и другихъ формальныхъ опредѣленій Судебника о порядкѣ вызова къ суду проникнута стремленіемъ предупредить злоупотребленія со стороны исполнителей судебныхъ распоряженій. Все это конечно возвышало достоинство суда и нельзя не отнести подобныхъ опредѣленій законодательства при всей ихъ формальности — къ постепеннымъ улучшеніямъ и развитію права.

XXX ЛЕКЦІЯ.

Судебникъ опредѣляетъ, кромѣ отвѣтственности служащихъ лицъ одного за другаго, что при вызовѣ въ судъ должны содѣйствовать приставамъ мѣстныя власти, т. е. намѣстники, волостели и т. д. Если признаваемый не можетъ явиться тотчасъ, то нужно требовать за него поручителей; если же ихъ не будетъ, то при-

ставъ долженъ заявивъ о томъ самъ заковать его въ цѣпи и держать подъ стражею до наступленія срока, иногда долженъ представить немедленно отвѣтчика къ суду. Само собой разумѣется, что въ этомъ нѣтъ надлежащей послѣдовательности, нѣтъ надлежащаго перехода отъ мѣръ болѣе обыкновенныхъ, умѣренныхъ къ самымъ крутымъ. Судебникъ не дѣлаетъ различія между самымъ значеніемъ дѣла и опредѣляетъ мѣры одинаковыя какъ въ дѣлахъ значительныхъ, такъ и въ обыкновенныхъ; но при этомъ мы видимъ развитіе выборнаго начала, развитіе начала судебнаго и круговаго поручительства, развитіе общиннаго начала и проявленіе этихъ началъ весьма важно въ законодательствѣ этого времени. Въ судебникѣ же, опредѣлено было, что пристава и недѣльщики не прежде могутъ подвергать аресту отвѣтчика, какъ объявивъ о томъ волостнымъ и выборнымъ людямъ. Они должны были объявить, что извѣстное лицо вызывается въ судъ, что оно не можетъ представить за себя порукъ, а потому должно быть взято подъ стражу. Если при этомъ выборные люди объявляли, что они сами поручаются, что онъ явится къ суду, то въ такомъ случаѣ арестъ отмѣнялся. Если же не была соблюдена подобная формальность, тогда можно было приносить жалобу на судебнаго пристава, не только самому арестуемому, но и его родственникамъ, и на основаніи этой жалобы арестуемый освобождался, а судебный приставъ приговаривался къ уплатѣ опредѣленной пени за безчестіе отвѣтчика, котораго онъ взялъ подъ стражу безъ соблюденія законныхъ правилъ; сверхъ того, если бы пристава обвиняли въ какихъ-нибудь убыткахъ, то онъ обязанъ былъ заплатить за нихъ вдвое. Постановленія эти встрѣчаются въ 1-ый разъ въ Царскомъ судебникѣ. Хотя они касаются незначительнаго предмета, предмета чисто формальнаго, а именно вызова къ суду, но они имѣютъ глубокое внутреннее значеніе, потому что въ первый разъ охраняются интересы частнаго лица отъ притѣсненій должностнаго лица. Законъ позволяетъ арестъ или взятіе подъ стражу, признавая эти мѣры необходимыми для упроченія правильной явки къ суду, тѣмъ не менѣе

постановляетъ извѣстныя границы, извѣстныя условія, даетъ возможность жаловаться на неправильный арестъ, и подобныя постановленія въ нѣкоторыхъ законодательствахъ являющіяся гораздо позже иногда уже въ новѣйшемъ періодѣ законодательства, у насъ мы видимъ уже въ судебникѣ, при томъ въ то время, когда примѣры насилія и злоупотребленія по отношенію къ частнымъ лицамъ были явленіемъ весьма обыкновеннымъ, когда сами жители цѣлаго города, или цѣлой области въ безпрестанныхъ жалобахъ къ царю указывали ему на притѣсненія всевозможныя должностныхъ лицъ. Много жалобъ доходило до царя Іоанна Васильевича. Въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя изъ жалобъ отъ всего міра, отъ всѣхъ людей цѣлой области сохранились въ актахъ, дошедшихъ до нашего времени. Такъ въ этихъ жалобахъ жители просятъ, чтобы царь защитилъ ихъ отъ притѣсненій своихъ слугъ, которые обременяютъ ихъ тяжкими, излишними поборами, медленнымъ производствомъ дѣла, отчего пришли они въ совершенное разореніе. Вотъ въ ограниченіе подобныхъ мѣръ произвола и являются замѣчательныя постановленія, разсмотрѣнныя нами. Такимъ образомъ мы видимъ новое направленіе законодательства этой эпохи. Съ одной стороны оно не всегда послѣдовательно; постановляетъ иногда тяжкую мѣру за обыкновенныя дѣла, наприм. при взысканіи обыкновеннаго долга лицо, при вызовѣ къ суду могло подвергнуться личному задержанію и при томъ на долгое время, именно до постановленія суда. Съ другой стороны являются уже мѣры для ограниченія должностныхъ лицъ. Наконецъ судебникъ установляетъ особенныя формы для вызова въ судъ самихъ судей, такъ какъ эти случаи могли быть въ случаѣ приношенія челобитныхъ на неправильности суда, а именно: намѣстники, волостели, тіуны, доводчики—вообще должностныя лица, въ случаѣ предъявленія на нихъ челобитныхъ, должны такъ-же, какъ и всѣ подсудимые, являться въ судъ сами и только въ случаѣ болѣзни и занятій служебными дѣлами могутъ посылать за себя довѣренныхъ или уполномоченныхъ. Они должны явиться въ опредѣленный срокъ, въ противномъ случаѣ на нихъ выдавались

безсудныя грамоты, въ силу которыхъ лицо, потерпѣвшее и оправданное, могло доправить на нихъ убытки. Точно такимъ же порядкомъ и судьи вызываются чрезъ приставовъ и недѣльщиковъ, посылаемыхъ Боярскою Думой. Но жалобы на нихъ могутъ быть приносимы до увольненія ихъ со службы, послѣ чего законъ никакихъ жалобъ не принимаетъ. Самый порядокъ суда изложенъ въ судебникѣ совершенно согласно съ прежнимъ судебникомъ. Онъ основанъ на словесномъ началѣ, т. е. на судныхъ рѣчахъ, при которыхъ свидѣтели и тяжущіеся должны объяснять свое дѣло въ судѣ, и на облеченіи этихъ словесныхъ рѣчей въ письменную форму—въ судные списки. Судебникъ заботится о томъ, чтобы эти записи были вѣрны, и снова повторяетъ наказаніе за подлоги и умышленное искаженіе рѣчей. По окончаніи судныхъ рѣчей слѣдуетъ докладъ дѣла и докладные списки. Эта обязанность возложена на дьяка или тіуна. Затѣмъ судья постановляетъ рѣшеніе. По просьбѣ тяжущихся лицъ можетъ дать судья и отсрочку. При неявкѣ тяжущихся онъ можетъ выдавать безсудныя грамоты. Главная забота суда во время разбирательства дѣла заключалась въ томъ, чтобы были доказательства. Судья долженъ требовать какъ отъ истца, такъ и отъ отвѣтчика опредѣленныхъ доказательствъ. Судья наблюдаетъ за самымъ ходомъ рѣчей и возраженій. Въ необходимыхъ случаяхъ онъ разрѣшаетъ свидѣтелямъ или тяжущимся судебный поединокъ. По окончаніи судебнаго поединка судъ снова собирается и постановляетъ рѣшеніе. Въ числѣ показаній свидѣтелей судъ дозволяетъ иногда родственникамъ и ближайшимъ лицамъ свидѣтельствовать другъ за друга. Въ этомъ отношеніи онъ подтверждаетъ прежнія правила, встрѣчающіяся и въ первомъ судебникѣ, отчасти и въ судныхъ грамотахъ. и потому мы не будемъ входить въ подробности избѣгая повтореній высказанного уже прежде. Основанія порядка уголовнаго суда въ Судебникѣ 1550 года тѣ же какъ и по Судебнику 1497 г. съ тѣмъ только различіемъ, что разбойныя и душегубныя дѣла отнесены къ вѣдомству только губныхъ старостъ. Затѣмъ въ судебникѣ 1550 г. мы встрѣчаемъ постанов

ленія касательно крестьянскихъ переходовъ (*). Въ судебникѣ царя Іоанна Васильевича прибавлена плата за пожилое, но назначено брать ее съ цѣлаго двора, а не съ каждаго строенія при переселеніи крестьянъ, но за то постановлено, что владѣлецъ ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ задерживать у себя крестьянина, который сполна заплатилъ ему пожилыя деньги. Если крестьянинъ долженъ владѣльцу, то владѣлецъ долженъ искать свой искъ законнымъ порядкомъ, но не можетъ удерживать переходъ крестьянъ. Такимъ образомъ этимъ правиломъ значительно были измѣнены отношенія между крестьянами и владѣльцемъ въ томъ смыслѣ, что крестьяне удержали за собою по закону болѣе свободное право перехода. По отношенію къ переходу крестьянъ встрѣчаются и послѣ судебника особенныя постановленія. Такъ указомъ или закономъ Ѳеодора Іоанновича былъ запрещенъ переходъ съ одной земли на другую, однако сказано, что крестьянинъ можетъ переселяться на землю владѣльца не иначе, какъ по полюбовной записи, а такъ какъ она могла содержать различныя условія, то, при неисполненіи ихъ со стороны крестьянина, владѣлецъ уже могъ удерживать переходъ. Указъ 1591 года не дошелъ до нашего времени. Главная цѣль этого указа заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать сборъ податей болѣе удобнымъ и правильнымъ при постоянномъ жительствѣ крестьянъ на однихъ и тѣхъ-же земляхъ. Поэтому законъ 1591 года подтвердилъ, что крестьяне должны оставаться на своихъ земляхъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ выполнены договорныя записи. Съ этою цѣлью установлены были и особыя переписныя книги. Законъ этотъ однако-же возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Онъ былъ одинаково невыгоденъ не только для крестьянъ, но и для самихъ землевладѣльцевъ. Съ изданіемъ этого закона землевладѣльцы лишались возможности скрыть значительное число живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ и должны были держать у себя какъ хорошихъ, такъ и худыхъ

(*) Кромѣ того судебникъ заключаетъ постановленія о поземельномъ владѣніи, о наслѣдствѣ, договорахъ и холопствѣ, во многомъ повторяющія правила судебника Іоанна III и прежнихъ грамотъ.

крестьянъ. которые могли быть имъ дѣйствительно въ тягость. Такимъ образомъ указъ этотъ, повидимому выгодный для владѣльца земли въ сущности былъ невыгоденъ для него. О томъ, что онъ былъ невыгоденъ для крестьянъ, не нужно говорить, потому что это очевидно. Затѣмъ въ скоромъ времени появляется рядъ указовъ (*) которыми опять отчасти дозволено переводить ихъ съ одной земли на другую. Впрочемъ это дозволеніе дано было крестьянамъ, жившимъ на земляхъ мелкихъ землевладѣльцевъ и при томъ въ одно время имъ могли пользоваться крестьяне одной части государства, а въ другое время крестьяне, жившіе въ другихъ областяхъ. Цѣль указа заключалась въ томъ, чтобы небыло однообразнаго срока для перехода. Мысль Бориса Годунова въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, чтобы организовать порядокъ и чтобы крестьяне, по различію климата, качества почвы, вообще мѣстности, могли бы находить и для себя извѣстныя удобства при переходѣ съ одной земли на другую въ извѣстное время года. Изъ этихъ указовъ и правилъ какъ судебника, такъ и дополнительныхъ къ нему законовъ мы видимъ, что мысль объ устройствѣ и разрѣшеніи тѣмъ или другимъ способомъ крестьянскаго вопроса постоянно занимала правительство въ это время. Общее послѣдствіе всѣхъ этихъ указовъ заключалось въ томъ, что крестьяне все болѣе и болѣе прикрѣплялись къ землѣ. Сначала являлось прикрѣпленіе въ фактической невозможности расчитаться съ владѣльцемъ, впослѣдствіи эта невозможность принимала все болѣе и болѣе юридическій характеръ. Нельзя было оставить наприм. земли безъ доклада тіуну, волостелю и другимъ должностнымъ лицамъ. Составлены были переписныя книги, на основаніи которыхъ крестьянамъ повелѣно было жить на одной и той же землѣ и не переходить, если за ними числится недоимка. Наконецъ изданъ былъ указъ, который прямо повелѣвалъ возвращать крестьянъ при неуплатѣ повинностей, равно какъ и бѣглыхъ на тѣ земли, на которыхъ они должны были жить по книгамъ при переписке земель. Однимъ изъ законовъ предъиду-

(*) Ук. 1598 г. ноябр., 1601 г.

щаго времени постановленъ былъ продолжительный срокъ—именно 5-ти-лѣтній (*) въ теченіи котораго земле-владѣлецъ могъ отъискивать крестьянина, ушедшаго съ его земли. Слѣдовательно въ продолженіе этого времени крестьянинъ могъ ожидать, что его возьмутъ и водворятъ на прежнемъ мѣстѣ жительства подъ предлогомъ неисполненія какихъ-либо условій въ отношеніи къ владѣльцу земли. Иногда крестьянинъ могъ перейти на другую землю и не опасаясь этого, если только сосѣдній владѣлецъ желалъ имѣть его и уплачивалъ за него его долгъ. Такимъ образомъ переходъ дѣлался все болѣе и болѣе затруднительнымъ (**). До нашего времени сохранилось нѣсколько записей, изъ которыхъ видно, что и по изданіи указа 1591 года крестьяне должны были поселяться на новыхъ мѣстахъ по договору съ владѣльцемъ земли, въ которомъ должны были быть опредѣлены всѣ условія обязательныхъ отношеній. Въ различныхъ другихъ записяхъ опредѣляется, что въ случаѣ неисправности крестьянина отвѣтствуетъ за него другое лицо въ качествѣ поручителя. Общее поручительство или общинное поручительство было весьма часто въ подобныхъ случаяхъ, какъ и гарантія за исполненіе записи. Въ другихъ дополнительныхъ законахъ (***) къ судебнику встрѣчаемъ постановленія въ отношеніи монастырскихъ и церковныхъ земель. Этими постановленіями историческую причину, которыхъ мы уже выяснили ранѣе, запрещается монастырямъ и церквамъ пріобрѣтать вновь недвижимое имущество безъ царскаго указа. Постановленіе это имѣетъ важное значеніе. Оно является какъ ограниченіе того чрезмѣрнаго накопленія матеріальнаго богатства, которымъ владѣло духовенство. Соображая исключительное положеніе церкви и духовенства, особенныя льготы, особенный порядокъ управленія въ монастырскихъ вотчинахъ, мы поймемъ, что подобныя ограниченія были въ высшей степени необходимы для общаго государственнаго блага. Они содѣйствовали тому, чтобы разнообразіе въ администраціи или управ-

(*) Ук. 1597 21 ноября, а въ послѣдствіи 15-лѣтній по указу 1607 г.
(**) Окончательное укрѣпленіе послѣдовало 1607 г. 9 марта.
(***) Ук. 1550 и 1557 г.

ленiи не могло идти еще далѣе. Они положили предѣлъ этому. Одна изъ главныхъ заботъ московскаго государства заключалась въ томъ, чтобы объединить и сдѣлать однообразнымъ устройство всего управленiя. Эта мысль выражалась и въ учрежденiи приказовъ и въ самомъ содержанiи судебниковъ, которое мы разсмотрѣли. Она-же выражается и въ различныхъ мѣрахъ и распоряженiяхъ касательно областнаго управленiя. Переходимъ теперь къ объясненiю порядка управленiя въ областяхъ въ томъ новомъ видѣ, въ какомъ оно является въ эпоху царей. Сначала московскiе цари удерживали прежнее устройство управленiя. Намѣстники держатся еще нѣкоторое время въ первоначальномъ своемъ значенiи, но потомъ съ половины 16 и въ особенности сначала 17 столѣтiя ихъ управленiя замѣняются городскими воеводами. Власть намѣстника и власть воеводы была хотя сходна, но различалась въ томъ отношенiи, что намѣстникъ являлся въ городѣ, поручаемомъ ему въ управленiе, однимъ съ полною властью и самъ назначалъ по разнымъ частямъ управленiя областью своихъ подчиненныхъ людей. Они всѣ отъ него зависѣли. Воевода-же назначался прямо царскимъ указомъ, но не назначалъ, не опредѣлялъ подчиненныхъ и зависящихъ отъ него лицъ. Всѣ эти подчиненныя лица назначались также по государеву указу и по распоряженiямъ того приказа, отъ котораго зависѣла извѣстная область; 2-ое различiе заключалось въ самомъ характерѣ власти намѣстника и воеводы. Воевода совмѣщалъ въ себѣ характеръ и военнаго управителя и гражданскую власть. Въ томъ и другомъ отношенiи обязанности его опредѣлялись точно и подробно наказомъ (наказъ—писанная инструкцiя, которая выдавалась воеводамъ при назначенiи ихъ въ должность). Воевода былъ долженъ дѣйствовать согласно общему закону и наказу ему данному. Имѣя значенiе частной инструкцiи извѣстному лицу, наказъ воеводскiй имѣлъ значенiе и общаго закона, потому что въ немъ выражались извѣстныя постановленiя, извѣстныя правила, по которымъ воевода долженъ былъ судить и управлять. Слѣдовательно власть и обязанности воеводы являются гораздо болѣе опредѣленными,

нежели власть и обязанности намѣстника. Высшій надзоръ за воеводой, въ особенности же за точнымъ исполненіемъ наказа, порученъ былъ приказамъ. Воеводы назначаются на короткій (*) срокъ. Они часто смѣняются и замѣняются другими лицами. При самомъ поступленіи въ должность, воевода на основаніи наказа, даетъ подробный отчетъ правительству о положеніи ввѣренной ему области. Является такимъ образомъ начало отчетности, начало правильнаго донесенія, доклада отъ низшихъ или мѣстныхъ учрежденій къ высшимъ или центральнымъ. Другая особенность воеводскаго управленія является въ томъ, что при воеводѣ учреждаются въ маломъ видѣ такія же точно установленія, какія существуютъ въ Москвѣ. Это такъ называемыя приказныя избы. Онѣ должны были сохранять всѣ царскія грамоты и указы, собирать всѣ законы и постановленія, въ особенности наказы, относящіеся до управленія данною областью. Здѣсь же хранились различныя книги, тоже относящіяся до управленія областью: *книги переписныя*, по которымъ воевода могъ знать, какія земли и волости находятся въ его области, *книги окладныя*, изъ которыхъ можно было видѣть какіе и съ кого должно взимать сборы. Этими книгами завѣдывали особенныя лица подъ названіемъ окладчиковъ. Они выбирались отъ самихъ жителей. Собранныя подати, пошлины эти окладчики отвозили въ Москву и сдавали приказу. Изъ этого мы видимъ, что дѣятельность воеводы должна была совершаться не на основаніи личнаго усмотрѣнія, произвола. Управленіе основывалось не на довѣріи, какъ это было прежде, а основывалось уже на точномъ исполненіи предопредѣленныхъ обязанностей; воевода долженъ былъ управлять областью на основаніи закона, на основаніи особенной инструкціи, наказа, на основаніи особенныхъ книгъ, съ которыми онъ долженъ былъ сообразовать свое управленіе. Понятно, что управленіе пріобрѣтаетъ гораздо лучшее положеніе, пріобрѣтаетъ точность, опредѣленность, законность. Правительство желаетъ смѣнить нѣкоторыхъ воеводъ; жители сами просятъ, подаютъ челобитья царю, чтобы

(*) Обыкновенно на 3 года.

оставили этихъ воеводъ. Понятно, что все это результатъ большей опредѣленности, точности, которыя достигаются объясненными перемѣнами въ областномъ управленіи. Другое значительное улучшеніе заключалось въ томъ, что древняя система кормленія, которая существовала такъ долго и которая весьма часто тяготила жителей, была совершенно отмѣнена. По жалобамъ жителей различныхъ мѣстъ и городовъ въ половинѣ 16 в. (1555 г.) царь Іоаннъ Васильевичъ, еще передъ введеніемъ воеводской должности, разослалъ по всему государству законъ, въ силу котораго предоставлялось городамъ и уѣздамъ управляться самимъ чрезъ своихъ выборныхъ, излюбленныхъ головъ и цѣловальниковъ помимо намѣстниковъ, которые такимъ образомъ были окончательно отмѣнены. Въ силу этого закона (*) во многихъ городахъ и уѣздахъ дѣйствительно появилось выборное управленіе. Законъ предоставлялъ жителямъ избирать изъ среды своей лучшихъ людей, которые были бы имъ всѣмъ любы,—отсюда и названіе излюбленныхъ головъ; цѣловальниками они названы потому, что должны были цѣловать крестъ на томъ, что во всякомъ порученномъ имъ дѣлѣ они будутъ блюсти интересы общинъ городскихъ и сельскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ выполнять и служебныя обязанности, возлагаемыя на нихъ правительствомъ. Это право царь Іоаннъ Васильевичъ далъ всѣмъ городамъ и уѣздамъ, но не всѣ города и уѣзды поспѣшили воспользоваться этимъ правомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жители находили для себя выгоднымъ остаться при прежнемъ намѣстническомъ управленіи. Понятно, что это зависѣло отъ личныхъ отношеній между намѣстникомъ и жителями. Вслѣдствіе этого выборное начало не сразу было распространено на всѣ города, да царь и не настаивалъ на этомъ. Но впослѣдствіи времени, чтобы положить конецъ этой неопредѣленности, правительство установило новую должность съ болѣе опредѣленнымъ характеромъ—именно должность воеводы.

(*) А. А. Э. Т. I. № 192, 242, 243 и др.

XXXI ЛЕКЦІЯ.

Мы видѣли, что правительство древняго времени, сознавая неудовлетворительность мѣстнаго порядка управленія, пришло къ убѣжденію ввести новую должность съ совершенно инымъ характеромъ—именно должность воеводскую. Эта должность главнымъ образомъ отличалась отъ прежняго значенія порядка управленія мѣстнаго тѣмъ, что съ этою властью соединялось военное значеніе для защиты внѣшней и для охраны внутренняго порядка. Такимъ образомъ воеводы назначаются сначала преимущественно въ пограничныхъ областяхъ и городахъ, затѣмъ воеводское управленіе вводится и внутри московскаго государства. Воеводамъ дается власть надъ всѣми должностными лицами, городами, землями и областями, и воеводское управленіе распространяетъ, такимъ образомъ, мало по малу, однообразіе въ устройствѣ мѣстнаго управленія. Воеводы назначались сперва на 3 года, впослѣдствіи срокъ этотъ былъ продолженъ, о чемъ иногда просили и сами жители. При этомъ между городами и областями существовала нѣкоторая постепенность, нѣкоторое какъ бы старѣйшинство, такъ что быть воеводою той или другой области значило занимать болѣе высшую или низшую степень въ ряду должностныхъ званій. Иногда послѣ 2-хъ воеводъ, управлявшихъ смежными областями, назначался одинъ воевода. Иногда надъ нѣсколькими воеводами назначался старшій воевода. Обязанности воеводы были весьма разнообразны: прежде всего въ качествѣ военнаго начальника отъ него зависѣли стрѣлецкіе отряды и войска, находящіяся въ главномъ городѣ, и важнѣйшая обязанность воеводы въ этомъ отношеніи заключалась въ управленіи этими военными силами, наблюденіи за служилыми людьми, въ приготовленіи ихъ ратному дѣлу. Въ этомъ же смыслѣ воевода обязанъ былъ заботиться о надлежащемъ укрѣпленіи города, о постройкѣ стѣнъ, башень, бойницъ, объ устройствѣ окоповъ и другихъ средствъ укрѣпленія, для чего ему назнача-

лись извѣстныя суммы. Такъ какъ постояннаго войска еще не было, то каждый дворянинъ обязанъ былъ являться съ извѣстнымъ числомъ слугъ, которыми онъ предводительствовалъ и которыхъ онъ приготовлялъ и обучалъ военному дѣлу. Надъ этимъ сборомъ людей, подъ предводительствомъ ихъ помѣщика или дворянина, имѣлъ наблюденіе воевода. Онъ собиралъ этихъ лицъ, созывалъ ихъ въ главные города, осматривалъ ихъ отряды, распредѣлялъ между ними различныя обязанности, наблюдалъ за тѣмъ—надлежащее ли число людей привелъ помѣщикъ, соотвѣственно своему помѣстному окладу, наблюдалъ за тѣмъ, чтобы дворянинъ, подъ предлогомъ болѣзни, дряхлости или немощи, не отклонялся отъ службы, а являлся въ назначенное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ военномъ же отношеніи воевода долженъ былъ заботиться о необходимомъ запасѣ продовольствія, на тотъ случай, когда городу приходилось выдерживать долговременную осаду, или когда предвидѣлось нападеніе со стороны непріятеля. Кромѣ военныхъ обязанностей на воеводу возлагалась обязанность финансовая, составлявшая даже преимущественный и болѣе многосложный родъ его обязанностей. Каждая область обязана была доставлять воеводѣ опредѣленную сумму сбора и пошлинъ по окладнымъ книгамъ и друг. существовавшимъ росписямъ. Это доставленіе окладовъ и сборовъ производилось чрезъ выборныхъ людей и самихъ городскихъ и сельскихъ общинъ. Воевода долженъ былъ принять сборы и убѣдиться, что они правильно доставлены. Воевода съ этою цѣлью назначалъ въ каждомъ городѣ особыхъ городскихъ прикащиковъ, которые должны были заботиться объ охранѣ существующихъ доходовъ. Они должны были наблюдать, чтобы не было утайки въ собираемыхъ пошлинахъ и сборахъ за право торговли и за различные другіе промыслы. Далѣе, обязанность этихъ прикащиковъ и самихъ воеводъ заключалась въ изысканіи средствъ увеличенія доходовъ. Для удовлетворенія въ правильности сбора различныхъ пошлинъ воевода посылалъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ—дозорщиковъ, писцовъ, окладчиковъ, которые провѣряли правильность

распредѣленія тяглыхъ повинностей. Кромѣ того воевода долженъ былъ заботиться о правильномъ и точномъ описаніи какъ городскихъ земель и имуществъ, такъ и волостныхъ, уѣздныхъ и сельскихъ общинъ. Цѣль этихъ правильныхъ описаній заключалась въ томъ, чтобы никто не нарушалъ чужаго владѣнія и чтобы раскладка повинностей соотвѣтствовала пространству или объему самаго имущества; различные жалобы и споры при этомъ разрѣшались воеводой. Доставленные такимъ образомъ и провѣренные доходы воевода долженъ былъ отправить въ Москву въ свое время, при чемъ отправлялись и самые выборные отъ жителей, которые производили сборы и доставляли ихъ воеводѣ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ финансовомъ отношеніи существовалъ извѣстнаго рода контроль какъ правильности сбора, сдѣланнаго самими жителями, такъ и правильности доставленія его воеводѣ и наконецъ правильности отсылки доходовъ въ Москву. На воеводу возлагались также и судебныя обязанности, хотя самъ воевода не всегда производилъ судъ, но слѣдилъ только за правильнымъ отправленіемъ обязанностей подчиненныхъ ему лицъ. Воевода долженъ былъ заботиться о сохраненіи внутренняго порядка и спокойствія. Онъ принималъ въ этомъ отношеніи необходимыя мѣры надзора за людьми злоумышленными, преслѣдовалъ лихихъ людей, и въ этомъ отношеніи ему содѣйствовали извѣстные уже намъ губные старосты. Учрежденіе губныхъ старостъ возникло прежде воеводской должности, а съ учрежденіемъ ея должность губныхъ старостъ потерпѣла нѣкоторое измѣненіе. Это измѣненіе заключалось въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губные старосты остались независимыми отъ власти воеводъ, а въ другихъ мѣстахъ подчинены ей. На пограничныхъ воеводъ возлагались весьма часто дипломатическія обязанности. Такъ воевода долженъ былъ наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ сосѣднемъ государствѣ, посредствомъ посылаемыхъ лазутчиковъ, и дознанныя свѣдѣнія долженъ былъ сообщать въ Москву. Мы видѣли также, что воеводы должны были принимать иностранныхъ пословъ съ надлежащими почестями и долж-

ны были сообщать въ Москву о цѣли этихъ посольствъ. При обратномъ проѣздѣ посла воевода долженъ былъ проводить его до границы и содѣйствовать къ скорѣйшему его отправленію. Иногда воеводы посылались въ качествѣ пословъ для дипломатическихъ переговоровъ. При этомъ обыкновенно назначался воевода болѣе главнаго и значительнаго города. Что касается до зависимости воеводъ отъ высшихъ учрежденій, то эта зависимость была устроена такъ, что воеводы подчинялись въ большей части случаевъ распоряженіямъ приказа. Они должны были сообщать въ приказъ различныя донесенія, касавшіяся мѣстнаго управленія ввѣренной области. Но такъ какъ распредѣленіе дѣлъ между приказами не было правильно, такъ какъ были приказы завѣдывавшіе какимъ либо однимъ родомъ дѣлъ, то по этому воеводы зависѣли отъ всѣхъ вообще приказовъ. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія, касающіяся дѣятельности воеводъ, заключаются въ наказахъ московскихъ царей воеводамъ. Общаго, однообразнаго наказа, опредѣляющаго дѣятельность воеводъ, не было. При назначеніи каждаго воеводы выдавался ему особый наказъ, доставлявшій ему большую или меньшую власть въ области и установлявшій ближайшую зависимость воеводы отъ царя или непосредственное подчиненіе его приказамъ. Тѣмъ не менѣе, при разнообразіи содержанія наказовъ, а слѣдовательно и при разнообразіи степени власти воеводы, можно извлечь изъ этихъ разнообразныхъ наказовъ нѣкоторыя общія правила. Такъ въ наказахъ обыкновенно обозначалось пространство округа, который ввѣряется воеводскому управленію, съ исчисленіемъ всѣхъ городовъ съ ихъ уѣздами. Округи эти вовсе не были равны, такъ какъ вообще правильнаго административнаго распредѣленія на равныя части области въ тогдашнее время не было. Нѣкоторые округи воеводскаго управленія состояли отъ 10 до 12 городовъ и болѣе, другіе ограничивались 2, 3 городами. Я замѣтилъ уже, что надъ воеводами назначались иногда высшіе воеводы. Такимъ образомъ случалось иногда, что воевода назначался только для управленія волостями и станами; въ такомъ случаѣ онъ зависѣлъ отъ вое-

воды ближайшаго города. Впрочемъ подобное назначеніе воеводы для управленія весьма малыми округами и въ особенности волостями, хотя и встрѣчается, но весьма рѣдко. Наказъ опредѣлялъ иногда объемъ округа, предоставленнаго воеводскому управленію. Затѣмъ въ наказѣ упоминалось о товарищахъ воеводъ, т. е. о подчиненныхъ, ближайшихъ его помощникахъ. Такъ упоминаются въ этомъ же смыслѣ воеводы пригородные. Иногда эти товарищи воеводъ назывались 2-ми, 3-ми воеводами; если округъ былъ малъ, то ихъ не назначали, хотя иногда въ помощь воеводѣ назначали дьяка. Затѣмъ наказъ опредѣлялъ различныя временныя и постоянныя обязанности воеводъ въ отправленіи должности: временныя, т. е. такія, которыя долженъ былъ исполнять воевода, прибывъ въ свой округъ и поступивъ въ управленіе,—постоянныя, которыя опредѣляли существенныя обязанности его, не временныя, случайныя, а обыкновенныя. Получивъ наказъ, воевода долженъ былъ отправиться въ назначенный ему округъ на казенныхъ подводахъ, въ сопровожденіи различныхъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ, товарищей, дьяковъ, подъячихъ, стольниковъ, доводчиковъ и иныхъ лицъ. На особыхъ подводахъ везли книги—окладныя, переписныя, разрядныя и различныя другія, которыя выдавались воеводѣ или въ Москвѣ, или которыя онъ принималъ отъ ближайшаго воеводы. По пріѣздѣ въ округъ воевода долженъ былъ получить отъ своего предшественника, если онъ его заставалъ, ключи и печать отъ города, описныя грамоты, различные друг. должностные документы и книги, а также прежніе наказы и всѣ царскія грамоты. Всѣ эти наказы и царскія грамоты должны были храниться по полученіи ихъ изъ Москвы, и при смѣнѣ и назначеніи новыхъ воеводъ они сдавались по надлежащей описи и реестру. Прибывъ въ городъ и принявъ управленіе, ключи и означенные документы и т. д., воевода долженъ былъ принять казну царскую, осмотрѣть все казенное и городское имущество, осмотрѣть городскія стѣны, зданія и укрѣпленія. Затѣмъ онъ созывалъ всѣхъ служащихъ лицъ и говорилъ имъ царское слово, на основаніи котораго обѣщалъ произ

водить судъ и управленіе на основаніи царскаго уполномочія, царской грамоты и наказа. Затѣмъ, узнавъ служащихъ лицъ, повѣривъ ихъ служебныя обязанности, насколько каждый владѣетъ помѣстнымъ или другимъ окладомъ и кто какія служебныя обязанности исполняетъ, воевода долженъ былъ сдѣлать перепись всѣхъ земель своего управленія и въ особенности сдѣлать повѣрку всѣхъ тяглыхъ имуществъ или черныхъ. Подъ именемъ черныхъ земель разумѣлись земли казенныя, государственныя, на которыхъ находились городскія и земскія общины, обязанныя тягольными повинностями казнѣ. Затѣмъ воевода долженъ былъ осмотрѣть дворцовыя и другія имущества государя. Онъ долженъ былъ произвести такой осмотръ или самъ, или чрезъ уполномоченныхъ имъ лицъ. Если по окладнымъ книгамъ или сборамъ оказывались какіе либо недочеты и недоборы, то должно было послать писцовъ, дьяковъ и дозорщиковъ для составленія повѣрки правильности описаній. Въ наказахъ весьма часто упоминается о такъ называемыхъ писцовыхъ книгахъ. Назначеніе ихъ касалось и финансоваго управленія, но большею частью оно относилось къ опредѣленію пространства и границъ поземельнаго владѣнія. Писцы въ качествѣ землемѣровъ должны были не только проводить границы поземельной собственности, но и въ качествѣ судей должны были разрѣшать споры касательно поземельной собственности. Если эти споры касались имуществъ казенныхъ, черныхъ или другихъ, находящихся въ вѣдомствѣ приказа, то составленныя описанія и писцовыя книги воевода долженъ былъ отсылать въ Москву въ надлежащій приказъ. Онъ долженъ былъ жить въ главномъ городѣ своего округа. Жилъ онъ на воеводскомъ дворѣ. Здѣсь то и были при воеводѣ тогдашнія присутственныя мѣста или учрежденія для отправленія какихъ либо должностей. Это были: приказная изба, которая по отношенію къ области имѣла значеніе подобное отношенію приказа къ цѣлому государству. Здѣсь сосредоточивалось управленіе, которое отличалось такими же недостатками въ отношеніи правильнаго распредѣленія вѣдомства, какими отличались и сами

приказы. Затѣмъ была съѣздная изба. Здѣсь засѣдалъ воевода, товарищъ воеводы, дьякъ, сюда собирались вообще высшія должностныя лица; здѣсь хранилась городская печать и казна, и всѣ сборы. Кромѣ того при воеводѣ находились различныя должностныя лица, отъ него зависящія или вполнѣ, или отчасти. Такъ въ главномъ же городѣ жили губные старосты, земскіе старосты, городскіе прикащики, доводчики и друг. Впослѣдствіи для болѣе правильнаго устройства управленія, въ наказахъ встрѣчается распредѣленіе дѣлъ, производившихся въ приказныхъ избахъ. Такъ въ приказныхъ избахъ, какъ свидѣтельствуютъ наказы, дѣла распредѣлялись между извѣстными столами; столами завѣдывали дьяки и подъячіе. Такъ былъ денежный столъ, занимавшійся смѣтами и росписями доходовъ. Затѣмъ судный столъ для разбора жалобъ, поступавшихъ отъ частныхъ лицъ на низшихъ судей. Въ этомъ столѣ должно было составлять особыя книги для дѣлъ рѣшенныхъ и для не рѣшенныхъ, особые списки для дѣлъ уголовныхъ, которые отсылались въ приказъ разбойный и другіе приказы. Здѣсь же должны были составлять особыя книги для исчисленія судебныхъ пошлинъ, которыя вообще были весьма значительны. Далѣе особый столъ, подъ названіемъ сыскнаго стола, собиралъ свѣдѣнія о различныхъ важныхъ преступленіяхъ, о такъ называемыхъ розыскахъ, т. е. слѣдствіяхъ тогдашняго времени, и завѣдывалъ дѣлами о преслѣдованіи лихихъ людей, фальшивыхъ монетчиковъ и т. п. Потомъ помѣстный и ямской столы. Первый завѣдывалъ раздачей земель боярамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и здѣсь хранились помѣстныя книги и окладныя. Ямской столъ завѣдывалъ устройствомъ ямовъ и сборомъ пошлинъ за ямскую гоньбу. Изъ этого мы видимъ, что не только въ приказахъ, но и въ учрежденіяхъ мѣстныхъ дѣла, стали распредѣляться по ихъ роду и значенію. Изъ приказной избы и чрезъ посредство ея, воевода управлялъ областью въ различныхъ отношеніяхъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ наказовъ, другой источникъ, который опредѣляетъ значеніе воеводы, составляютъ царскія грамоты. Онѣ отъ времени до вре-

мени присылались воеводѣ для исполненія какихъ либо особыхъ порученій, а иногда просто для полученія отчета отъ воеводы о состояніи управленія ввѣренной области. Въ царскихъ грамотахъ опредѣлялись иногда новыя права, предоставляемыя воеводамъ, т. е. опредѣлялось или повышеніе степени власти или пониженіе. Въ отвѣтъ на царскую грамоту воевода долженъ былъ представить отчетъ о состояніи дѣлъ. Эти отчеты назывались отписями. Изъ этихъ отчетовъ видны нѣкорыя свѣдѣнія касательно и самаго порядка дѣлопроизводства тогдашняго времени. Изъ нихъ мы видимъ, что главная дѣятельность въ порядкѣ дѣлопроизводства возлагалась на дьковъ и подъячихъ. Эти лица завѣдывали письменною частью, составленіемъ различныхъ книгъ, докладныхъ списковъ и т. п. Если царская грамота требовала исполненія какого-либо общаго распоряженія, то, получивъ эту грамоту, воевода долженъ былъ списать съ нее списки и послать подчиненнымъ ему воеводамъ и другимъ должностнымъ лицамъ. Если царская грамота касалась какого-либо общаго закона, который воевода долженъ былъ объявить цѣлому народу, тогда онъ посылалъ отъ себя особыхъ глашатаевъ или бирючей съ приказаніемъ громко читать царскую грамоту въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ городахъ. селахъ, рынкахъ, пригородахъ, пристаняхъ и другихъ, Въ главномъ же городѣ читалась царская грамота народу передъ приказною или съѣздною избою. Этотъ порядокъ обнародованія закона въ прежнее время указываетъ намъ, что народу должны быть извѣстны весьма немногіе изъ законовъ тогдашняго времени, а именно тѣ, которые посылались воеводамъ для объявленія. При этомъ самый способъ объявленія былъ таковъ, что многіе могли и не слышать царской грамоты, могли и не знать новаго распоряженія. Это обстоятельство находится въ связи съ тѣмъ, что единственными лицами, знавшими законы тогдашняго времени, были исключительно дьяки и подъячіе. Они знали ихъ, потому что хранили ихъ списки, завѣдывали дѣлами въ приказной избѣ, гдѣ хранились списки старинныхъ уставовъ и гдѣ были и Русская Правда и судебники и различные

другіе дополнительные царскіе законы. Но только эти лица и знали законы; иногда и весьма часто воеводы и другія высшія должностныя лица незнали о существованіи закона. Все знаніе сосредоточивалось въ дьякахъ и потому-то народъ въ каждой изъ своихъ надобностей, въ каждой изъ своихъ нуждъ—при покупкѣ имуществъ, при продажѣ и раздѣлѣ имуществъ, при разрѣшеніи сомнѣнія касательно какихъ-нибудь взысканій и повинностей обращался всегда къ дьякамъ и подъячимъ. Эти лица злоупотребляли вообще своимъ исключительнымъ знаніемъ. Они еще болѣе запутывали жалобы, челобитныя, не разрѣшая ихъ своими свѣдѣніяніями, а злоупотребляя ими. Во многихъ памятникахъ видно общее озлобленіе народа противъ дьяковъ. Вотъ свѣдѣнія, характеризующія воеводскую дѣятельность и воеводское управленіе, почерпнутыя изъ наказовъ, изъ царскихъ грамотъ и различныхъ другихъ юридическихъ и историческихъ свѣдѣній. Кромѣ упомянутыхъ учрежденій впослѣдствіи является такъ называемыя земскія избы. Устройство ихъ совершенно сходно съ устройствомъ приказовъ и другихъ учрежденій тогдашняго времени. Не нужно однако же думать, чтобы воеводское управленіе, разъ установившееся въ объясненномъ смыслѣ, не подвергалось нѣкоторымъ перемѣнамъ. Перемѣны эти существовали: въ особенности впослѣдствіи является болѣе правильное распредѣленіе областей въ московскомъ государствѣ въ административномъ отношеніи распредѣленномъ уже на нѣсколько разрядовъ и на нѣсколько степеней воеводскаго управленія. Въ этомъ послѣдующемъ видѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее распредѣленіе: главнѣйшими областями, а слѣдовательно и старѣйшими въ системѣ воеводскаго управленія являются новгородская, псковская, казанская, астраханская и сибирская. Эти области составляютъ высшую степень воеводскаго управленія въ концѣ 16 и 17 в. Къ нимъ причислены впослѣдствіи—кіевская, полоцкая и смоленская.

XXXII ЛЕКЦІЯ.

Въ поименованныя первенствующія области посылались кромѣ воеводы 2 и 3 товарища воеводы и съ ними иногда высшіе дьяки — государевы дьяки. Воеводы этихъ областей имѣли весьма важное значеніе, какъ начальники пограничныхъ областей. Они завѣдывали и дипломатическою частью — такъ воевода новгородскій велъ переговоры съ Шведами, съ Ливонскимъ орденомъ, воевода астраханскій—съ Персіей, Хивой и Бухарой, принималъ пословъ отъ этихъ странъ, заключалъ съ нимъ различныя предварительныя условія, пользуясь полнымъ уполномочіемъ государя. Второстепенныя области составляли—Нижній Новгородъ, Тверь, Рязань и много др. внутреннихъ областей, въ которыя посылались при воеводѣ, приказный дьякъ вмѣсто товарища и нѣсколько подъячихъ. Затѣмъ въ города и области 3-го разряда посылались воеводы еще съ меньшимъ должностнымъ значеніемъ, а 4-ю степень областнаго управленія составляли такіе города, въ которыхъ при воеводѣ не было никакихъ служилыхъ людей, назначенныхъ отъ приказа. Это были города, лежащіе на границѣ украинскихъ, литовскихъ, крымскихъ, ногайскихъ и др. мѣстъ. Воеводы посылались въ города изъ тѣхъ приказовъ, которымъ были подчинены эти города. Существенное различіе, образовавшееся въ концѣ 16 в. въ воеводской должности, заключалось въ томъ, что нѣкоторые воеводы назначались прямо отъ государя и при нихъ находились государевы дьяки. Другіе-же назначались не прямо государемъ, но по распоряженію приказа; а именно въ города и области 1-ой степени назначались самимъ царемъ, въ города втораго разряда назначались по большей части разряднымъ приказомъ, въ города незначительные назначались различными приказами. Другая перемѣна заключалась въ болѣе подробномъ опредѣленіи ихъ обязанностей. Обязанности эти вообще можно подвести главнымъ образомъ подъ три главныя отрасли—поря-

докъ суда, полицейскій надзоръ, финансовое управленіе и сборъ податей. По отношенію къ суду—воевода имѣлъ право судить всѣхъ, за исключеніемъ тѣхъ жителей, которыя имѣли какіе либо жалованныя грамоты, въ силу которыхъ можно было судить ихъ только царю и въ московскомъ приказѣ. Въ отношеніи порядка производства удержаны были прежнія начала съ тѣмъ только различіемъ, что при судѣ и при управленіи должны были находиться выборные люди отъ большихъ и среднихъ городовъ (*). Что касается до дѣлъ полицейскихъ, то сюда относилось слѣдующе во-1-хъ надзоръ за городскими постройками, проложеніе новыхъ дорогъ и поддержаніе старыхъ и наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ вообще путей сообщенія, принятіе мѣръ противъ распространенія заразы, моровыхъ повѣтрій и друг. повальныхъ болѣзней, охраненіе города отъ пожара, высшій надзоръ за порядкомъ и тишиною, пресѣченіе грабительства, преслѣдованіе кормчества, т. е. недозволенной торговли напитками, преслѣдованіе различныхъ подозрительныхъ лицъ, бродягъ, забота объ охраненіи нравовъ, преслѣдованіе дѣйствій, противныхъ общественной нравственносеи и различныя друг. этимъ подобныя полицейскія обязанности (**). Самое исчисленіе этихъ обязанностей имѣетъ то значеніе, что законъ обращаетъ вниманіе не только на общіе интересы администраціи и суда, но и на различныя мѣры такъ называемыя благоустройства и благочинія, т. е. на чисто полицейскія обязанности воеводъ. Замѣтимъ, что до этого времени въ нашемъ законодательствѣ рѣдко встрѣчались подобныя обязанности, возлагаемыя на какихъ либо должностныхъ лицъ и это потому что общее наблюденіе за нравами и за благочиніемъ и благоустройствомъ возлагалось древними законами на духовенство, такъ какъ свѣтскіе законы мало заботились объ этомъ, и первый разъ онѣ встрѣчаются въ наказѣ, данномъ воеводамъ. Въ дальнѣйшихъ приказаніяхъ встрѣчаются повелѣнія заботиться о правиль-

(*) Улож. 1649 ограничило судебную власть воеводъ.

(*) См. подроб. въ сочиненіи Проф. Андреевскаго «О Намѣстникахъ и воеводахъ».

номъ устройствѣ сельскаго хозяйства. Постоянный и важный вопросъ, занимавшій тогдашнее правительство, былъ вопросъ о переходѣ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи поручалось воеводамъ наблюдать, чтобы крестьяне не оставляли поля не обработанными, чтобы они не переходили съ одной земли на другую, не доживши срока. Когда же крестьяне окончательно были прикрѣплены къ землѣ по переписнымъ книгамъ, то воеводы обязаны были наблюдать, чтобы крестьяне не бѣгали; они должны были ихъ ловить и возвращать на прежнее мѣсто. Кромѣ этого изъ нѣкоторыхъ особенныхъ мѣстностей мало заселенныхъ, въ особенности изъ Сибири воевода долженъ былъ ежегодно присылать вѣдомости о томъ, сколько у нихъ вновь распахано земли, сколько на новыхъ мѣстахъ засѣяно хлѣба, каковъ былъ урожай и т. п. Эти требованія отъ воеводъ доказываютъ намъ, что правительство этого времени заботится уже не только объ опредѣленіи преступленій и наказаній, но оно заботится и о различныхъ мѣрахъ благоустройства: такъ является весьма важная забота объ успѣхахъ сельскаго хозяйства и промышленности. На воеводъ возлагалось также содѣйствовать успѣхамъ торговли и въ этомъ отношеніи воевода долженъ былъ наблюдать, чтобы торговля производилась въ дозволенныхъ закономъ мѣстахъ, въ дозволенное время, чтобы не было тайнаго провоза товаровъ помимо городскихъ и сельскихъ таможенъ, чтобы вѣсы и мѣры были правильны, не было никакого обмана въ торговыхъ сдѣлкахъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что свѣтскій законъ мало по малу отнимаетъ заботы, предоставляемыя прежде духовенству. Вообще полицейскія обязанности воеводъ весьма точно и подробно опредѣлены наказами. Что касается до сбора податей и финансовыхъ обязанностей, то главнѣйшая изъ этихъ обязанностей была— надзоръ за правильностью сбора. Сюда же отнесенъ— надзоръ за таможеннымъ и такъ называемымъ кабачнымъ сборомъ. Затѣмъ обязанность воеводъ заключалась въ управленіи казенными промыслами, казенными землями, казеннымъ имуществомъ. Это новая и весьма важная обязанность воеводъ. Въ сущности она состояла

въ слѣдующемъ: воевода долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы земля казенная, лежащая безъ дѣла, пустопорожняя, была отдана въ наемъ желающимъ лицамъ, чтобы подобно этому различные промыслы напр. соляной или такъ называемыя соляныя варницы не оставались запустѣлыми, а приносили бы дѣйствительный доходъ казнѣ. Подобнымъ образомъ сборы съ другихъ промысловъ казенныхъ должны были вѣдать воеводы и стараться объ умноженіи доходовъ. Въ отношеніи служилыхъ людей и въ особенности дворянъ, воеводы, какъ видно изъ позднѣйшихъ наказовъ, должны были часто ихъ требовать къ себѣ насмотръ, осматривать кто куда годенъ и вооруженны ли, т. е. приготовлены ли къ ратному дѣлу, снабжены ли они всѣмъ необходимымъ, пріучены ли они къ военному дѣлу. Воевода долженъ былъ дѣлать выборъ лучшихъ изъ служилыхъ людей и посылать такихъ въ Москву. Эти лучшіе люди назывались жильцами, потому что они посылались не на постоянную службу, а на опредѣленный срокъ. Эти жильцы занимаютъ вторую степень за московскими служилыми людьми. Въ этомъ смыслѣ въ эту эпоху различаются дворяне московскіе, жильцы и дворяне городовые, т. е. тѣ служилые люди, которыхъ служба производилась въ предѣлахъ области.

Воеводское управленіе (*) принесло значительную пользу московскому государству въ томъ смыслѣ, что оно придало болѣе правильности, болѣе опредѣленности въ отношеніяхъ между приказами и подчиненными имъ учрежденіями. Это управленіе имѣло свою хорошую сторону и въ томъ отношеніи, что оно не уничтожало совершенно и выборнаго начала. Выборное начало въ лицѣ выборныхъ отъ городскихъ и сельскихъ лицъ продолжало существовать въ теченіи этого времени. Обратимся теперь къ объясненію значенія состояній или сословій, образовавшихся въ московскомъ государствѣ изъ прежнихъ элементовъ, но подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ новыхъ началъ. Обратимся къ опредѣленію значенія дворянства, духовенства, городскихъ и сельскихъ обывателей этого времени. Что касается до дворянства или

(*) См. изслѣдов. Профес. Андреевскаго, Чичерина и др.

высшаго сословія, то оно испытало на себѣ слѣдующія перемѣны: по мѣрѣ того какъ удѣлы входили постепенно въ составъ московскаго государства, по мѣрѣ этого опредѣлялись и отношенія между боярами и дворянами удѣльныхъ княжествъ и боярствомъ и дворянствомъ московскимъ. Само собою разумѣется, что въ общемъ значеніи составъ дворянства остался тѣмъ же самымъ, потому что въ нашемъ удѣльномъ княжествѣ были бояре, какъ высшій классъ служилыхъ людей, были затѣмъ различныя должностныя лица: стольники, стряпчіе, дворецкіе, были дворяне городовые, были наконецъ дѣти боярскіе. Собственно говоря дворянство раздѣлялось на высшее и низшее. Къ высшему относились бояре и разрядные дворяне къ низшему относились дѣти боярскіе (*). Но всѣ эти служилые люди, начиная отъ самихъ бояръ, съ уничтоженіемъ удѣльныхъ княжествъ должны были испытать на себѣ и судьбу этихъ княжествъ, т. е. они сдѣлались ниже московскихъ бояръ. При этомъ общемъ преобразованіи дворянство сохраняло значеніе сословія, котораго главное, преимущественное право заключалось въ правѣ на службу и на различныя служебныя должности. Такимъ образомъ характеръ дворянства выразился въ слѣдующемъ: во 1-хъ, это было высшее сословіе, а во-2-хъ, сословіе служилое привеллигированное, потому именно что никто кромѣ дворянъ не могъ занимать должностей на службѣ государства тогдашняго времени. Въ этомъ правѣ исключительнаго занятія должностей совмѣщалось еще обычное право, право мѣстничества, такъ что съ одной стороны каждый дворянинъ, потому что онъ дворянинъ, имѣлъ право исключительной службы, съ другой стороны онъ пользовался этимъ правомъ на столько, на сколько оно соотвѣтствуетъ обычнымъ мѣстническимъ притязаніямъ. Мѣстническія же притязанія должны были не только уменьшиться, но увеличиться съ образованіемъ московскаго государства, потому что удѣльное дворянство подучило меньшее значеніе, нежели какимъ оно пользовалось прежде, и не служба и служебныя заслуги предковъ вообще, а служба московскому государю и служебное отличіе, полу-

(*) Ук. 1556 г.

ченное на службѣ московской—вотъ что сдѣлалось основаніемъ преимуществъ при полученіи должностей въ послѣдующее время. При этомъ исключительномъ правѣ на службу дворянство пользовалось освобожденіемъ отъ всякаго рода сбора податей и пошлинъ, пользовалось привиллегіей суда или непосредственно отъ самаго царя или въ разрядномъ приказѣ. Въ этомъ смыслѣ дворянство дѣйствительно было высшимъ привиллегированнымъ сословіемъ. Затѣмъ къ правамъ дворянства нужно отнести исключительное право на полученіе помѣстьевъ. По понятіямъ тогдашняго времени государство обязано было дать каждому дворянину извѣстное пространство поземельной собственности,—это было такъ несомнѣнно, какъ была несомнѣнна обязанность дворянъ служить всю жизнь. Съ другой стороны дворянинъ не могъ отклоняться отъ службы государевой. Онъ не могъ просить увольненія или отставки отъ должности, если только не болѣзнь, дряхлость и немощь были причинами. Это самое освобожденіе дѣлаютъ только въ крайнемъ случаѣ. Если дворянинъ просилъ освобожденія его отъ службы, потому что онъ не можетъ исполнять ратнаго или военнаго дѣла, то высылались дозорщики для осмотра его и, находя негоднымъ для военной службы, назначали для исполненія обязанностей гражданскаго вѣдомства. Изъ этого мы видимъ, что дворянство имѣло значеніе вполнѣ служилаго сословія. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ кратко охарактеризировать значеніе дворянства, какъ такого сословія, для котораго все заключалось въ службѣ государству. Эта служба, какъ мы видѣли, была причиною и источникомъ происхожденія дворянства и кромѣ того она была основаніемъ всѣхъ правъ дворянства, всѣхъ исключительныхъ его преимуществъ и равно источникомъ всѣхъ его обязанностей. Далѣе служебныхъ преимуществъ дворянство не имѣло другихъ преимуществъ, которыя принадлежали другимъ сословіямъ, такъ напр. оно не могло заниматься различными городскими промыслами, потому что это занятіе считалось правомъ тяглыхъ людей. Въ періодъ московскаго государства нѣкоторыя права дворянства должны были сами собою уничтожиться;—такимъ образомъ

напр. право перехода, право свободнаго выбора слу́жбы; это собственно были права, которыми дворянство пользовалось въ продолженіи удѣльнаго періода; для дворянства образовался новый центръ ихъ стремленія, именно служить въ Москвѣ, на службѣ около царя. Все стремилось достигнуть служнбныхъ какихъ либо отличій въ самой Москвѣ; служить царю, около царя—это была цѣль службы и боярской и дворянской въ это время. Вмѣстѣ съ этимъ существовало понятіе о древности того или другаго рода, понятіе о служебныхъ преимуществахъ или мѣстничество, начало котораго мы видѣли еще въ предшествовавшее время. Но мѣстничество не только не уменьшилось, но оно должно было увеличиться во все продолженіе московскаго государства. Къ службѣ дворянъ присоединяется новый элементъ—служба придворная, такъ какъ съ образованіемъ государства московскаго образовалась совокупность новыхъ должностныхъ званій придворнаго вѣдомства. Это увеличеніе званій еще болѣе увеличиваетъ мѣстническія притязанія. Въ продолженіи этого времени высшую степень составляютъ бояре, за ними слѣдуютъ окольничіе, затѣмъ думные государевы дьяки, стольники, стряпчіе, казначеи и друг. прежнія званія. Затѣмъ слѣдуютъ дворяне съ подраздѣленіемъ на дворянъ московскихъ, жильцовъ и дворянъ городовыхъ. Что касается до сословія духовенства, то въ продолженіе разсматриваемаго времени оно удерживаетъ свой древній характеръ и свои исключительныя права и преимущества, однакоже, подвергаясь ограниченіямъ нѣкоторыхъ самыхъ существенныхъ матеріальныхъ своихъ выгодъ, именно при царѣ Іоаннѣ IV появляется въ 1-й разъ законъ, ограничивающій дальнѣйшее пріобрѣтеніе монастырями и церквами новыхъ недвижимыхъ имуществъ. Во внутреннемъ управленіи и правахъ духовенство въ продолженіи этого періода различается рѣзко въ смыслѣ духовенства монашествующаго и духовенства бѣлаго. Монашествующее духовенство продолжаетъ пользоваться льготами, предоставленными ему прежде, еще со времени монгольской эпохи—освобожденіемъ отъ всякихъ податей, отъ всякихъ сборовъ,

а тѣмъ болѣе отъ всякихъ тягольныхъ обязанностей. Монастыри въ тѣхъ земляхъ, которыя имъ принадлежатъ, продолжаютъ пользоваться особенными преимуществами—имѣютъ свои особенные сборы податей и друг. пошлины, удерживаютъ право своего управленія, собственной администраціи, имѣютъ своихъ должностныхъ лицъ, монастырскихъ прикащиковъ, тіуновъ, сборщиковъ податей, писцовъ, переписчиковъ и друг. Число монастырскихъ имуществъ весьма значительно. Значительное число жителей живетъ на монастырскихъ земляхъ, потому что тамъ лучше жить, нежели на земляхъ черныхъ или тягольныхъ. По исчисленію и сказанію иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, почти $^1/_5$ часть всего сельскаго населенія жила на монастырскихъ земляхъ. Этого уже факта достаточно, чтобы понять причину, заставившую Іоанна IV и послѣдующихъ государей принять мѣры къ ограниченію такого объема владѣнія. Главою духовенства былъ митрополитъ а съ 1589 г. патріархъ. Среднее или городское сословіе въ продолженіе періода московскаго государства пріобрѣтаетъ болѣе правъ въ торговлѣ и городскихъ промыслахъ, но съ другой стороны оно дѣлается окончательно закрѣпленнымъ въ смыслѣ лицъ, обязанныхъ жить постоянно на одной и той же землѣ и не переходить въ другіе города. Вообще въ теченіе этого времени совершаются 2 важные факта по отношенію къ городскому и сельскому населенію. Сельское населеніе окончательно прикрѣпляется къ землѣ въ силу переписныхъ книгъ; въ силу законовъ, запрещающихъ переселеніе, городское населеніе дѣлается еще ранѣе прикрѣпленнымъ къ городской землѣ въ силу развитія тягольныхъ повинностей. Но съ другой стороны объемъ торговыхъ правъ и самая возможность производить и распространять торговые промыслы значительно усиливаются. Внѣшняя торговля дѣлаетъ значительные успѣхи съ образованіемъ московскаго государства. До этого времени Русь испытывала значительныя невзгоды, какъ отъ монгольской эпохи, такъ и отъ внутреннихъ междоусобій князей. Не было возможности подумать о развитіи внѣшней торговли. Но вотъ этотъ періодъ миновался и правительство московское озаботилось о томъ, чтобы распро-

странить свои торговыя сношенія, какъ на сѣверѣ, такъ и въ особенности на востокѣ. Въ этотъ періодъ развиваются преимущественно торговыя отношенія съ востокомъ. Въ этомъ отношеніи московское государство пріобрѣтаетъ важный торговый пунктъ — Астрахань. Чрезъ него являются различные торговцы съ востока даже изъ Индіи. Тѣмъ болѣе увеличиваются сношенія съ Персіей, Хивой, Бухарой и др. По мѣрѣ развитія этихъ сношеній образуются въ Москвѣ особенные гостинные дворы съ различными наименованіями—персидскій, хивинскій и др., образуются особыя сословія гостей или купчинъ московскихъ, занимающихся торговлей съ востокомъ, и обороты внѣшней торговли дѣлаются весьма значительны; къ этому присоединяется весьма замѣчательное обстоятельство: по мѣрѣ успѣховъ торговли частныхъ лицъ само правительство начинаетъ принимать участіе въ торговыхъ оборотахъ и посылаетъ своихъ уполномоченныхъ лицъ для закупки товаровъ и для производства торговыхъ сношеній съ различными восточными странами. Этотъ періодъ развитія торговли относится въ особенности къ 17 в., хотя начало его нужно отнести къ 16 в. Къ торговому классу лицъ относились: гости, гостинная сотня, сурожане и суконники, городскіе посадскіе люди черныхъ сотень и вообще тяглые торговые люди.

XXXIII ЛЕКЦІЯ.

Разсмотримъ теперь значеніе городской и сельской общины въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась въ періодъ московскаго государства. Составъ сословій и значеніе городскихъ и сельскихъ обывателей остались тѣмъ же самымъ, но устройство общественное или, точнѣе говоря, общинныхъ отношеній въ городахъ и селахъ совершенно получило иной характеръ въ періодъ московскаго единодержавія. Главнымъ образомъ это

различіе выразилось въ томъ, что въ предшествовавшее время и именно въ удѣльный періодъ какъ городскія, такъ и сельскія общины были относительно болѣе свободны, нежели какими они являются въ періодъ московскаго государства. Въ этотъ періодъ онѣ дѣлаются болѣе прикрѣпленными къ опредѣленнымъ отношеніямъ въ смыслѣ тягольныхъ повинностей, что въ особенности прикрѣпляетъ городскія общины. Что касается до сельскихъ общинъ, то онѣ утрачиваютъ отчасти всякое значеніе общины именно тамъ, гдѣ крестьяне были поселены на земляхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ, а тамъ, гдѣ они были поселены на земляхъ черныхъ, т. е. казенныхъ или государственныхъ, тамъ общинныя отношенія существуютъ, но они измѣняются тѣмъ, что внутреннее управленіе дѣлами, касающимися цѣлаго села или области, принимаетъ совершенно иной характеръ, нежели какой былъ прежде. Въ общемъ результатѣ этого важнаго измѣненія является то, что отношенія общественныя устраиваются съ опредѣленнымъ, положительнымъ характеромъ, съ большею силою юридическихъ отношеній, встрѣчаемъ совершенно иной характеръ и правъ и обязанностей городскихъ и сельскихъ обывателей въ отношеніи къ общинному управленію. Эти перемѣны нужно разсматривать въ связи и съ тѣми перемѣнами, которыя происходятъ въ московскомъ государствѣ и въ отношеніи другихъ сословій. Такъ перемѣны, происходившія въ устройствѣ сельскихъ общинъ находятся въ прямой связи съ перемѣнами въ служиломъ или дворянскомъ сословіи. Реформы въ дворянствѣ тѣсно были связаны съ реформой и въ крестьянскомъ быту. Реформа же городской общины мало была связана съ реформой служилаго сословія, хотя съ другой стороны преобразованія въ отношеніи состава и устройства имуществъ монастырскихъ и церковныхъ имѣли связь съ перемѣною и въ устройствѣ городской общины, потому что многіе города были построены не только на земляхъ государственныхъ или черныхъ, казенныхъ, но и на земляхъ монастырскихъ, церковныхъ, даже на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ сущест-

венно главное характеристическое отличіе значенія городскихъ и сельскихъ общинъ въ періодъ московскаго государства отъ предъидущаго ихъ значенія заключалось въ томъ, что до единодержавія города и села представляли болѣе свободныя отношенія единицъ, живущихъ въ нихъ, нежели какъ это послѣдовало въ періодъ московскаго государства. Правда, что въ этихъ свободныхъ отношеніяхъ господствовала полная неопредѣленность, правда, что отъ этого страдали интересы экономическіе, сельское хозяйство было въ упадкѣ, промыслы и торговля не имѣли далеко того значенія, какое они получили въ періодъ единодержавія. Въ періодъ единодержавія городскіе и сельскіе жители теряютъ возможность перехода въ другіе общественные классы, тогда какъ въ прежнее время всѣ общественные классы народа пользовались свободнымъ переходомъ, свободнымъ выборомъ рода жизни, занятій, промысла и отъ этой то полной возможности происходили тогда неустройства въ общемъ государственномъ значеніи. Это неустройство, это броженіе служилаго класса прекращено во время единодержавія. Служилое сословіе пріобрѣтаетъ стройность и опредѣленность, оно знаетъ свои права и свои обязанности въ отношеніи государства. Съ другой стороны правительство, устроивъ порядокъ въ высшемъ сословіи хочетъ устроить точно такой же порядокъ въ каждомъ классѣ народа, чтобы чтобы каждый изъ нихъ зналъ свои обязанности и права. Отсюда рядъ постепенныхъ мѣръ правительства для того, чтобы тягольныя повинности подвести подъ опредѣленные размѣры, чтобы отправленіе этихъ повинностей не оставлять на произволъ самихъ жителей, отчего должна была страдать казна тогдашняго времени. Правительство хотѣло, чтобы городскіе и сельскіе обыватели несли точно такъ же свою опредѣленную службу государству, какъ несли бояре, точно, опредѣленно исполняя свои служебныя повинности. Правительство хотѣло, чтобы, подобно тому какъ дворянинъ или бояринъ по мѣрѣ своего оклада тянетъ службу государству, городской и сельскій житель по мѣрѣ своего участка или промысла тянулъ опредѣленную, извѣстную часть тяголь-

ной повинности, чтобы каждый приносилъ пользу государству. Это сознаніе правительства тѣмъ болѣе было настоятельно и энергично, что смуты разнаго рода продолжали тревожить внутренній порядокъ въ московскомъ государствѣ и отъ времени до времени разрушали это правильное отправленіе и тягольной и служебной повинности, а между тѣмъ потребности государства все болѣе и болѣе увеличились. Съ развитіемъ этихъ потребностей, съ распространеніемъ предѣловъ самаго государства, нужно было, чтобы правительство обладало стройными и значительными силами, чтобы эти силы были ему извѣстны, чтобы оно могло направлять ихъ на охрану интересовъ государства. При неопредѣленныхъ отношеніяхъ одного сословія къ другому происходили слѣдующія общія явленія,—что по мѣрѣ увеличенія повинностей въ одномъ сословіи напр. въ городахъ, городскія общины пустѣли и горожане переселялись на другую землю при существованіи свободнаго перехода. Крестьяне по мѣрѣ увеличенія поземельныхъ повинностей бросали свои занятія и убѣгали въ города. Для того чтобъ положить конецъ этой неурядицѣ правительство начинаетъ съ конца 16 в. и въ продолженіе всего 17 в. стремиться къ постепенному преобразованію городскихъ и сельскихъ общинъ. Я уже упомянулъ, что подобно нѣкоторымъ сельскимъ общинамъ города строились, какъ на земляхъ черныхъ или государственныхъ, такъ даже иногда и на земляхъ владѣльческихъ. Нѣкоторые города строились и на земляхъ монастырскихъ. Отъ этого происходило разнообразіе въ отношеніи повинностей. Городъ, построенный на черной землѣ имѣлъ однообразное устройство съ другими городами, ему подобными, но города, построенные на земляхъ монастырскихъ, зависѣли въ отношеніи опредѣленія ихъ повинностей и самой раскладки повинностей отъ монастырскаго управленія дѣйствовавшаго иногда въ ущербъ интересамъ государства, т. е. оно просто переманивало къ себѣ въ города изъ другихъ городовъ городскихъ и сельскихъ людей тѣмъ, что тягольныя повинности здѣсь были нѣсколько легче. Если городъ былъ построенъ на владѣльческой землѣ, то тѣмъ болѣе

это разнообразіе должно было быть значительно. Владѣлецъ, которому выгодно было, чтобы на его землѣ жили ремесленники, промышленники и торговые люди, употреблялъ всѣ усилія, чтобы ихъ пріобрѣсть. Отъ этого происходило то, что изъ городовъ собственно государственныхъ городскіе и посадскіе люди часто переходили въ другіе города, бросали свои тяглые дворы и переселялись въ новыя мѣста. Правительству нужно же было знать опредѣленную цифру своихъ тягольныхъ дворовъ. Съ другой стороны городскіе жители, обязанные круговой порукой за отправленіе повинностей другихъ лицъ, которые покидали свои дома и дворы, подавали сами просьбы государю о томъ, чтобы принять мѣры къ запрещенію выхода городскихъ и посадскихъ людей и переселенія ихъ въ другія мѣста. Такимъ образомъ мы видимъ, что и правительство имѣло основаніе принять подобныя мѣры запрещенія, ибо самъ народъ просилъ объ этомъ же самомъ, имѣя въ виду свои интересы. Множество жалобъ подобнаго рода приносили города царю Іоанну Васильевичу и вслѣдствіе этого правительство выдавало запрещенія городскимъ и сельскимъ тяглымъ людямъ оставлять свои посадскіе дворы и дома. Наконецъ когда и эти мѣры не приводили къ ожидаемымъ результатамъ, законъ тогдашняго времени постановилъ различныя изслѣдованія о томъ, живутъ ли городскіе и посадскіе люди на тѣхъ земляхъ, на которыхъ они должны жить постоянно; составлялись описанія городскихъ жителей, постепенно производились раскладки и повѣрки тягольныхъ повинностей, являлись книги посошныя, распредѣленія дозорныя. Но этими мѣрами не пресѣкалось зло. Дѣло въ томъ, что при запрещеніи перехода въ сельскія общины горожане поступали часто въ частную зависимость другихъ лицъ, или просто на просто продавали себя въ холопство боярамъ, находя для себя болѣе выгоднымъ жить въ качествѣ несвободнаго человѣка, нежели отправлять тягольныя повинности, живя на черной землѣ. Нужно было принять мѣры и противъ этого. Вспомнимъ, что въ это время еще собственно несвободнаго класса лицъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ образовался впослѣдствіи при

утвержденіи крѣпостнаго права, не было, и законъ строго еще запрещалъ нѣкоторымъ лицамъ и въ особенности городскимъ и сельскимъ обращать себя въ холопство и рабство, потому что они считались государевыми людьми, а потому не могли располагать собою. Кромѣ этихъ двухъ способовъ избѣжанія отъ исполненія тяглой повинности существовалъ еще 3-й способъ, противъ котораго правительство принимало мѣры и законами устанавливало преграды. Это именно былъ обычай закладывать или продавать свои тяглые дворы другимъ лицамъ, жившимъ въ городѣ, но которыя не принадлежали собственно городскому сословію. Такъ случалось часто, что городской житель вступалъ въ кабалу или долгъ, т. е. занималъ деньги у боярина и въ обезпеченіе ихъ закладывалъ ему свой дворъ, домъ и вообще участокъ земли на которомъ онъ былъ поселенъ. Уплата не производилась и все это поступало во владѣніе боярина или владѣльца. Правительство и законы должны были недопускать, чтобы городскіе и посадскіе люди могли продавать и закладывать свои тягольные дворы такъ называемымъ бѣломѣстцамъ. Однако своему подобному же городскому, посадскому тягольному человѣку можно было продать и домъ, и дворъ. Противъ такой продажи правительство не имѣло никакихъ причинъ запрещенія, потому что чрезъ это число дворовъ не уменьшалось. Высказанное положеніе и принятыя мѣры противъ упомянутыхъ неудобствъ въ устройствѣ городскихъ и сельскихъ общинъ занимали правительство въ теченіе всего 17 в. Они заботили его до того, что созывались цѣлые соборы, т. е. царь созывалъ бояръ и выборныхъ изъ городовъ и совѣщался съ ними объ устройствѣ общинъ. Рядъ этихъ мѣръ важенъ такимъ образомъ потому, что онъ установилъ опредѣленныя отношенія между городами и селами. Городскія общины попонятіямъ тогдашняго времени должны были дѣйствительно составлять нѣчто особенное и отличное въ своемъ составѣ отъ сельскихъ общинъ. Причина необходимости этого различія заключалась въ томъ, что иное было мѣрило въ отправленіи тягольныхъ повинностей въ городской и иное въ сель-

ской общинѣ; легче было устроить раскладку повинностей, соразмѣряя ее просто съ объемомъ и количествомъ земли. Если крестьянинъ получалъ большій участокъ земли, то на него налагалась и большая тягольная повинность. Но въ городахъ это было сдѣлать труднѣе. Города представляли разнообразіе занятій и здѣсь для уравненія раскладки повинностей нужно было соразмѣрять значеніе и достоинство того или другаго промысла, нужно было входить въ оцѣнку дохода или прибыли, которую можетъ приносить то или другое занятіе горожанъ въ теченіи года для того, чтобы придти къ убѣжденію, что одинъ промыселъ выгоднѣе, нежели другой, и что слѣдовательно лицо занимающееся болѣе выгоднымъ промысломъ, должно платить относительно болѣе, нежели другое. Отъ этого происходило слѣдующее: когда правительство посылало писцовъ и дозорщиковъ сдѣлать подробныя описанія и раскладки повинностей, то они гораздо скорѣе составлялись въ селахъ, нежели въ городахъ, и гораздо болѣе поступало жалобъ изъ городовъ, чѣмъ изъ селъ. Слѣдовательно очевидно, что для устройства городскихъ общинъ нужно было сдѣлать совершенно иныя опредѣленія и для того, чтобы установить эту разъединенность, нужно было запретить переходъ изъ городскихъ сословій въ сельскія. Эти потребности государства вынуждали чрезвычайныя мѣры, строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы тяглые дворы не пустѣли, чтобы они не переходили въ руки лицъ, принадлежащихъ къ другому сословію и, кромѣ того, чтобы городскіе и посадскіе люди не были обременены излишними какими либо поборами, которые могли происходить отъ притѣсненій должностныхъ лицъ, отъ злоупотребленія приказныхъ людей и иногда отъ распоряженій самихъ воеводъ. Города, какъ построенные по большей части на земляхъ казенныхъ, находились въ непосредственномъ завѣдываніи самаго приказа. Каждый приказъ точно зналъ не только какіе города лежатъ въ его вѣденіи, но и сколько въ какомъ городѣ жителей, сколько тяглыхъ дворовъ, сколько должно получаться дохода съ каждаго города. Но вмѣстѣ съ этою зависимостью, города находились подъ ближайшимъ надзо-

ромъ и управленіемъ воеводы, который жилъ не во всякомъ городѣ, а только въ главномъ; для надзора за городскимъ порядкомъ и управленіемъ посылали лучшихъ уполномоченныхъ лицъ, но эти лица могли злоупотреблять въ отправленіи обязанностей своей должности, а для правительства было такъ важно устранять всякую мѣру, которая могла бы вынуждать городскихъ и сельскихъ людей къ бѣгству, а потому приказы наблюдали за тѣмъ, чтобы они не были обременяемы излишними поборами. Всѣ эти причины произвели то, что вмѣсто прежняго выборнаго начала городской общины заступило мѣсто точное и опредѣленное росписаніе при отправленіи повинностей каждаго горожанина. Въ особенности останавливаемся на этомъ различіи: въ прежнее время городская община обязана была правительству только въ предоставленіи извѣстнаго количества податей, пошлинъ и сбора. Каждый городъ и прилегающая область знали, сколько они должны были доставлять князю и затѣмъ, какъ это количество распредѣлить горожанамъ между собою правительству и законамъ того времени не было до этого никакой заботы. Надзоръ за раскладкою возлагался сначала на намѣстника, а потомъ былъ предоставленъ самимъ жителямъ. Слѣдовательно городская община въ прежнее время имѣла гораздо болѣе значенія. Напротивъ, въ разсматриваемое время, вслѣдствіе объясненныхъ причинъ, городская община не имѣла никакихъ существенныхъ предметовъ для такъ называемаго самоуправленія, такъ что самый ближайшій предметъ, раскладка повинностей, былъ заботою правительства. Приказы посылали лицъ для переписки тягольныхъ дворовъ и лицъ. Они наблюдали затѣмъ, чтобы эти раскладки были соразмѣрны. Воеводы и друг. должностныя лица наблюдали за тѣмъ, чтобы уплата производилась въ установленный срокъ, чтобы ни одинъ горожанинъ не отвѣчалъ за другаго въ случаѣ неисправности платы. Другое право общины вѣдать и судить лице, принадлежащее къ составу городской общины, въ дѣлахъ общественныхъ также получило совершенно иное значеніе. Таковы были существенныя преобразованія въ устройствѣ городскихъ общинъ. 17

в. представляетъ тѣже самыя стремленія правительственныхъ заботъ о такъ называемомъ строеніи городскомъ, т. е. устройствѣ городовъ. Но къ этимъ общимъ стремленіямъ присоединяются еще новыя: правительство сознаетъ, что городовой и посадскій человѣкъ наконецъ дѣйствительно несетъ такую же значительную и полезную службу для государства, какъ и бояринъ или служилый человѣкъ, и вслѣдствіе того сознаетъ, что городскому тяглому сословію нужно дать извѣстныя исключительныя права, вознаградить его за эти тяглыя повинности, дать ему исключительное право торговли, промысла и ремесла, запретить всѣмъ другимъ лицамъ заниматься этимъ исключительнымъ родомъ занятій, на которое они въ силу своего тягла имѣютъ преимущества. Но эти же преимущества раздѣляли съ ними и тѣ лица, которыя, живя въ городѣ, не несли и не отправляли никакихъ тягольныхъ повинностей: это такъ называемые бѣломѣстцы.

Городъ въ XVI и XVII вв. представлялъ совокупность не только городскихъ и посадскихъ жителей, но тамъ жили и стрѣльцы, служилые люди, жили бояре и дворяне. Они имѣли также при себѣ своихъ слугъ. Слуги эти, живя въ городѣ, часто пользовались тоже возможностью производить торговлю и промыслы, какъ настоящіе городскіе, черные или тяглые люди. Конечно это было весьма обидно, что не тягловой человѣкъ можетъ пользоваться тѣми же правами, извлекать тотъ же доходъ, какъ и городской житель. Въ этомъ смыслѣ въ XVII в. были частыя жалобы отъ городскихъ и посадскихъ людей царю, чтобы онъ запретилъ всѣмъ прочимъ людямъ заниматься торговлей и др. промыслами. И такія запрещенія дѣйствительно послѣдовали сначала въ дополнительныхъ указахъ къ судебнику, а впослѣдствіи отдѣльными законами, чтобы бояре и дворяне не имѣли при себѣ такихъ торговыхъ слугъ и не позволяли имъ заводить лавки, амбары и т. п. Затѣмъ подобныя же запрещенія являются въ отношеніи дворянъ и вообще служилыхъ людей. Дворянамъ рѣдко принадлежало участіе во внутренней торговлѣ, но тѣмъ не менѣе могли быть случаи, когда и они могли заниматься ею. Но съ дру-

гой стороны нѣкоторымъ ратнымъ людямъ и въ особенности стрѣльцамъ въ видѣ исключительной монополіи дано право, живя въ городахъ, заниматься промыслами. Эти то лица большею частью отбивали отъ горожанъ значительные виды городскихъ промысловъ и доходовъ. Были частыя жалобы и въ этомъ смыслѣ, и въ видѣ удовлетворенія, правительство то ограничивало, то снова позволяло стрѣльцамъ заниматься промыслами и торговлей. Затѣмъ, когда раскладка тягольныхъ повинностей въ XVII в. падала не только на лицо, но и на самые дома, находящіеся въ городахъ, тогда являлось основаніе для городскихъ жителей просить о томъ, чтобы эти тягольныя повинности распространялись и на дома бѣломѣстцовъ. Множество жалобъ въ этомъ смыслѣ было подаваемо и значительное число сохранилось и до нашего времени (*). Замѣтимъ, что между городами, посадами и слободами существуетъ съ одной стороны единство тягольныхъ повинностей, а съ другой было слѣдующее различіе: отправленіе тягольныхъ повинностей было болѣе опредѣленно, болѣе правильно въ городахъ, нежели въ посадахъ, и еще болѣе, чѣмъ въ слободахъ. Часто происходило, что посадскіе люди переходили въ слободы, а изъ городовъ въ посады вслѣдствіе какихъ-либо временныхъ льготъ или послабленій въ отправленіи различныхъ тягольныхъ повинностей. Въ отвращеніе такихъ злоупотребленій сами горожане просили царя, чтобы онъ велѣлъ дѣлать болѣе частыя переписи. Мы видимъ, что дѣло объ устройствѣ городскихъ общинъ было вѣковымъ дѣломъ, которое постоянно озабочивало правительство тогдашняго времени, что въ силу различныхъ причинъ—частью интересовъ самого государства, частью самого городскаго сословія—произошло то, что городское сословіе сдѣлалось крѣпкимъ къ тому мѣсту, на которомъ оно жило; однимъ словомъ, что совершилось прикрѣпленіе городскаго сословія.

(*) 1629 г. и др. см. А. А. Э.

ЛЕКЦІЯ XXXIV.

Разсмотримъ теперь, что сталось съ сельскою общиною въ томъ же періодѣ. Мы не будемъ касаться вопроса о переходѣ крестьянъ, о которомъ мы уже говорили въ предъидущихъ лекціяхъ; но это значеніе мѣръ, установленныхъ съ цѣлію препятствовать переходу крестьянъ съ одной земли на другую, значительно видоизмѣнило значеніе крестьянской общины. Говоря о различныхъ земляхъ, мы упомянули различныя названія земель—княжескія, черныя, владѣльческія и другія. Въ отношеніи земель владѣльческихъ было различіе между вотчинами и помѣстьями. Хотя между ними существовало коренное различіе въ томъ смыслѣ, что вотчинное владѣніе было владѣніемъ родовымъ и составляло полную собственность владѣльца, а помѣстное владѣніе—владѣніе царское, данное отъ государя въ видѣ вознагражденія за службу, однако для крестьянъ жить на землѣ вотчинной или помѣстной было сначала совершенно одинаково, потому что владѣльцу вотчинной или помѣстной земли не давалось никакихъ особыхъ правъ надъ крестьянами. Но, по мѣрѣ ограниченія крестьянскаго перехода, мало по малу установилось слѣдующее положеніе. Крестьяне, жившіе на земляхъ, были переписаны съ обязательствомъ не сходить съ этихъ земель, сначала—ранѣе опредѣленнаго срока (до окончанія полевыхъ работъ), потомъ опредѣленное число лѣтъ и, наконецъ, на всегда. Съ этимъ окончательнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ соединялось не только желаніе устроить сельскій бытъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это закрѣпленіе имѣло интересъ и для дворянства. Вотъ почему я упомянулъ, что, съ историческимъ развитіемъ общинъ, надо соединять и перемѣны въ служиломъ сословіи. Дѣло въ томъ, что земли, которыми владѣли частные люди, были даваемы имъ отъ казны за службу (помѣстья), крестьяне же имѣли право перехода; поэтому понятно, что, въ виду этихъ соображеній, ради интересовъ служащаго сословія, ради инте-

ресовъ дворянъ, правительство должно было заботиться о томъ, чтобы крестьяне не переходили. Правительство производило раздачу этихъ земель, но при этомъ требовалось, чтобы каждому былъ даваемъ совмѣстный окладъ отправляемой имъ службы, но какая же могла быть служба, если помѣстье не приносило дохода. На земляхъ черныхъ правительство имѣло иныя соображенія для того, чтобы сначала ограничить, а потомъ и запретить переходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ соединились и интересы финансовые, тягольные, которые побуждали правительство устроить извѣстныя учрежденія въ городахъ для распредѣленія и сбора опредѣленнаго количества доходовъ. Надо было, чтобы это количество было постоянно, чтобы оно не измѣнялось, потому что потребности государства увеличились. Надо было больше войска, надо было раздавать жалованье, были и другія потребности. Для этого было необходимо, чтобы число крестьянъ въ деревняхъ не уменьшалось, а увеличивалось. Мы видимъ, что правительство не запрещаетъ крестьянамъ поселяться на черныхъ земляхъ, такъ какъ ему (правительству) при этомъ представляются выгоды. Съ другой стороны въ экономическомъ отношеніи Россія въ это время является государствомъ, исключительно земледѣльческимъ, сельско-хозяйственнымъ. Слѣдовательно, сельское хозяйство требовало того, чтобы поля не оставались не воздѣланными. Къ тому же частое бѣгство крестьянъ съ одной земли на другую требовало безпрестанныхъ мѣръ преслѣдованія. Рядъ указовъ, дополнительныхъ къ Судебнику, содержитъ многія постановленія на этотъ случай. Къ этому времени относятся постановленія касательно писцовъ и дозорщиковъ, чтобы они наблюдали за тѣмъ, живутъ-ли крестьяне на тѣхъ земляхъ, на которыхъ они записаны. Къ этому общему наблюденію за порядкомъ присоединялось наблюденіе за тѣмъ, чтобы съ помѣстныхъ земель крестьяне не были поселяемы на земли вотчинныя. Это переселеніе для владѣльца было выгодно, такъ какъ вотчина была его собственность, и онъ скорѣе могъ найти покупателя на вотчинную землю, такъ какъ заселенную землю всякій охотнѣе купитъ.

Но, съ переходомъ крестьянъ, помѣстныя земли пустѣли и могли получить совершенно иное значеніе— падали въ своей цѣнности и казна теряла помѣстный окладъ. Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, вызвавшихъ прикрѣпленіе крестьянъ къ мѣстности, надо присоединить и другія. Намѣстники и волостели своими поборами сверхъ указанныхъ раззоряли жителей своихъ уѣздовъ, волостей и селъ. Крестьяне убѣгали и при подобномъ бѣгствѣ скрывались на земли монастырскія, которыя приманивали ихъ разными льготами. Кромѣ того сосѣдніе владѣльцы переманивали крестьянъ (*). Вслѣдствіе этого черныя, казенныя земли, обложенныя повинностями, большею частію пустѣютъ. Происходитъ то, что и въ городахъ. Являются пустые тягольные участки, за которые приходится платить тягло другимъ. Просьбы о возвращеніи крестьянъ были часты, вслѣдствіе чего производились часто переписи земель. Но эти переписи, на которыхъ, казалось, можно было бы успокоиться, производились небрежно, не честно. Владѣльцы за частую скрывали отъ пріѣзжавшихъ писцовъ и дозорщиковъ настоящее число лицъ, населявшихъ его землю. Владѣльцы, поступая такъ, имѣли выгоду въ томъ отношеніи, что за крестьянъ, поселившихся на земляхъ вотчинныхъ, въ случаѣ неисправнаго платежа повинностей, отвѣчалъ помѣщикъ. Если же онъ скрывалъ истинное число крестьянъ, и за нѣкоторыхъ изъ не показанныхъ случалось ему платить, то онъ платилъ писцу изъ суммы собранныхъ съ непоказанныхъ крестьянъ и все-таки не былъ въ накладѣ. Таковы были причины, вслѣдствіе которыхъ законъ того времени нашелъ себя вынужденнымъ объявить крестьянъ прикрѣпленными къ землѣ, такъ какъ необходимую рабочую силу по отношенію къ землѣ, служившей главнымъ основаніемъ доходовъ, какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ—помѣщиковъ и духовныхъ учрежденій — монастырей и церквей; слѣдовательно, прикрѣпленіе крестьянъ произошло вслѣдствіе необходи-

---

(*) Доп. къ Акт. Ист. Т. I № 51, XVIII, № 191 и др.

мости обезпечить государственные доходы. Однако, въ самомъ прикрѣпленіи не выражалось того, чтобы въ силу этого прикрѣпленія крестьянинъ сдѣлался рабомъ, собственностью владѣльца. Весьма важно то, что имѣлись въ виду при самомъ укрѣпленіи извѣстные общественные интересы, но не имѣлось въ виду сдѣлать изъ крестьянина (человѣка свободнаго) раба, т. е. уподобить его вещи—законъ былъ далекъ отъ этого. Сначала пребываніе постоянное крестьянина на одной и той же землѣ было обязанностью и для владѣльца этой земли, но этою мѣрой недовольны были не только крестьяне, но и владѣльцы, такъ какъ владѣлецъ не могъ согнать крестьянина, жившаго на его землѣ. Слѣдовательно, крѣпостное право не уничтожило значенія личной свободы, не дѣлало его собственностью владѣльца этой земли, на которой онъ жилъ, но впослѣдствіи изъ этого первоначальнаго положенія крестьянина образовалось другое, вслѣдствіе котораго крестьяне сдѣлались не только принадлежностью земли, но и принадлежностью владѣльца земли. Матеріальное положеніе крестьянъ находилось въ худомъ положеніи еще во время Судебниковъ. Впослѣдствіи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, оно приходило въ положеніе, невыгодное для крестьянъ: владѣлецъ, часто при продажѣ земли переводилъ крестьянъ съ продаваемой земли на свою, причемъ отбиралъ у нихъ все имущество и, такимъ образомъ, разорялъ ихъ и этимъ приводилъ крестьянина въ большую отъ себя зависимость. Замѣчательно, что законъ этого времени не только былъ далекъ отъ мысли не признавать правъ за крестьяниномъ, но даже содержалъ распоряженіе относительно охраненія интересовъ крестьянъ. Законъ упоминаетъ, чтобы владѣлецъ стоялъ за крестьянъ и оберегалъ ихъ отъ обидъ, чтобы владѣлецъ собиралъ только то, что можно, а не чрезъ силу, чтобы не разогнать ихъ, законъ признавалъ за крестьянами право собственности и обязывалъ владѣльца не брать у крестьянъ ни скота, ни хлѣба, ни чего-либо другаго. Впослѣдствіи помѣщики считали и движимое имущество крестьянина своею собственностью. Другой законъ вмѣнялъ въ обя-

занность владѣльцу земли не наносить крестьянину никакихъ побоевъ или увѣчій, и охранять его отъ обидъ со стороны другихъ лицъ, такъ, что владѣльцы должны были отвѣчать и стоять предъ судомъ за своихъ крестьянъ. Владѣлецъ отвѣчалъ предъ правительствомъ за нѣкоторыя проступки крестьянъ. Въ силу этого сближенія владѣльца съ крестьянами, законъ поручалъ имъ вѣдать и судить во всѣхъ крестьянскихъ дѣлахъ, беречь ихъ и охранять. Впослѣдствіи изъ этого власть помѣщика разрослась въ непосредственное завѣдываніе всѣми крестьянскими дѣлами. Вслѣдствіе этой перемѣны прежніе крестьянскіе (сельскіе) общины совершенно уничтожились. На мѣсто ихъ сталъ помѣщикъ, который могъ судить всѣ крестьянскія дѣла. Хотя землевладѣлецъ не вмѣшивался въ раскладку податей, но власть взысканія податей съ неплательщиковъ и судъ надъ ослушниками и виновными въ злоупотребленіяхъ принадлежали ему (*). Таковы были перемѣны, вслѣдствіе которыхъ сельскія общины получили иное значеніе. Посмотримъ, какая причина служила разрушенію сельской или крестьянской общины. Кромѣ крестьянъ частныхъ владѣльцевъ, были крестьяне, жившіе на земляхъ черныхъ. Съ начала крестьяне эти сохраняли свои личныя права, но во многихъ отношеніяхъ утратили свое общиное значеніе. Это происходило потому, что характеръ повинностей, которыя отправляли жители все болѣе и болѣе получалъ значеніе распоряженія свыше, а не собственной раскладки повинностей самими жителями. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе увеличивалась власть приказовъ и приказныхъ людей, тѣмъ болѣе уничтожалось значеніе сельской общины. Земли были записаны по участкамъ и раздавались не по распоряженію общины, а по распоряженію того приказа, вѣденію котораго принадлежали земли. Различныя просьбы общинъ о прибавкѣ земель, спорныя дѣла о земельныхъ участкахъ между смежными общинами, множество челобитныхъ о раскладкѣ тягольныхъ сборовъ—все разрѣ-

(*) А. А. Э. Т. I № 268.

шалось въ Московскихъ приказахъ. Община отправляла сословную тягольную повинность, а ближайшее управленіе и надзоръ въ этомъ отношеніи возлагался на обязанность воеводъ: они должны были заботиться о томъ, чтобы тяглые участки были всѣ заняты тягловыми людьми отыскивать бѣглыхъ тягольныхъ, раздавать незанятые— пустые тягла охотникамъ и вообще завѣдывать внутренними дѣлами общинъ (*).

Изъ этого обзора сословій мы можемъ убѣдиться въ томъ, что характеръ всѣхъ сословныхъ отношеній является видоизмѣненнымъ. Каждое сословіе получило видоизмѣненіе своего древняго характера и большую сословную опредѣленность въ ряду другихъ сословій.

Внѣшняя исторія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію памятниковъ законодательства въ теченіе этого періода. Къ началу періода московскаго государства надо отнести Судебники, содержаніе и значеніе которыхъ мы уже опредѣлили. Затѣмъ идетъ рядъ дополнительныхъ указовъ, въ которыхъ выражаются нужды и потребности государства и мѣры, принятыя для удовлетворенія этимъ потребностямъ. Теперь намъ будетъ понятно, если мы скажемъ, что эти дополнительные указы наполнены постановленіями о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи продавать тяглые городскіе дворы бѣломѣстцамъ, запрещеніе пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ монастырямъ, безъ царскаго позволенія. Кромѣ того, мы видимъ рядъ указовъ, которые опредѣляютъ порядокъ отправленія промысловъ и запрещаютъ стрѣльцамъ производить торговлю. Кромѣ этого эти же указы опредѣляютъ обязанности воеводъ. Они требуютъ, чтобы воеводы отбирали помѣстья отъ тѣхъ лицъ, которыя уклоняются отъ исполненія служебныхъ обязанностей. Рядъ этихъ указовъ относится къ промежутку времени между 1550 и 1649 годомъ. Большая часть ихъ содержанія вошла въ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ раз-

(*) А. И. III, 18, 67, IV, 142, 208, 286, и др. А. А. Э. III 10, 64, 68, 91 и др.

бору содержанія и значенія уложенія 1649 года, намъ слѣдуетъ бросить бѣглый взглядъ на положеніе законодательства, въ какомъ оно находилось предъ изданіемъ уложенія. Мы видимъ московское государство укрѣпившимся, успѣвшимъ покончить прежніе смуты, образовать внутренній порядокъ и обезпечить себя извнѣ, государствомъ, въ которомъ продолжаютъ дѣйствовать древніе законы въ формѣ судебниковъ, но они не соотвѣтствуютъ потребностямъ государства. Они годны были для первоначальнаго московскаго государства, для уничтоженія удѣльнаго порядка, для объединенія законодательства. Съ начала централизаціи власти все получаетъ иное значеніе: возникаютъ новыя учрежденія, перемѣняется управленіе, является воеводская должность, происходятъ перемѣны въ сословіяхъ, произошли перемѣны и въ другихъ общественныхъ отношеніяхъ. Понятно, что этимъ перемѣнамъ должны были соотвѣтствовать и новые законы, а такихъ законовъ не было. При этомъ еще было и то неудобство, что и прежнихъ законовъ народъ не зналъ. И такъ, мы видимъ множество новыхъ отношеній въ общественномъ и частномъ быту, которыя требовали новыхъ законовъ. Съ другой стороны, мы видимъ отсутствіе знанія законовъ въ самомъ народѣ. Кромѣ существованія этихъ двухъ причинъ различныя притѣсненія пріучили народъ къ невѣрію въ существованіе какихъ-либо законовъ, ограждающихъ ихъ интересы. Надо было поднять въ народѣ уваженіе къ закону, надо было издать новый сборникъ законовъ. Такимъ сборникомъ законовъ и было уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Самый порядокъ его составленія замѣчателенъ тѣмъ, что царь собралъ выборныхъ отъ всѣхъ мѣстностей, отъ всѣхъ сословій, селъ и городовъ и въ присутствіи ихъ составлялся новый сборникъ законовъ. Еще въ 1648 г. іюня 16 совѣтовался Царь съ патріархомъ и боярами о необходимости составленія сборника законовъ. Для исполненія этого дѣла царь назначилъ князей Одоевскаго, Прозоровскаго и Волконскаго и дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова. Когда Одоевскій окончилъ съ товарищами Уложеніе и поднесъ его ца-

рю, то царь повелѣлъ созвать изъ всѣхъ мѣстъ выборныхъ людей для выслушанія такого своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла,—которымъ приказалъ прочесть а прочитавъ приложить къ нему свои руки всѣмъ членамъ думы и выборнымъ, а потомъ списать то уложеніе въ книгу, которую закрѣпить двумъ дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову, а съ этой книги для утвержденія на Москвѣ, во всѣ приказы и города *напечатать* многія книги и всѣ дѣла дѣлать потому уложенію. Источниками для составленія уложенія послужили: 1) Правила св. апостолъ и отцевъ; 2) Градскіе законы греческихъ царей, 3) Соборныя постановленія, 4) Судебники и все предшествовавшее имъ законодательство, 5) Дополнительные указы къ судебникамъ и указы до 1649 г. 6) Боярскіе приговоры и 7) Литовскій статутъ—послужившій составителямъ уложенія большимъ пособіемъ. Соборное Уложеніе 1649 г. было написано на свиткѣ; подлинникъ, найденный въ успенскомъ соборѣ хранится въ оружейной палатѣ. — онъ скрѣпленъ значительнымъ числомъ подписей (315) патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ и прочаго духовенства, бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, городскихъ дворянъ, гостей, гостинныхъ сотень людей, выборныхъ отъ городовъ и проч.

ЛЕКЦІЯ XXXV.

1649 годъ былъ годомъ появленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Оно было вызвано самыми насущными потребностями въ тогдашніе годы, когда вслѣдствіе предъидущихъ смутъ и неурядицъ необходимо было поднять значеніе закона и уваженіе къ нему въ народѣ, необходимо было еще разъ, не смотря на предшествовавшіе два Судебника, внушить должностнымъ лицамъ, судьямъ и управителямъ обязанности руководствоваться въ отправленіи дѣлъ единственно только закономъ, необходимо было еще разъ повторить ту общую истину, которая выражалась еще до Уложенія,

что судъ для всѣхъ лицъ долженъ былъ быть правильнымъ и одинаковымъ; наконецъ, нужно было сдѣлать новый законъ общеизвѣстнымъ всему населенію московскаго государства, нужно было положить конецъ той тайнѣ, въ силу которой только дьяки и подъячіе могли знать законы во всей ихъ подробности. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ, изданіе уложенія совершается инымъ образомъ, нежели какъ это было прежде. По приказанію Царя Алексѣя Михайловича составляется сначала самый текстъ новаго закона, а затѣмъ созывается соборъ изъ всѣхъ людей, выборныхъ отъ всѣхъ концовъ московскаго государства, отъ всѣхъ городовъ, отъ всѣхъ уѣздовъ, волостей, и въ этомъ-то общемъ собраніи представителей всей земли русской читается проектъ новаго Сборника законовъ. Этотъ фактъ чисто-внѣшній, но онъ въ высшей степени знаменателенъ. Подобно тому, какъ нѣкогда Русская Правда была важна не столько своимъ содержаніемъ, сколько тѣмъ, что она была первымъ письменнымъ закономъ, подобно тому, какъ Русская Правда, при всей неполнотѣ своего содержанія, знакомитъ насъ съ настоящими потребностями тогдашняго русскаго общества и съ самою жизнью русскаго народа, выражаетъ намъ понятія русскаго народа тогдашняго времени, выражаетъ его убѣжденія о честномъ и безчестномъ, о дозволенномъ и недозволенномъ, подобно тому и уложеніе царя Алексѣя Михайловича важно во многихъ отношеніяхъ, и прежде всего самымъ фактомъ своего составленія. Кромѣ этого внѣшняго факта его составленія уложеніе важно потому, что оно намъ указываетъ на тѣ насущныя потребности тогдашняго времени, которыя правительство хотѣло удовлетворить изданіемъ новыхъ законовъ: отсюда нѣкоторая несоотвѣтственность въ содержаніи и распространеніи тѣхъ или другихъ статей уложенія; объ одномъ предметѣ уложеніе говоритъ съ замѣчательною подробностью, а о нѣкоторыхъ другихъ или совершенно умалчиваетъ, или говоритъ очень кратко; нѣтъ, слѣдовательно, здѣсь опредѣленной соотвѣтственности въ отношеніи ко всѣмъ частямъ законодательства, но это потому, что прави-

тельство тогдашняго времени было занято опредѣленіемъ самыхъ главныхъ потребностей, а онѣ заключались прежде всего въ установленіи праведнаго суда. Отсюда въ началѣ своихъ опредѣленій Уложеніе, подобно Судебнику, но съ большею энергіей, грозитъ судьямъ за неправый судъ, за лихоимство. Кромѣ этой потребности опредѣленія новыми правилами порядка суда и расправы къ потребностямъ тогдашняго времени относилось устройство тяглаго сословія, болѣе правильныя опредѣленія повинностей и обязанностей городскихъ и посадскихъ людей. Соотвѣтственно этому, уложеніе подробно опредѣляетъ отношенія и бытъ этого класса. Хотя съ меньшею подробностью, но уложеніе останавливается и на другихъ общественныхъ классахъ дворянствѣ и духовенствѣ. Оно касается и крестьянъ и вообще всего того, что имѣло отношеніе къ поземельному владѣнію. Уложеніе составлено весьма поспѣшно; оно составлено въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Это также обращаетъ наше вниманіе: въ такой короткій промежутокъ времени составленъ новый сборникъ законовъ, весьма значительный по своему содержанію, по обилію статей въ него входящихъ. Понятно, что этотъ сборникъ сочиненъ не вновь, а составленъ изъ предшествовавшаго законодательства. Нужно удивляться, что въ такой короткій срокъ и притомъ въ такую эпоху, при недостаткѣ юридическихъ свѣдѣній и образованія, могъ быть составленъ новый сборникъ законовъ, но, съ другой стороны, эта поспѣшность составленія отчасти послужила во вредъ уложенію. Она объясняетъ намъ то обстоятельство, что въ него вошли не всѣ, а нѣкоторые источники законодательства. Источниками для составленія Уложенія были указы, прежніе законы: именно два Судебника, дополнительные указы къ Судебнику. Затѣмъ составителямъ было указано на то, чтобы въ отношеніи опредѣленій, касающихся преступленій противъ церковнаго устройства,—они почерпали свои опредѣленія изъ правилъ св. отецъ и апостоловъ, изъ византійскаго или греко-римскаго права. Въ отношеніи всѣхъ прочихъ опредѣленій составителямъ дано право руководствоваться боярскими при-

говорами и, наконецъ, собственнымъ своимъ усмотрѣніемъ и соображеніями. Кромѣ того, въ число источниковъ уложенія вошелъ и Литовскій статутъ (*) который хотя не былъ указанъ составителямъ, какъ матеріалъ, изъ котораго они могли взять нѣкоторыя правила, но изъ котораго вошли дѣйствительно нѣкоторыя опредѣленія въ уложеніе. Наиболѣе значительнымъ источникомъ, изъ котораго составители уложенія взяли новыя опредѣленія — были такъ называемые боярскіе приговоры. Этотъ источникъ въ особенности важенъ. Подъ именемъ боярскихъ приговоровъ разумѣлись тѣ рѣшенія и распоряженія, которыя постановляли бояре, будучи начальниками различныхъ приказовъ, или по собственному своему единоличному усмотрѣнію, или по совѣщанію съ своими товарищами. Боярскіе приговоры въ изобиліи разрѣшали множество сомнительныхъ случаевъ. Дѣла стекались въ приказы изъ различныхъ частей московскаго государства. Приказы, какъ мы видѣли, завѣдывали разнообразными дѣлами, и потому, при скудости и недостаткѣ опредѣленій древняго законодательства, боярамъ предстояло весьма много случаевъ разрѣшать дѣла собственнымъ своимъ усмотрѣніемъ. Отсюда они представляютъ матеріалъ практики тогдашняго времени. Эти приговоры, пополняя недостатокъ Судебниковъ, приносили еще ту громадную пользу, что они разъясняли примѣненіе закона. И въ новѣйшемъ законодательствѣ можетъ случиться, что законъ при нѣкоторой краткости требуетъ многихъ толкованій и разъясненій при его примѣненіи; тѣмъ болѣе могло это быть въ древности. Чѣмъ древнѣе законъ, тѣмъ болѣе онъ кратокъ, слѣдовательно тѣмъ болѣе представляетъ возможности разъясненій въ примѣненіи къ тому или другому случаю. Этой потребности удовлетворяли боярскіе приговоры. Но эти опредѣленія были весьма разнообразны, не всегда одинаковы даже въ примѣненіи къ однимъ и тѣмъ же предметамъ. Одинъ приказъ не соображался съ дѣятельностью другихъ приказовъ. Слѣдовательно, составите-

(*) Свѣдѣнія объ немъ см. въ лекціяхъ мѣстныхъ гражд. законовъ.

лямъ уложенія предстоялъ трудный выборъ однообразныхъ опредѣленій изъ этого источника, обильнаго по своему количеству, но разнороднаго по своему содержанію. Съ другой стороны, боярскіе приговоры важны потому, что они составляютъ самый обильный родъ опредѣленій законовъ. Московское государство, при недостаткѣ законовъ, заключавшихся въ Судебникѣ и дополнительныхъ указахъ, нуждалось во многихъ опредѣленіяхъ при административной и судебной дѣятельности. Слагались новыя отношенія, возникали различныя сомнѣнія и ихъ нужно было разрѣшать не иначе, какъ путемъ самой практики административной и судебной, а это и выражалось въ боярскихъ приговорахъ. Это намъ объясняетъ нѣкоторыя весьма часто встрѣчающіеся въ уложеніи законы, въ отношеніи которыхъ до уложенія нельзя отыскать древняго, однороднаго имъ правила. Есть нѣкоторыя постановленія уложенія, которыя не могутъ быть объяснены ни заимствованіями изъ Судебника, ни заимствованіями изъ другихъ какихъ-либо видовъ законовъ прежняго времени. Нѣтъ также указанія на то, изъ какихъ именно боярскихъ приговоровъ взяли составители то или другое опредѣленіе. И такъ уложеніе представляетъ собой введеніе нѣкоторыхъ новыхъ опредѣленій законодательства, между которыми и предшествовавшими нѣтъ видимой связи, хотя есть связь внутренняя, состоящая въ томъ, что составители могли взять тѣ или другія опредѣленія только изъ боярскихъ приговоровъ. Слѣдовательно, если мы не находимъ въ уложеніи какихъ-либо подобныхъ опредѣленій, сходныхъ съ опредѣленіями Судебника и другихъ какихъ-либо извѣстныхъ намъ законовъ, то это мы должны объяснять заимствованіями изъ боярскихъ приговоровъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда боярскіе приговоры при разнородности ихъ содержанія возбуждали недоумѣніе въ самихъ составителяхъ, оставалось имъ только внести опредѣленія по собственному ихъ усмотрѣнію. Все это объясняетъ намъ, что уложеніе не сочинено вновь, а составлено изъ прежнихъ законовъ и что, слѣдовательно, есть внутренняя органическая связь между уложеніемъ и предшествовав-

шимъ ему законодательствомъ. Составленіе уложенія было поручено лицамъ, свѣдущимъ не только въ законахъ, но и въ административной и судебной дѣятельности. Исторія сохранила имена этихъ лицъ: составленіе уложенія было поручено князьямъ Одоевскому, Прозоровскому, Волконскому и двумъ дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. Изъ числа этихъ лицъ, какъ напримѣръ Одоевскій, нѣкоторые завѣдывали важнѣйшими государственными дѣлами тогдашняго времени. Дьяки же по самому своему званію должны были быть свѣдущими въ законахъ. Даже иностранцы, посѣщавшіе Россію въ это время отдаютъ справедливость этимъ лицамъ въ томъ, что они были въ свое время наиболѣе образованны, наиболѣе знакомы съ положеніемъ дѣлъ тогдашняго государства. Проэктъ уложенія, составленный этими лицами, разсмотрѣнъ, какъ я уже упомянулъ, особымъ многочисленнымъ собраніемъ выборныхъ лицъ. Соборное Уложеніе читается въ присутствіи этихъ лицъ, затѣмъ удостаивается царскаго утвержденія, вновь читается всѣмъ выборнымъ и, наконецъ, разсылается по всѣмъ областямъ государства. Что касается до содержанія уложенія, то оно должно быть разсматриваемо въ общемъ значеніи и въ отношеніи къ отдѣльнымъ частямъ законодательства. Что касается до общаго значенія уложенія, то на уложеніе смотрятъ различнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, замѣчаютъ недостатокъ систематическаго расположенія различныхъ опредѣленій въ статьяхъ уложенія. Вообще укоряютъ уложеніе въ непослѣдовательности. Но этотъ упрекъ незаслуженъ въ томъ отношеніи, что нельзя обсуждать сборникъ законовъ прежняго времени съ точки зрѣнія и понятій нашего времени. Всякая эпоха, всякое время имѣетъ свой взглядъ на предметъ и имѣетъ свои понятія о томъ, что систематично и что не систематично. По понятію составителей, уложеніе было систематично именно потому, что начинается съ самыхъ существенныхъ и болѣе важныхъ предметовъ, касающихся государственнаго устройства и быта, касающихся охраненія власти верховной. Оно опредѣляетъ затѣмъ постановленія, касающіяся различ-

ныхъ общественныхъ классовъ и въ особенности распространяется о порядкѣ суда и расправы. Съ другой стороны, къ недостаткамъ уложенія относятъ нѣкоторыя повторенія въ различныхъ главахъ. Все уложеніе раздѣлено на 25 главъ. Каждая глава носитъ особое заглавіе, и это уже показываетъ, что составители желали по своимъ понятіямъ составить систематическій сборникъ, иначе не нужно было бы и заглавій главъ. Но они существуютъ, и если не всегда соотвѣтствуютъ содержанію, то это нужно относить какъ къ поспѣшности составленія, такъ и вообще къ тому, что въ древнихъ законахъ, предшествовавшихъ уложенію, весьма часто встрѣчаются повторенія объ одномъ и томъ же предметѣ. Строгой системы въ томъ смыслѣ, чтобы разъ сказанное не повторялось, можно требовать только отъ новѣйшихъ законовъ. Прежній же сборникъ не могъ этому удовлетворить. Наконецъ, къ объясненію того, что тамъ встрѣчаются повторенія, нужно принять и то, что въ прежнее время смотрѣли на сборникъ законовъ, какъ на руководящую книгу для судей и управителей. Составители уложенія смотрѣли на него, конечно, такимъ же образомъ. По ихъ понятіямъ нуженъ былъ такой сборникъ, который былъ бы настольною книгою, а при этомъ было весьма удобно, чтобы о предметѣ особенно важномъ говорилось чаще. Наконецъ, указываютъ на недостатокъ уложенія въ томъ смыслѣ, что въ немъ встрѣчаются такія постановленія, которыя не могутъ быть отнесены къ предшествовавшимъ законамъ. Напротивъ того, это обстоятельство мы ставимъ въ достоинство уложенію, а не въ недостатокъ. Если бы составители включили въ уложеніе только то, что было въ предшествовавшихъ сборникахъ, то они не удовлетворили бы потребностямъ своего времени. Кромѣ того, упрекаютъ уложеніе въ чрезвычайной строгости наказаній. Дѣйствительно, нѣкоторыя наказанія уложенія очень жестоки. Кромѣ того, что тамъ встрѣчается смертная казнь, виды ея еще выражаются въ различныхъ изувѣченіяхъ, такъ, напримѣръ, упоминается въ уложеніи закопаніе живаго въ землю, сожженіе. Но странно было бы это от-

носить къ недостатку, когда въ то же самое время въ Германіи и другихъ государствахъ, опередившихъ русскую жизнь, встрѣчается тоже самое. Еще болѣе странно это ставить въ упрекъ составителямъ уложенія, когда нѣкоторыя наказанія встрѣчаются и въ Судебникѣ, встрѣчаются и ранѣе; понятно, что составители уложенія не могли перемѣнить того, что утвердилось цѣлыми вѣками и чему была придана сила и значеніе всѣмъ предшествовавшимъ законодательствомъ. Затѣмъ, къ недостаткамъ уложенія относятъ то, что эти строгія и жестокія наказанія не всегда послѣдовательны, т. е. и за самое тяжкое преступленіе и за относительно легкое налагается одинаково строгое наказаніе. Но тѣ же самые недостатки встрѣчаются и въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ XVII вѣка. Тоже самое встрѣчается и въ послѣдующемъ законодательствѣ, напримѣръ. Петра Великаго, при всей его геніальности; слѣдовательно, странно было бы ставить это въ недостатокъ. Притомъ это не былъ сборникъ законовъ исключительно для опредѣленія наказаній: онъ долженъ былъ опредѣлять всѣ части управленія. Далѣе къ недостаткамъ уложенія относятъ несоразмѣрность въ частяхъ. Такъ, хотя уложеніе и касается духовенства и правъ, принадлежащихъ церкви, но весьма кратко въ сравненіи съ другими частями законодательства. Въ объясненіе этого нужно сказать, что характеръ всего нашего древняго законодательства до уложенія именно таковъ, что оно почти не касается предметовъ, подлежащихъ духовному вѣдомству; церковь имѣла свое отдѣльное устройство, свои отдѣльные сборники законовъ (мы коснемся ихъ послѣ изложенія уложенія); она имѣла свой кодексъ въ видѣ Стоглава и Кормчей книги. Но и въ этомъ отношеніи уложеніе сдѣлало весьма замѣчательный успѣхъ въ общемъ развитіи и устройствѣ государственнаго быта тогдашняго времени. Уложеніе относится уже съ нѣкоторымъ ограниченіемъ исключительныхъ правъ, льготъ и привиллегій духовенства. Уложеніе опредѣляетъ силу свѣтскаго суда въ отношеніи предметовъ, которые считались неприкосновенными и принадлежащими только суду самой церкви. Этимъ

уложеніе подготовило послѣдующія реформы, впослѣдствіи сдѣланныя Петромъ Великимъ, и въ этомъ отношеніи заключается немаловажная заслуга уложенія. Это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ намъ, что, въ отношеніи къ нѣкоторымъ преобразованіямъ Петра Великаго, первоначальная подготовка этихъ преобразованій была сдѣлана уже до Петра. Такъ, напримѣръ, если бы уложеніе не относилось съ нѣкоторою строгостью къ церковнымъ имуществамъ, то можетъ быть и не было бы реформы Петра. Достоинство уложенія сравнительно съ предшествовавшимъ законодательствомъ заключается въ стремленіи къ большей опредѣленности, къ большей точности выраженій; нѣкоторая сжатость и краткость опредѣленій доведена до такой степени, что нѣкоторыя формулы или опредѣленія уложенія сохранились до сихъ поръ въ нашемъ законодательствѣ; такъ рѣзко и метко выразило Уложеніе нѣкоторыя юридическіе термины, что они удержали свою силу даже до новѣйшаго времени. Правда, что уложеніе во многомъ совершенно преобразовано послѣдующимъ законодательствомъ Петра Великаго и новѣйшимъ законодательствомъ; правда, что весьма немного такихъ постановленій уложенія, которыя сохраняютъ силу дѣйствующихъ законовъ въ настоящее время, но здѣсь вопросъ не о количествѣ этихъ постановленій, а важно то, что во всемъ современномъ законодательствѣ нѣтъ такихъ постановленій, которыя бы имѣли силу изъ предшествующихъ уложенію законовъ.

ЛЕКЦІЯ XXXVI.

Обратимся затѣмъ къ обозрѣнію самаго содержанія уложенія. Уложеніе раздѣлено на 25 главъ, содержаніе которыхъ не равномѣрно: нѣкоторыя главы чрезвычайно кратки, другія напротивъ обширны. Наиболѣе подробныя главы уложенія: глава 10-я о судѣ, глава 21-я и 22-я объ уголовныхъ преступленіяхъ. 1-я глава уложенія носитъ наименованіе: о богохуль-

никахъ и церковныхъ мятежникахъ. Она содержитъ въ себѣ постановленія объ уголовныхъ преступленіяхъ противъ вѣры или правилъ церкви, въ особенности противъ правилъ церковнаго благочинія. Объемъ главы незначителенъ. Онъ состоитъ изъ девяти статей, и замѣчательно, что всѣ онѣ относятся прямо къ своему содержанію. 2-я глава уложенія носитъ наименованіе: о государевой чести и какъ его государево здоровье оберегать. Глава эта содержитъ изложеніе преступленій государственныхъ, т. е. преступленій противъ верховной власти. Кромѣ того здѣсь говорится и о нѣкоторыхъ другихъ преступленіяхъ. 3-я глава озаглавлена о государевомъ дворѣ. Содержаніе главы касается опредѣленій правилъ внутренняго порядка въ царскомъ дворцѣ, правилъ управленія дворцовыми имуществами и нѣкоторыхъ государственныхъ и полицейскихъ установленій по отношенію къ этому предмету. 4-я глава носитъ наименованіе: о фальшивыхъ актахъ и подлогахъ. Содержаніе главы состоитъ въ изложеніи значенія преступленій въ отношеніи подроговъ и преступленій противъ государственныхъ законовъ. Слѣдующая глава имѣетъ связь съ предъидущей. Она носитъ наименованіе о денежныхъ золотыхъ и серебряныхъ мастерахъ, и заключаетъ въ себѣ въ частности постановленія о поддѣлкѣ монеты и наказанія за преступленія этого рода. Нѣкоторая часть этой главы взята изъ Литовскаго статута съ перемѣною нѣкоторыхъ наказаній. 6-я глава озаглавлена: о проѣзжихъ грамотахъ; содержаніе ея относится къ различнымъ предметамъ и въ томъ числѣ о пріѣздѣ чужестранцевъ.

Кромѣ опредѣленія о проѣзжихъ грамотахъ, шестая глава заключаетъ въ себѣ постановленія и неотносящіяся къ этому предмету—именно упоминается о нѣкоторыхъ преступленіяхъ уголовныхъ и соотвѣтствующихъ этимъ преступленіямъ наказаніяхъ. 7-я глава о службѣ всякихъ ратныхъ людей представляется также весьма различною по своему содержанію. Здѣсь объясняется порядокъ призыва на службу военную дворянъ и другихъ лицъ, обязанности военнослужащихъ, порядокъ продовольствія войскъ, нѣкоторыя преступле-

нія военнослужащихъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Недостатокъ этой главы при составленіи которой также замѣтно вліяніе статута заключается въ краткости нѣкоторыхъ опредѣленій, въ нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ объ одномъ и томъ же постановленіи, что, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что устройство войскъ и военное управленіе въ это время не имѣло еще подробныхъ спеціальныхъ уставовъ, и самое положеніе войска не имѣло устройства регулярнаго войска въ смыслѣ постояннаго военнаго учрежденія. Недостатокъ этой главы и устройства войска побудили Петра преобразовать войско въ регулярное, постоянное, и въ руководство былъ данъ воинскій уставъ. Восьмая глава имѣетъ нѣкоторую связь съ предъидущей, потому что опредѣляетъ порядокъ выкупа плѣнныхъ; но кромѣ постановленій объ этомъ предметѣ содержаніе главы относится къ нѣкоторымъ другимъ опредѣленіямъ. Девятая глава о таможенныхъ пошлинахъ содержитъ въ себѣ исчисленіе существовавшихъ тогда финансовыхъ источниковъ и пошлинъ торговыхъ, различныхъ сборовъ, преимущественно съ проѣзжающихъ, а также нѣкоторыя постановленія, находящіяся въ связи съ финансами и торговлей. Десятая глава о судѣ — самая обширная. Множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ входятъ въ составъ этой главы, но главнымъ образомъ въ ней говорится о порядкѣ судопроизводства. Кромѣ изложенія самаго состава суда, различныхъ опредѣленій подсудности, подробныхъ опредѣленій начала суда, вызова тяжущихся, судоговоренія, судныхъ рѣчей, судныхъ доказательствъ и прочихъ принадлежностей процесса, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго, глава десятая на ряду съ этими опредѣленіями и по поводу ихъ излагаетъ права нѣкоторыхъ сословій, порядокъ пріобрѣтенія различнаго рода имуществъ, порядокъ совершенія различныхъ актовъ и документовъ, постановленія о различныхъ договорахъ и обязательствахъ. Поэтому, при всей обширности содержанія, эта глава еще менѣе систематична, нежели прочія главы, хотя эта несистематичность, съ точки зрѣнія нашего времени, есть систематичность по понятіямъ того

времени. Напримѣръ, прежде казалось весьма естественнымъ, говоря вообще о судѣ въ отношеніи недвижимаго имущества, судебной расправѣ, спорахъ о наслѣдствѣ, говорить и о самомъ порядкѣ наслѣдованія. Одиннадцатая глава о судѣ въ крестьянахъ содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся сельскаго населенія. Двѣнадцатая глава содержитъ постановленія о патріаршихъ и иныхъ людяхъ, и въ ней опредѣленъ также порядокъ подсудности этихъ лицъ и порядокъ судопроизводства. Тринадцатая глава содержитъ постановленія, относящіяся до монастырскаго приказа и управленія по духовному вѣдомству. Четырнадцатая глава содержитъ постановленія о судебныхъ доказательствахъ, въ особенности о присягѣ или крестномъ цѣлованіи. Она представляетъ смѣсь прежнихъ постановленій судебниковъ и дополнительныхъ къ нему указовъ. Пятнадцатая глава относится также къ судопроизводству. Здѣсь излагается порядокъ разрѣшенія дѣлъ, бывшихъ уже въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ, такъ называемыхъ вершеныхъ дѣлъ. Кромѣ того здѣсь опредѣляется порядокъ третейскаго суда. Шестнадцатая глава содержитъ постановленія о помѣстныхъ земляхъ. Эти постановленія большею частію заимствованы изъ судебниковъ и боярскихъ приговоровъ. Семнадцатая глава касается вотчиннаго имущества и нѣкоторыя общія постановленія, касающіяся какъ вотчины, такъ и выкупа ихъ, опредѣляютъ вотчинное право и отчасти судопроизводство. Восемнадцатая глава касается различныхъ пошлинъ подъ названіемъ печатныхъ. Девятнадцатая глава довольно подробно опредѣляетъ составъ городскихъ, посадскихъ и слободскихъ людей, опредѣляетъ устройство слободъ, посадовъ и городовъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя полицейскія постановленія, говоритъ о городскомъ управленіи, въ особенности же говоритъ о тяглыхъ повинностяхъ лицъ, принадлежащихъ къ городскому сословію. Двадцатая глава касается суда надъ лицами несвободнаго состоянія. Здѣсь встрѣчаются постановленія не только о холопахъ и вообще несвободныхъ лицахъ, но и нѣкоторыя уголовныя постановленія; частью эти уголовныя постановленія касаются бѣглыхъ крестьянъ, частью

взысканія за неправильное задержаніе чужаго несвободнаго человѣка. 21 гл. и 22 гл. касаются преимущественно уголовныхъ преступленій и наказаній. Первая разсматриваетъ разбойныя и другія преступныя дѣйствія и опредѣляетъ наказанія за нихъ. 22 гл. опредѣляетъ за какія преступленія слѣдуетъ налагать смертную казнь и за какія опредѣлять не смертныя, а другія наказанія. Гл. 23 касается опредѣленій нѣкоторыхъ преимуществъ стрѣльцевъ и постановленій о порядкѣ управленія этимъ особымъ классомъ лицъ. Гл. 24 содержитъ постановленія о атаманахъ и казакахъ здѣсьже находятся постановленія, касающіяся администраціи и судопроизводства. Наконецъ 25 гл. содержитъ въ себѣ постановленія о корчемствѣ и взысканіи за этотъ противозаконный родъ дѣйствій. Послѣ этого общаго внѣшняго обозрѣнія Уложенія приступимъ къ разсмотрѣнію содержанія Уложенія въ отношеніи гражданскаго и уголовнаго права. Замѣтимъ прежде всего, что уголовныя постановленія Улож. болѣе подробны, нежели опредѣленія, касающіяся гражданскаго права. Это обстоятельство объясняется тѣмъ отчасти, что Уложеніе было издано преимущественно для устройства государственнаго быта. Все-же касавшееся гражданскаго быта находило опредѣленія въ прежнемъ законодательствѣ и обычномъ правѣ. Опредѣленіе постановленій, относящихся къ гражданскому праву менѣе подробно и потому, что опредѣлялось до Уложенія исключительно и преимущественно на основаніи церковнаго законодательства. Такъ какъ духовенство въ прежнее время судило дѣла брачныя, дѣла между родителями и дѣтьми, завѣдывало дѣлами о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ имущества; духовенству-же принадлежало право на назначеніе опеки и разборъ дѣлъ касательно духовныхъ завѣщаній. Вслѣдствіе всего этого, опредѣленія, касающіяся гражданскаго законодательства встрѣчаются и въ Уложеніи не вполнѣ, а только такія, которыя считались болѣе нужными въ смыслѣ дополненій дѣйствовавшихъ тогда церковныхъ постановленій.